

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

1

2022

Москва

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peerreviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

1

2022

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал. А. член-корр. РАН, член НИСО РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокосин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦОМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. д. э. н., директор Института Африки РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р. (Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Бутурин А. В. д. э. н., зам. директора Института Европы РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, член-корр. РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. д. и. н., директор Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глиничкова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, член научно-экспертного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М. профессор Мюнхенского университета им. Людвига и Максимилиана (Libman) (Мюнхен, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Панин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Ремингтон Томас

Фредерик

(Т. Remington) профессор Гарвардского университета (Кембридж, США)

Синеокая Ю. В. д. филос. н., заместитель директора Института философии РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Тихонова Н. Е. д. социол. н., г. н. с. Института социологии РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., ректор ГАУГН (Москва, Россия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2022

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2022

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-21 ООО «Тематическая редакция»

Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314, Москва, 105082

Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049

Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS, Member of Scientific Publishing Council of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Sergey Valentyev Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)

Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)

Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)

Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

Feodor Voitlovskiy Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)

Valery Garbuzov Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics

Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Aleksandr Libman Professor of Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany)

Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)

Thomas F. Remington Professor of Political Science at Harvard University (Cambridge, USA)

Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)

Natalya Tikhonova Doctor of Sciences (Sociology), Chief Researcher at the Institute of Sociology of the RAS (Moscow, Russia)

Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Rector of the State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)

Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)

Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2022

Publisher: Russian Academy of Sciences

Executor under the contract № 4У-ЭА-131-21 "Thematic editorial office", Ltd

Rubtsovskaya nab., 3-1, office 1314, Moscow, 105082

Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049 Russia.

Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru. Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ИННОВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Данилов Ю.А. Коалиции за устойчивые финансы и устойчивое развитие	7
Четырнова Л.Б. Проблема трансформации труда в постсоциалистической перспективе	22

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Авилова А.В. Социально-экономические реформы правительства Марио Драги	34
Квашнин Ю.Д. Стратегии европейских городов по привлечению высококвалифицированных мигрантов	48
Гусарова О.В. Британский опыт ценообразования на военную продукцию	60

ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИИ

Клупт М.А. Запад, не-Запад и стратегии политической борьбы на демографическом поле	78
Хайруллин Т.Р. Тенденции в политическом исламе: переход в сторону либерализации	91

КОНЦЕПЦИИ МОРАЛИ

Прокофьев А.В. Автономистское обоснование морали: реконструкция и оценка	100
---	-----

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Оболонский А.В. Системные деформации в социальных науках как следствие иррациональной бюрократизации управления	113
--	-----

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Толокнев К.А. Модель влияния цензуры на общественное мнение в социальных медиа	127
---	-----

CONTENTS

INNOVATIVE DEVELOPMENT MODELS

- Danilov Yu.** Coalitions for Sustainable Finance and Sustainable Development 7
Chetyrova L. The Issue of Work Transformation in Post-Socialist Perspective 22

EUROPEAN STUDIES

- Avilova A.** Socio-Economic Reforms of the Mario Draghi Government 34
Kvashnin Yu. European Urban Strategies for Attracting High-Skilled Migrants 48
Gusarova O. The UK Experience in Pricing for Military Products 60

ISSUES OF IDEOLOGY

- Klupt M.** The West, Non-West and Strategies of Political Struggle
on the Demographic Field 78
Khayrullin T. Trends in Political Islam: Transition Towards Liberalization 91

CONCEPTS OF MORALITY

- Prokofyev A.** The Autonomist Justification of Morality:
Reconstruction and Assessment 100

POINT OF VIEW

- Obolonskiy A.** Systemic Deformations in Social Sciences as a Consequence
of Irrational Managerial Bureaucratization 113

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

- Toloknev K.** Model of Censorship Influence on Public Opinion Formation
in Social Media 127

DOI: 10.31857/S0869049922010038

ИННОВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ INNOVATIVE DEVELOPMENT MODELS

Оригинальная статья / Original Article

Коалиции за устойчивые финансы и устойчивое развитие¹

© Ю.А. ДАНИЛОВ

Данилов Юрий Алексеевич, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ (Москва, Россия), udanilov@rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы формирования коалиций за устойчивое развитие и устойчивые финансы в развитых странах и в России. В развитых странах широкие общенациональные коалиции за устойчивое развитие формировались на основе изначально сложившихся отраслевых коалиций инвесторов и финансовых институтов за устойчивые финансы. Идеологическим ядром таких коалиций стало представление о новых моделях капитализма, основанных на принципах устойчивого развития как идеальном общественном устройстве. Примерами таких моделей выступают концепции стейкхолдерского капитализма и «преобразующей» или «заботливой» экономики. В России аналогичные коалиции намного уже из-за имитации следования ESG-принципам и массового гринвошинга. Вместе с тем существуют объективные факторы, которые могут привести к расширению ESG-коалиций и усилению стимулов для внедрения модели устойчивого развития в России.

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивые финансы, ESG-коалиции, ответственное инвестирование, ESG-принципы, преобразующая экономика, гринвошинг

Цитирование: Данилов Ю.А. (2022) Коалиции за устойчивые финансы и устойчивое развитие // Общественные науки и современность. № 1. С. 7–21. DOI: 10.31857/S0869049922010038

¹ Благодарность. Статья написана по материалам научно-исследовательских работ, выполненных в Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) в рамках государственного задания. Автор благодарит научных сотрудников РАНХиГС Д.А.Пивоварова и И.С.Давыдова за подбор материалов и проведение расчетов. Отдельная благодарность неизвестному рецензенту за ценные профессиональные рекомендации.

Acknowledgements. The article is based on the materials of scientific research carried out at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) within the framework of the state assignment. The author thanks RANEPA researchers D.A. Pivovarov and I.S. Davydov for the selection of materials and calculations. Special thanks to the unknown reviewer for valuable professional recommendations.

Coalitions for Sustainable Finance and Sustainable Development

© Yu. DANILOV

Yuri A. Danilov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), ydanilov@rambler.ru

Abstract. The article studies the formation of coalitions for sustainable development and sustainable finance in developed countries and Russia. In developed countries, the initially formed sectoral coalitions of investors and financial institutions for sustainable finance became the basis for the formation of broad national coalitions for sustainable development. The ideological core of such coalitions was the idea of new models of capitalism based on the sustainable development principles as an ideal social structure. Examples of such models are the concepts of stakeholder capitalism and impact (or caring) economy. In Russia, similar coalitions are much narrower, which is the reason for imitating adherence to ESG principles and mass greenwashing. At the same time, there are objective factors that can lead to the expansion of ESG coalitions and increased incentives for the implementation of a sustainable development model in Russia.

Keywords: sustainable development, sustainable finance, ESG coalitions, responsible investment, ESG principles, impact economy, greenwashing

Citation: Danilov Yu. (2022) Coalitions for Sustainable Finance and Sustainable Development. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no.1, pp. 7–21. DOI: 10.31857/S0869049922010038 (In Russ.)

Введение

Последние 10–15 лет развитые страны стремительно переходят к новой идеологии экономического развития, которая ставит во главу угла экологические и социальные ценности и цели. В названии данного типа развития – «устойчивое развитие» (sustainable development) – подчеркивается, что экономические агенты в его рамках вынуждены балансировать разные – и в значительной мере противоположные – цели. Поскольку традиционная парадигма экономических наук признает иррациональным одновременное следование разным целям, в рамках новой идеологии требуется и кардинально трансформировать теоретические представления о деятельности экономических агентов – в том числе модифицировать понятие стоимости и опровергнуть ряд основополагающих концепций традиционной парадигмы. Возможно, в дополнение к жестким, математически строгим моделям будут активно использовать более гибкие методы эволюционной психологии, биотехнологий и кибернетики. Подробнее о попытке теоретической революции, связанной с ростом ответственного инвестирования – одного из важнейших элементов устойчивого развития – см. [Данилов 2021b].

Переход к модели устойчивого развития не ограничивается изменениями в экономике и экономической науке. Трансформации подвергаются представления значительной части человечества о целях и ценностях, в результате чего изменения происходят во всем спектре гуманитарных наук и в господствующих идеологических императивах.

Цели устойчивого развития зафиксированы в документе Организации Объединенных Наций [United Nations 2015]. Многие международные организации и государства, ориентируясь на указанные цели, разрабатывают планы по переходу к новой модели. Однако в последние годы к устойчивому развитию динамичнее стремится частный сектор – в зна-

чительной мере под воздействием активности частных инвесторов, которые добровольно налагают на себя ограничения по размещению инвестиций. Такой тип инвестирования получил название «ответственные инвестиции».

По данным Инициативы «Принципы ответственного инвестирования» (Principles for Responsible Investment, PRI), поддерживаемой ООН, совокупная стоимость активов под управлением институциональных ответственных инвесторов, которые подписали PRI, за период с 2006 г. по 2020 г. возросла с 6,5 трлн долл. до 103,4 трлн долл.² – почти в 16 раз.

Стремительный рост ответственных инвестиций и последовавшее внедрение стандартов ESG (environmental, social and governance) в функционирование финансовых рынков предопределили особую роль устойчивых финансов в модели устойчивого развития. Именно через финансовые рынки частные капиталы повлияли на закрепление новой модели устойчивого развития в качестве консенсусного видения «прекрасного будущего» человечества. Следует отметить, что именно через данный канал крупнейшие предприниматели развитых стран воздействовали на общественное мнение своим примером, инвестируя собственные капиталы в соответствии с принципами ESG. Автор не обнаружил работы, которые эмпирически подтверждают значимость ответственного инвестирования отдельных частных (семейных) капиталов или капиталов общественно-значимых частных лиц. Однако предположение о том, что публичное участие крупнейших предпринимателей в ответственных инвестициях сыграло роль побудительного мотива в стремительном наращивании их объема, представляется достаточно обоснованным [Данилов 2021а].

Выделяются два основных блока причин, которые вызвали интенсивное движение в сторону устойчивого развития.

Во-первых, усилилось внимание к проблемам устойчивого развития со стороны общества как ответ на нарастание экологических проблем. Они все более отчетливо проявляются в ограниченности ресурсов, обострении проблем социального характера и росте глобальной взаимозависимости человечества (наступление «века интернализации»).

Во-вторых, возникли дополнительные факторы в финансовом секторе. Появились ответственные инвесторы, которые хотят внести вклад в решение глобальных проблем, а также возник спрос на долгосрочное доверие как реакция на сверхнизкие процентные ставки, риски цикличности и финансовой нестабильности [Данилов 2021а].

Наиболее высока обеспокоенность экологическими рисками, из-за чего на протяжении долгого времени (вплоть до 2020 г.) «зеленые» финансовые инструменты развивались быстрее социальных. Эмиссия «зеленых» облигаций составляла, как правило, более 80% суммарной эмиссии облигаций, соответствующих стандартам ESG.

Эксперты Всемирного экономического форума среди 5 рисков глобального характера с наибольшей вероятностью реализации в 2021 г. указали 4 экологических: экстремальная погода, потери от климатических событий, разрушение среды обитания человека и сокращение биологического разнообразия. В 2020 г. все 5 рисков в списке были экологическими; в 2019 г. – 3 из 5. Среди 5 наиболее влияющих на социально-экономическую систему рисков в 2021 г. назвали 3 экологических (в 2020 г. – также 3, в 2019 г. – 2) [WEF 2021].

Пандемия коронавируса и порожденные ей новые социальные риски привели к более активному выпуску социальных облигаций. По итогам 2020 г. сумма эмиссий социальных облигаций и облигаций устойчивого развития (выпускаемых для финансирования одновременно экологических и социальных программ) впервые сравнялась с объемом эмиссий «зеленых» облигаций [S&P Global Ratings 2021].

² About The PRI. Principles for Responsible Investment. (<https://www.unpri.org/pri/about-the-pri>).

В отличие от развитых стран и все более активно встающих на путь устойчивого развития крупнейших развивающихся экономик, Россия до сих пор остается крайне пассивной в этом движении. По мнению автора, такая ситуация сложилась из-за разницы в широте коалиций за устойчивое развитие и устойчивые финансы в мире и в России.

Коалиции за устойчивое развитие и устойчивые финансы в развитых странах

Важнейшим фактором, который предопределил ускоренное развитие устойчивых финансов и идеи устойчивого развития в развитых странах, стали широкие коалиции за внедрение принципов устойчивого развития и устойчивых финансов в экономическую жизнь.

Классическая проблема в экономике окружающей среды – «трагедия общего достояния». Она описывает ситуацию в системе общих ресурсов, когда отдельные пользователи, действуя независимо в соответствии со своими собственными интересами, ведут себя вопреки общему благу всех пользователей, истощая этот ресурс посредством своих коллективных действий. В разряд общих ресурсов входят не только природные ресурсы, которые могут быть истощены, но и, например, воздух или вода, которые могут чрезмерно употребляться поглотителями. Общее благо обычно сохраняется за счет государственного налогообложения/регулирования или передачи прав частной собственности [Schoenmaker 2017, 60].

Э. Остром [Ostrom 1990] предложила принципы устойчивого и справедливого использования общих ресурсов. Основная идея заключается в создании коалиций, которые разрабатывают правила использования общего блага, следят за поведением членов, применяют поэтапные санкции в отношении нарушителей правил и предоставляют доступные средства для разрешения споров. Для создания эффективной коалиции необходимо четко определять ее границы, чтобы максимально охватить наиболее влиятельных заинтересованных лиц и обеспечить возможность участия затронутых правилами лиц в их изменении.

Следуя принципам проектирования коалиций, разработанным Остром [Ostrom 1990], Д. Схунмакер рассматривает следующие особенности коалиций за устойчивые финансы [Schoenmaker 2017]:

- 1) четко определенные границы того, какой процент соответствующей группы охвачен коалицией;
- 2) правила членства, которые ограничивают использование общего блага местными условиями. В дальнейшем это может быть переведено в типологию устойчивого финансирования, которой придерживается коалиция;
- 3) механизмы коллективного выбора: лица, затронутые правилами и принципами, могут участвовать в их изменении;
- 4) мониторинг: отчетность о соблюдении правил и принципов, а также независимая оценка степени их соблюдения;
- 5) санкции и вознаграждения: система наказаний за нарушения участниками правил и вознаграждений за их соблюдение;
- 6) механизм разрешения конфликтов: быстрый доступ к недорогим механизмам разрешения конфликтов между членами или между членами и должностными лицами.

Схунмакер предполагает, что правила, регулирующие использование общего блага, такого как доступный углеродный бюджет, должны следовать системному подходу. Он приводит примеры наиболее мощных отраслевых коалиций (в отрасли управления активами, в банковском секторе и в корпоративном секторе) за устойчивые финансы [Schoenmaker 2017, 62–63]:

– управляющие активами, которые разделяют принципы ответственного инвестирования (подписавшие PRI);

- управляющие активами, которые в своих инвестиционных стратегиях фокусируются на создании глобальной долгосрочной стоимости (Focusing Capital on the Long Term Global, FCLT Global);
- банки, разделяющие «Принципы экватора» (Equator Principles³);
- банки, входящие в Глобальный альянс за банкинг на основе ценностей (Global Alliance for Banking on Values, GABV);
- корпорации, развивающие принципы устойчивых финансов в рамках мероприятий и программ Всемирного экономического форума (ВЭФ)⁴;
- корпорации, входящие во Всемирный деловой совет за устойчивое развитие (World Business Council for Sustainable Development, WBCSD).

Что стимулирует долгосрочных инвесторов присоединяться к новым коалициям устойчивого финансирования? Один из основных стимулов – доступ к возможностям перехода к устойчивой экономике. Члены PRI, FCLT Global, GABV и WBCSD по своей природе мотивированы работать над созданием долгосрочной стоимости. Других инвесторов может привлечь аргументация альянсов финансовых организаций, выступающих за устойчивые финансы, либо их вынуждает следовать данным принципам сотрудничество с корпорациями, которые разделяют их и ограничивают свои бизнес-контакты по данному признаку. Инвесторы могут быть заинтересованы в присоединении, чтобы избежать риска потери активов. Коллективная защита инвесторов со стороны коалиции с целью побудить правительства уточнить свои повестки дня, например, в отношении смягчения последствий изменения климата (включая сроки регулирования и налоги), может снизить политическую неопределенность относительно будущей стоимости активов.

Коалиции за устойчивое развитие намного шире коалиций за устойчивые финансы. Как правило, они формируются не по отраслевому принципу, так как у предпринимателей из «коричневых» отраслей до появления обширной группы ответственных инвесторов не было экономических стимулов для перехода к «зеленым» технологиям. Рост доли ответственных инвестиций, деятельность коалиций за устойчивые финансы, а также инициативы отдельных предпринимателей, инвесторов, политиков и ученых создали такие стимулы и предопределили формирование широких – в масштабах всего общества – коалиций за устойчивое развитие.

Такие коалиции формируются после того, как идея устойчивого развития захватывает все общество. Строятся они в значительной мере на тех же принципах, что и возникшие ранее отраслевые («цеховые», «индустриальные») объединения за устойчивые финансы.

На уровне публичной политики в развитых странах в настоящее время за устойчивое развитие выступают как ведущие политические силы, так и более слабые партии и общественные движения. В ряде стран данную идею активно продвигают национальные правительства.

Национальные банки демонстрируют в целом нейтральное отношение. Как правило, они не слишком активно участвуют в повестке, но испытывают значительное давление со стороны политических организаций и независимых экспертов, которые требуют учитывать по крайней мере «зеленый» фактор в проводимой денежно-кредитной политике.

³ «Принципы экватора» – система управления рисками, принятая финансовыми учреждениями для определения, оценки и управления экологическими и социальными рисками в проектах, в первую очередь предназначенная для обеспечения минимального стандарта должной осмотрительности и мониторинга для поддержки принятия ответственных решений о рисках. (<https://equator-principles.com/about/>).

⁴ К настоящему времени (2022 г.) в рамках ВЭФ сформировано достаточно много таких мероприятий и программ. В качестве примера можно привести инициативы «Коалиция за переход к нулевым выбросам» (Getting to Zero Coalition), «Мобилизация инвестиций в экологически чистую энергию в странах с развивающейся экономикой» (Mobilizing Investment for Clean Energy in Emerging Economies) и др.

Среди нефинансовых корпораций значительная часть компаний, которые получают эффект от устойчивых финансов, следует принципам устойчивого развития. Финансовые посредники, консультанты и аудиторы активно участвуют в формировании повестки дня по теме.

Роль ответственных инвесторов продолжает расти, их доля в общем объеме инвестиций весьма заметна, в отдельных странах – преобладает. Доли активов, инвестируемых с учетом принципов ответственного инвестирования (PRI) и ESG-принципов, в совокупном объеме профессионально управляемых активов в 2020 г. составили: в Канаде 62%, в Европейском союзе (ЕС) 42%⁵, в Австралии 38%, в США 33%, в Японии 24% [The Global Sustainable Investment Alliance 2021].

Модели капитализма на принципах устойчивого развития как идеологическое ядро коалиций

Максимально широкие коалиции формируются на основе общих представлений об идеальном общественном устройстве. В случае коалиций, выступающих за переход к устойчивому развитию, данные представления исходят из того, что преобразование целей социально-экономического развития в соответствии с целями устойчивого развития ведет к появлению концептуально новой модели капитализма.

Вместе с тем ее формирование воспринимают как защиту самого капитализма, понимаемого в качестве исключительной ценности, которая сделала людей богатыми и свободными. Развитие в соответствии с «Вашингтонским консенсусом» – системой взглядов, в центре которой стоит свободный рынок как важнейший фактор роста – теперь объявляют ошибкой, так как эффективность капиталистической системы зависит от гораздо большего количества институтов [Хендерсон 2021, 228]. В более ранних работах ставилась цель защитить капитализм от капиталистов [Зингалес, Раджан 2004]. В отличие от них, сторонники устойчивого развития предлагают новые версии капитализма, используя как модели, сформулированные Л. Зингалесом и Р. Раджаном (открытая экономика, противопоставляемая модели кумовского капитализма), так и разделение институтов на инклюзивные и экстрактивные, которое описали Д. Аджемоглу и Д. Робинсон [Аджемоглу, Робинсон 2015].

Очевидно, что представление о модели устойчивого развития в большей мере учитывает позиции левых идеологий, чем модель открытой (конкурентной, либеральной) экономики, которая способствует финансовому развитию в целом [Данилов 2020]. Вместе с тем сторонники устойчивого развития, во-первых, предельно жестко выступают за «прозрачное демократическое правительство, а также другие институты открытого инклюзивного общества, включая верховенство закона, всеобщее уважение к правде и независимые СМИ» [Хендерсон 2021, 221], и, во-вторых, четко отделяют модели устойчивого развития от модели «государственной экономики» [Schoenmaker 2020].

На взгляд автора, наиболее популярными концепциями (моделями) устойчивого развития, которые находятся в центре общественных дискуссий, стали две:

- концепция стейкхолдерского капитализма (stakeholder capitalism);
- концепция «преобразующей» (impact) или «заботливой» (caring) экономики.

Концепцию стейкхолдерского капитализма активно продвигает руководитель Всемирного экономического форума К. Шваб. Он определяет ее как модель организации обще-

⁵ Следует отметить, что в ЕС доля ответственных инвесторов достигала максимума в 2014 г. (59%), но затем ее оценка снижалась в результате ужесточения критериев отнесения инвесторов к ответственным (что свойственно и для некоторых других стран), а также из-за внедрения регулирования с элементами обязательности (например, требования раскрытия нефинансовой отчетности для всех компаний установленного размера).

ства, в котором частные корпорации пекутся об общественных интересах, что, по его мнению, наилучшим образом отвечает на социальные и экологические вызовы современности [Schwab 2019]. Соответственно, возглавляемая им организация разрабатывает концептуальные рамки новой модели капитализма и метрики соответствия.

Концепцию «заботливой» (caring) экономики разрабатывал Д. Схунмакер. Она представляет собой экономику, в которой правительства и корпорации балансируют прибыль, с одной стороны и достижение целей устойчивого развития – с другой. Данную концептуальную модель автор впоследствии переименовал в «преобразующую» (или «воздействующую») экономику (impact economy) [Schoenmaker 2020]. Переименование устранило двойственность терминологии при описании как концепции импакт-инвестиций, так и соответствующей ей концептуальной модели экономики. Данная концепция в наибольшей степени опирается на теоретические основы – в том числе на компаративистский анализ Д. Копштейна и М. Лихбаха [Kopstein, Lichbach 2005]. Она значительно шире концепции стейкхолдерского капитализма и использует последнюю в качестве одного из составных элементов.

Схунмакер сформулировал следующие основные отличия парадигмы преобразующей экономики от текущей парадигмы экономической системы капитализма (таб. 1).

Таблица 1

Отличие импакт-экономики от нынешней экономики

Table 1

The difference between the impact economy and the current economy

Параметр	Нынешняя парадигма	Импакт-экономика
<i>Цели</i>		
на уровне экономики	стимулирование роста ВВП	благополучие в широком смысле
на уровне корпорации	максимизация прибыли	управляемые цели
<i>Критерии принятия решений</i>		
на уровне экономики	общественная польза, основанная на фискальных и экономических индикаторах	общественная польза, основанная на фискальных, экономических, социальных и экологических индикаторах
на уровне корпорации	чистая приведенная стоимость, основанная на финансовых факторах (максимизация финансовой стоимости)	чистая приведенная стоимость, основанная на интегральной стоимости ⁶ (максимизация интегральной стоимости)
<i>Контроль</i>		
на уровне экономики	парламент	парламент
на уровне корпорации	акционеры	стейкхолдеры
<i>Отчетность</i>		
на уровне экономики	бюджет	бюджет благополучия
на уровне корпорации	финансовая отчетность	интегрированная отчетность

Источник: [Schoenmaker 2020, 2].

Source: [Schoenmaker 2020, 2].

Модель импакт-экономики позиционируется как «золотая середина» между рыночной и государственной экономиками.

⁶ Понятие «интегральной стоимости» (integrated value) предполагает учет не только финансовых, но также социальных и экологических аспектов. В литературе именуется также «общей (совокупной) стоимостью» (total value), «истинной стоимостью» (true value) и т. д.

В рыночной экономике правительство отвечает за общественные блага (неисключительные и неконкурентные товары) и создает условия для экономического роста. Частные компании производят и продают товары на рынке без учета социальных или экологических последствий. Компании работают в интересах своих акционеров. Общее благо – исключительная сфера деятельности правительства.

В государственной экономике правительство («государство») обладает мощью и отвечает за производство как общественных, так и в значительной части частных товаров. Компании могут производить частные товары, однако они в значительной части принадлежат государству.

В своей работе Д. Схунмакер [Schoenmaker 2020] сравнивает количественные характеристики и измерители качественных параметров трех стран, которые представляют собой наиболее выраженные примеры трех типов современных экономических систем: США (рыночная экономическая система), ЕС (преобразующая (заботливая) система), и Китай (государственная система).

Европа на самом деле представляет собой промежуточное звено между рыночной и государственной экономическими системами – по размеру ВВП на душу населения, уровню конкуренции, динамике бизнеса и восприимчивости к инновациям. Вместе с тем по показателям социального и экологического благополучия Европа опережает как США, так и Китай. В Европе (по сравнению с США и Китаем) самый низкий уровень неравенства (по коэффициенту Джини), самый высокий уровень соблюдения прав человека, наивысший уровень гендерного равенства, самый низкий уровень выбросов углекислого газа и наивысший уровень лесистости. Как следствие, у Европы наивысший уровень Индекса ЦУР и самая большая доля налогов в ВВП. Европейский союз одним из первых в мире взял курс на устойчивое развитие [Понеделко 2021], что предопределяет его лидерство, наряду с Новой Зеландией и Канадой, в движении к модели устойчивого развития.

В таблице 2 приводятся значения двух основных интегральных индексов (SDG и CSR), которые учитывают продвижение стран по различным направлениям устойчивого развития для трех выделенных типов экономических систем и России.

Таблица 2

**Значения интегральных индексов устойчивого развития
 для трех типов экономических систем и для России**

Table 2

**The values of integral indices of sustainable development
 for three types of economic systems and for Russia**

Рейтинг	Экономическая система			
	Рыночная (США)	Преобразующая (ЕС)	Государственная (Китай)	Россия
SDG	73,0	78,1	70,1	68,9
	CSR			
Общий	69,0	78,8	53,0	31,0
Социальный	65,2	83,5	52,0	28,0
Экологический	70,8	88,2	59,5	23,0

Источник: [Schoenmaker 2020]; по России – расчеты сотрудников РАНХиГС Д.А. Пивоварова и И.С. Давыдова.

Source: [Schoenmaker 2020]; for Russia – calculations by RANEPА employees D. Pivovarov and I. Davydov.

Добавление в анализ рейтингов CSR показывает, насколько велико отставание России в области устойчивого развития – по крайней мере в части тех метрик, которые принимают во внимание ответственные инвесторы.

Коалиции за устойчивое развитие и устойчивые финансы в России в сравнении с коалициями в развитых странах

Очевидно, что без широкой коалиции групп интересов, ориентированных на развитие устойчивых финансов в России, внедрить принципы устойчивых финансов в российский финансовый сектор в ближайшее время не представляется возможным.

Вместе с тем внедрение целей защиты окружающей среды в практику деятельности российских корпораций в Российской Федерации может получить достаточно сильную поддержку на политическом уровне. Современная российская политическая элита в своей деятельности анализирует и учитывает запросы, которые поддерживает (или может поддержать в перспективе) значительная часть общества. Однако в практической политике запросы учитывают при условии, что они не угрожают политическим элитам.

Как представляется, запросы общества на защиту окружающей среды и на активизацию социально-ориентированных мер соответствуют данным условиям. Нельзя исключать, что данные запросы поддержат и реализуют в политических решениях.

Вместе с тем следует учитывать, что «зеленая» повестка не включена в программы парламентских партий, а лозунги устойчивого развития в части социальных проблем сформулированы в значительной мере «несистемной» оппозицией. Данные факторы существенно снижают силу коалиции в ее политической части.

Тем не менее, можно предположить следующий состав коалиции за устойчивые финансы в современной России:

- «зеленые» политические движения, которые оказывают мягкое политическое давление;
- представители государственной власти, которые стремятся перехватить у оппозиции «социальную повестку»;
- госкорпорации, ищущие возможность применить свои ресурсы в различных аспектах – в том числе с точки зрения экономического и публичного эффекта⁷;
- «коричневые» нефинансовые корпорации, которые опасаются понести существенные потери в связи со вступлением в силу пограничного корректирующего углеродного механизма («углеродного налога») ЕС;
- прочие нефинансовые корпорации, которые усматривают дополнительный ресурс в привлечении инвестиций на глобальных рынках через интерес ответственных инвесторов, а также в виде использования инвестиционных ресурсов государственных корпораций;
- консультанты и эксперты, стремящиеся получить дополнительный заработок на «модной» теме;
- Московская биржа, активно вовлеченная в повестку дня устойчивых финансов благодаря участию в международных организациях (в первую очередь во Всемирной федерации бирж) и «дискуссионных клубах»;

⁷ Следует выделить активные действия ВЭБ.РФ по созданию основ для функционирования рынков инструментов устойчивых финансов в России. ВЭБ.РФ разработал и утвердил Методические рекомендации по развитию инвестиционной деятельности в сфере зеленого финансирования в Российской Федерации и – в качестве приложения к данным рекомендациям – таксономию «зеленых» инвестиций в Российской Федерации, т.е. два основополагающих документа, без которых функционирование рынка частных ответственных инвестиций в сфере зеленой экономики невозможно.

– Банк России (при условии активизации усилий по продвижению идей устойчивых финансов в России и их реализации в денежно-кредитной политике).

Состав потенциальной коалиции значительно отличается от аналогичных объединений в развитых странах. Однако даже приведенный выше перечень – лишь потенциальный состав коалиции за устойчивые финансы в России, а реально сложившаяся коалиция значительно уже. В таблице 3 автор представляет свое видение отличий коалиций за устойчивые финансы в России и в мире.

Финансовые посредники сами по себе, как правило, не выступают проводниками концепции устойчивых финансов. Они активно включаются во внедрение концепции, когда видят заметный спрос со стороны инвесторов и других категорий потребителей финансовых услуг. Следовательно, можно предположить, что финансовые посредники в России также могут активно включиться во внедрение концепции устойчивых финансов, когда увидят спрос на ее элементы со стороны инвесторов.

Таблица 3

**Сравнение состава коалиций за устойчивые финансы
 в развитых странах и в России**

Table 3

**Comparison of the composition of coalitions for sustainable finance
 in developed countries and in Russia**

	В развитых странах	В России
Публичная политика	Ведущие политические силы, представленные в парламенте	Преимущественно политики за пределами парламента, в т.ч. «несистемные»
Правительство и квазиправительство	Национальные правительства, в ряде стран – очень активно принимающие участие в процессе	Активная роль ВЭБ.РФ, а также более или менее активная роль других госкорпораций и единичных ФОИВ
Национальные банки	В целом нейтральное отношение; отсутствие активного участия	Банк России все более активно участвует в повестке, в целом положительное отношение
Нефинансовые корпорации	Значительная часть корпораций, имеющая эффект от устойчивых финансов, следует принципам ESG	Единичные случаи формального следования принципам ESG (все они предполагают листинг на глобальной бирже); деятельность многих крупных корпораций разрушает окружающую среду, что делает их их противниками ESG
Финансовые посредники	Исключительно активное участие в повестке дня	В целом нейтральное отношение; отсутствие активного участия
Консультанты и аудиторы	Исключительно активное участие в повестке дня	Исключительно активное участие в повестке дня
Инвесторы	Роль ответственных инвесторов стремительно растет, они – главная движущая сила ESG-коалиций	Ответственные инвесторы отсутствуют как самостоятельная группа (внутренних нет; внешние рассматривают Россию как негативный пример в дополнение к санкциям)

Источник: составлено автором.

Source: compiled by author.

Часть российских корпораций, чьи акции торгуются на иностранных биржах, оказались вовлечены в продвижение стандартов устойчивого развития в 2020 г., когда пандемия коронавируса заставила глобальные корпорации усилить внимание к проблемам устойчивого развития, что нашло отражение и в действиях глобальных фондовых бирж. Так, например, МТС только в октябре 2020 г. заявила о том, что «приступила к подготовке обновленной Стратегии в области устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности до 2025 г.»⁸.

Другая часть российских корпораций – экспортеры углеродоемкой продукции в ЕС – занялась проблемой только в 2021 г., когда стало понятно, что углеродный налог будет внедрен в самом ближайшем будущем. Их реакция оказалась неоднородной: лишь небольшая часть таких корпораций реально занялась проблемой сокращения углеродного следа, в то время как большинство намерены лишь имитировать подобную деятельность, фактически занимаясь гринвошингом (greenwashing) – созданием обманчивого образа экологичной компании – вводя в заблуждение инвесторов.

В отличие от других стран, в России государство пока еще крайне слабо вовлечено в тематику устойчивого развития и устойчивых финансов. На федеральном уровне только начинается разработка стимулов для развития инструментов устойчивых финансов в России, однако пока данный процесс касается только инструментов «зеленого» финансирования.

В апреле 2019 г. Правительство РФ утвердило постановление⁹, в соответствии с которым предприятия имеют право возмещать затраты на выплату купонного дохода по облигациям, выпущенным в рамках реализации инвестиционных проектов по внедрению наилучших доступных технологий.

Распоряжением Правительства России от 14 июля 2021 г. №1912-р были утверждены «Цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации». Документ очень точно характеризует отношение Правительства к проблемам устойчивого развития. Он занимает всего 3 страницы, на которых уместились и цели, и основные направления. Безусловно, появление такого распоряжения – даже предельно лаконичного – это маленький шаг в сторону цивилизованности. Однако из всех направлений устойчивого развития Правительство ограничилось только «зелеными» вопросами, проигнорировав вопросы социальные.

В 2019 г. началась разработка законопроекта «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением зеленых сертификатов», но в 2021 г. по неуказанным причинам она была прекращена.

⁸ В обращении к акционерам, распространенном через Национальный депозитарный центр, МТС следующим образом объяснила свое решение: «Сложившаяся в мире ситуация с пандемией внесла коррективы в отношение многих компаний к корпоративной социальной ответственности, поставив последнюю во главу угла стратегического развития бизнеса. Сегодня корпорации вынуждены искать новые подходы в решении проблем, действовать сообща, чтобы придать борьбе с кризисом требуемый импульс в реализации целей устойчивого развития. В этой ситуации ESG-факторы стали еще более актуальными, поскольку именно они позволяют оценить важность происходящих изменений для будущего развития бизнеса». (<https://cadocs.nsd.ru/20201030%20MTS.pdf>).

⁹ Постановление Правительства РФ от 30.04.2019 N 541 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на возмещение затрат на выплату купонного дохода по облигациям, выпущенным в рамках реализации инвестиционных проектов по внедрению наилучших доступных технологий».

Последствия отсутствия широкой коалиции за устойчивое развитие и возможности внедрения модели устойчивого развития в России

В течение 2020–2021 гг. в России активизировалась повестка устойчивого развития. Тем не менее, пока данный процесс не привел к формированию широкой коалиции за устойчивое развитие. Главное следствие отсутствия в России широкой коалиции за устойчивое развитие – имитация деятельности в данном направлении. Имитация деятельности правительством не влечет прямых убытков для инвесторов, однако имитация корпорациями деятельности по переходу к устойчивому развитию может привести к ним, так как она вводит инвесторов в заблуждение.

Большой проблемой российских корпораций всегда была определенная имитационность корпоративного управления, мимикрия корпоративного поведения российских корпораций под классические образцы корпоративного поведения. И. Беликов называет «катастрофическим» разрыв между формально-юридической ролью советов директоров российских публичных компаний и практикой корпоративного управления в них [Беликов 2019, 486]. Привычка к имитации сохранилась и в сфере устойчивых финансов, внедряемых в практику корпоративного управления, раскрытие информации о следовании которым требуют мировые биржи, на которых торгуются акции российских корпораций. Имитируя следование стандартам устойчивого развития, корпорации занимаются гринвошингом.

Гринвошинг – достаточно распространенное явление в мире, так как существуют объективные причины его существования, связанные с трудностями при оценке соответствия корпоративного поведения принципам ESG (смещение в выборках рейтингов ESG по размеру корпораций и отраслевой структуре; отсутствие целостной методики и единых стандартов оценки ESG-факторов и т. д. Подробнее см. [Данилов, Пивоваров, Давыдов 2021]). По мере роста эмиссии социальных облигаций и других устойчивых инструментов растет и распространение практик «отмывания устойчивости» («sustainability-washing») [S&P Global Ratings 2021].

Однако в России почти все, что маркируется как устойчивые финансы, при ближайшем рассмотрении оказывается гринвошингом¹⁰.

В условиях слабости коалиций за устойчивое развитие эффективное внедрение ESG-принципов в России затруднительно. Вместе с тем очевидно, что существуют как минимум три фактора, которые могут серьезно изменить ситуацию к лучшему.

Во-первых, это позиция ЕС по фактическому принуждению внешнеторговых партнеров к выполнению данных стандартов. Анализ показал, что наиболее сильно данные меры ЕС будут воздействовать на Россию (60% импорта которой в ЕС составляют энергоносители), особенно после 2030 г. [Leonard et al. 2021]. В дополнение к уже действующим правилам листинга мировых бирж данный факт формирует исключительно мощный стимул для корпораций реально следовать ESG-принципам.

Во-вторых, в России может быть создан достаточно широкий слой ответственных частных инвесторов, которые могут существенно усилить коалицию за устойчивое развитие. В данном плане гигантским ресурсом обладает Банк России, который может внедрить показатель углеродной нейтральности в денежно-кредитную политику. Переход от

¹⁰ В работе [Данилов, Пивоваров, Давыдов 2021] авторы приводят ряд вопиющих примеров, здесь укажем только один. Даже составители индексов устойчивого развития (Московская Биржа и Российский союз промышленников и предпринимателей) в России отдают приоритет компаниям из «коричневых» отраслей, которые составляют 62% списков этих индексов.

рыночно-нейтрального формирования ломбардного списка к углеродо-нейтральному даст существенное преимущество инвесторам в «зеленые» облигации, создав, наконец, стимулы для ответственных инвестиций.

В-третьих, финансовые регуляторы имеют все возможности для подавления гринвошинга¹¹, что повысит надежность ответственных инвестиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2015) Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ. 695 с.
- Беликов И.В. (2019) Совет директоров компании: новый подход. М.: Де' Либри. 506 с.
- Данилов Ю.А. (2021a) Концепция устойчивых финансов и перспективы ее внедрения в России // Вопросы экономики. № 5. С. 5–25.
- Данилов Ю.А. (2021b) Устойчивые финансы: новая теоретическая парадигма // Мировая экономика и международные отношения. Том 65. № 9. С. 5–13.
- Данилов Ю.А., Пивоваров Д.А., Давыдов И.С. (2021) Рейтинговые оценки устойчивых финансов // Экономическое развитие России. Т. 28. № 4. С. 25–33.
- Данилов Ю.А. (2020) Политическая система как фактор финансового развития // Общественные науки и современность. № 6. С. 5–18.
- Зингалес Л., Раджан Р. (2004) Спасение капитализма от капиталистов. Скрытые силы финансовых рынков – создание богатства и расширение возможностей. М.: Институт комплексных исследований; ТЕИС.
- Понеделко Г. (2021) Устойчивое развитие как фактор взаимодействия природы и общества (на примере стран ЕС) // Общественные науки и современность. № 1. С. 85–93.
- Хендерсон Р. (2021) Капитализм в огне. Как сделать эффективную экономическую систему человеческой. Пер. с англ. В. Горохова. М.: БФ «Нужна помощь».
- The Global Sustainable Investment Alliance (2021) Global Sustainable Investment Review 2020. (<http://www.gsi-alliance.org/wp-content/uploads/2021/08/GSIR-20201.pdf>).
- Kopstein J. and Lichbach M. (2005) Comparative Politics: Institutions, Identities, and Interests in Today's Small World. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leonard M., Pisani-Ferry J., Shapiro J., Tagliapietra S., Wolff G. (2021) The Geopolitics of the European Green Deal // Bruegel Policy Contribution. No. 04/2021.
- Ostrom E. (1990) Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press.
- S&P Global Ratings (2021) To Mitigate Greenwashing Concerns, Transparency And Consistency Are Key. (<https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/210823-the-fear-of-greenwashing-may-be-greater-than-the-reality-across-the-global-financial-markets-12074863>).
- Schoenmaker D. (2017) Investing for the Common Good: A Sustainable Finance Framework. Brussels: Bruegel.
- Schoenmaker D. (2020) The Impact Economy: Balancing Profit and Impact // Bruegel Working Paper. № 2020/04.
- Schwab K. (2019) What Kind of Capitalism Do We Want? // Project Syndicate. December 2.
- WEF (2021) The Global Risks Report 2021. Geneva: WEF.

¹¹ Автор не разделяет мнение рецензента о том, что главным инструментом борьбы с гринвошингом выступает национальная «зеленая» таксономия и наличие процедур верификации. Однако наличие таксономии и верификации безусловно обязательно для эффективного подавления гринвошинга инструментами финансового регулирования и надзора.

United Nations (2015) Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. (https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E).

REFERENCES

Acemoglu D., James A. Robinson (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Moscow: AST. 695 p.

Belikov I.V. (2019) *Sovet direktorov kompanii: novyy podhod [The Company's Board of Directors: a New Approach]*. Moscow: De' Libri. 506 p.

Danilov Yu. (2021a) Koncepcija ustojchivyh finansov i perspektivy ee vnedrenija v Rossii [The Concept of Sustainable Finance and the Prospects for its Implementation in Russia]. *Voprosy ekonomiki*. no. 5, pp. 5–25.

Danilov Yu. (2021b) Ustojchivye finansy: novaja teoreticheskaja paradigm [Sustainable Finance: A New Theoretical Paradigm]. *World Economy and International Relations*. vol. 65, no. 9, pp. 5–13.

Danilov Yu., Pivovarov D., Davydov I. (2021) Rejtingovye ocenki ustojchivyh finansov [Rating Assessments of Sustainable Finance]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. vol. 28, no. 4, pp. 25–33.

Danilov Yu. (2020) Politicheskaja sistema kak faktor finansovogo razvitija [Political System as a Factor of Financial Development]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. no 6, pp. 5–18.

The Global Sustainable Investment Alliance (2021) *Global Sustainable Investment Review 2020*. (<http://www.gsi-alliance.org/wp-content/uploads/2021/08/GSIR-20201.pdf>).

Henderson R. (2020) *Reimagining Capitalism in a World on Fire*. New York: Public Affairs.

Kopstein J. and Lichbach M. (2005) *Comparative Politics: Institutions, Identities, and Interests in Today's Small World*. Cambridge: Cambridge University Press.

Leonard M., Pisani-Ferry J., Shapiro J., Tagliapietra S., Wolff G. (2021) The Geopolitics of the European Green Deal. *Bruegel Policy Contribution*. no. 04/2021.

Ostrom E. (1990) *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ponedelko G. (2021) Ustojchivoe razvitie kak faktor vzaimodejstviya prirody i obshhestva (na primere stran ES) [Sustainable Development as a Factor of Interaction between Nature and Society (on the Example of the EU Countries)] *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. no. 1, pp. 85–93.

Rajan R., Zingales L. (2004). *Saving Capitalism from the Capitalists*. Princeton: Princeton University Press.

S&P Global Ratings (2021) To Mitigate Greenwashing Concerns, Transparency And Consistency Are Key. (<https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/210823-the-fear-of-greenwashing-may-be-greater-than-the-reality-across-the-global-financial-markets-12074863>).

Schoenmaker D. (2017) *Investing for the Common Good: A Sustainable Finance Framework*. Brussels: Bruegel.

Schoenmaker D. (2020) The Impact Economy: Balancing Profit and Impact. *Bruegel Working Paper*. no. 2020/04.

Schwab K. (2019) What Kind of Capitalism Do We Want? *Project Syndicate*. December 2.

WEF (2021) The Global Risks Report 2021. Geneva: WEF.

United Nations (2015) Transforming our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. (https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E).

Информация об авторе

Данилов Юрий Алексеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института прикладных экономических исследований (ИПЭИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ. Адрес: Проспект Вернадского, д. 82, Москва, 119571. E-mail: ydanilov@rambler.ru

About the author

Yuri A. Danilov, Candidate of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Address: 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: ydanilov@rambler.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 15.10.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 25.11.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 02.12.2021

DOI: 10.31857/S0869049922010105

Оригинальная статья / Original Article

Проблема трансформации труда в постсоциалистической перспективе¹

© Л.Б. ЧЕТЫРОВА

Четырлова Любовь Борисовна, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Россия), chetyrova@gmail.com

На основе обзора западной литературы автор показывает эволюцию концепта труда в критической теории в контексте решения важной для марксизма проблемы связи общественного труда с освобождением. Классический марксистский концепт труда лишается своего освободительного потенциала у Ю. Хабермаса, который в рамках интерсубъективного подхода свел труд к инструментальному действию. Критически переосмыслив Хабермаса, А. Хоннет в своей теории признания возвращает труду его освободительный потенциал. Развивая его теорию, К. Дежур создает операциональный концепт труда, который определяется как преодоление сопротивления реальности в контексте разрыва между предписанием и реализацией. Проведенный анализ позволил выделить концепты, которые описывают возможность антикапиталистического сопротивления и освобождения труда. Указанные концепты используются в анализе неотрадиционалистских форм труда в постсоциалистическом российском обществе, что позволяет охарактеризовать их как формы сопротивления. Цивилизационные различия феномена труда выделяются в перспективе советской модернизации, определившей субъективность работника, благодаря которой и возникли такие формы труда.

Ключевые слова: труд, работа, неотрадиционалистская форма труда, неоархаическая форма труда, критическая теория, теория признания, гаражники, экопоселенцы, освобождение труда

Цитирование: Четырлова Л.Б. (2022) Проблема трансформации труда в постсоциалистической перспективе // Общественные науки и современность. № 1. С. 22–33. DOI: 10.31857/S0869049922010105

¹ Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-111-50684.

Funding. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research under Scientific Project No. 19-111-5068.

The Issue of Work Transformation in Post-Socialist Perspective

© L. CHETYROVA

Lyubov B. Chetyrova, Samara National Research University (Samara, Russia), chetyrova@gmail.com

Abstract. The article is focused on the evolution of the work concept in critical theory through the solution of the problem of relationship between social labor and emancipation, which is important in Marxism. The analysis is based on the review of Western literature. J. Habermas deprived the classical Marxist concept of labor of its emancipatory potential within the framework of an intersubjective approach and reduced labor to instrumental action. A. Honneth critically rethought Habermas' theory and returned labor its liberating potential in the theory of recognition. C. Dejours developed Honneth's theory and created an operational concept of work. It is defined as overcoming the resistance to reality in the context of the gap between prescription and realization. The analysis allowed the author to identify concepts that describe the possibility of anti-capitalist resistance and the emancipation of work. The concepts of work developed in the theory of recognition are applied to the analysis of neo-archaic forms of work in Russia, which allows to characterize them as forms of resistance. The civilizational differences of the work phenomenon are considered in the perspective of Soviet modernization, which determined the subjectivity of the worker. New forms of work emerged due to this subjectivity.

Keywords: labor, work, neo-traditionalist and neo-archaic forms of work, critical theory, recognition theory, garage workers, eco-settlers, work liberation

Citation: Chetyrova L. (2022) The Issue of Work Transformation in Post-Socialist Perspective. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 22–33. DOI: 10.31857/S0869049922010105 (In Russ.)

Изменение труда и решение вопроса об освобождении в критической теории

Во второй половине XX в. западные социальные теоретики заговорили о кризисе «трудового общества» [Dahrendorf 1987]. Главными причинами кризиса стали сокращение производительного труда, рост сервисного труда и обусловленная данными факторами трансформация субъективности работников. В социологии появилась теория «конца трудового общества», а в философии 1970-х гг. труд вообще исчезает из дискурса. Э. Рено объясняет данный феномен влиянием нормативной политической философии, которая дисквалифицировала проблемы отчуждения. Отказ от теоретической схемы, в которой труд анализировался, лишил концепт труда его освободительного потенциала. Выделяя две альтернативные позиции, Рено относит таких разных мыслителей, как Х. Арендт и Ю. Хабермас, к первой из них: в ней переинтерпретация труда произошла в контексте проблемы демократии. Ко второй позиции относят исследователей, которые рассматривают проблему освобождения в контексте понимания справедливости как перераспределения, что приводит к замещению вопроса о труде вопросом о его оплате и занятости [Renault 2012].

Свою роль в «исчезновении» труда из политической философии сыграло социокультурное преувеличение его ценности в «трудоном обществе». Н. Смит считает, что идеология экономического роста пропагандировала лишь те ценности, которые относились к жизни вне труда. Он пишет, что в перспективе инструментальной рациональности чрезмерная ценность, приписанная труду, в действительности преувеличивает наслаждение потреблением, чему труд служит средством [Smith 2012].

Цель статьи – рассмотреть феномен труда в постсоциалистической перспективе на основе постмарксистской критической теории, то есть в фокусе проблемы труда и освобождения. С этой целью необходимо, во-первых, рассмотреть, как менялся концепт труда в дискурсе труда и освобождения, во-вторых, провести анализ трансформации труда в постсовременном обществе, в-третьих, показать особенности решения вопроса об освобождении труда в российском контексте.

Рассматривая наиболее распространенные традиции в исследовании труда, британский исследователь Э. Хири выделяет унитаристскую, плюралистскую и критическую традиции [Heery 2016]. Критическая традиция наиболее подходит для анализа проблемы труда в постсоциалистической перспективе, так как она антикапиталистична по духу и позволяет рассмотреть различные теории освобождения труда.

К. Маркс создал философию, в которой концепт труда играет важную роль как для создания теории общества, так и для теории революции. Известный немецкий исследователь труда А. Хоннет считает главным недостатком социальной теории Маркса отсутствие моста между трудом как актом объективации и ситуацией отчужденного труда, что мешает решить проблему связи между трудом и социальным освобождением. У наследников Маркса он находит две фундаментальные стратегии решения данной проблемы: в первой происходит перенос всего освободительного потенциала к практике трансцендентального или коллективного субъекта (Сартр, Маркузе); вторая сужает концепт труда и сводит его к деятельности, направленной исключительно на практическое доминирование над природой (Хоркхаймер, Адорно) [Honneth 1995]. В обеих стратегиях, которые были популярны в 1960-е гг., концепт труда утрачивает свой освободительный потенциал.

В мире тем временем начался переход к неолиберализму, что еще сильнее актуализировало потребность в разрешении проблемы труда и освобождения.

Свой вариант решения проблемы труда и освобождения дал Ю. Хабермас, сформировав новую парадигму в рамках интерсубъективного поворота. В категориальную структуру своей теории он вводит два концепта: инструментальное действие (труд) и коммуникативное действие, которое имеет для него ключевое значение [Хабермас 2007]. Однако, придавая интерсубъективному пониманию как типу действия тот статус, который имел труд у Маркса, он категориально элиминирует формы сопротивления и эмансипации, укорененные в процессе труда при капитализме. Данной трактовке способствует также то, что Хабермас заменяет методологически важное для марксизма различие труда на производительные усилия и производственные отношения, вводя вместо него различие инструментальных (труд) и коммуникативных действий. Согласно логике Хабермаса, в структурах символически опосредованного взаимодействия моральное знание конструируется из интуитивных коммуникативных достижений/результатов актора, которые, в свою очередь, приносят в сознание цели взаимопонимания в основном вопреки общепринятым структурам социальной деятельности. Если говорить об общественном труде, то результаты манипуляции природными объектами встраиваются в техническое знание, которое усиливает контроль над внешней природой [Хабермас 2007]. В ходе такой замены освободительный потенциал труда исчезает.

Хоннет попытался вернуть его труду, опираясь на идеи «трансцендентального прагматизма» Хабермаса, но сохраняя онтологическую важность труда. С его точки зрения, инструментальный акт может называться трудом, если актор форматирует и направляет его. Тогда возникает возможность интеллектуального саморазвития, в котором трудящийся может поддерживать свое право контролировать процесс труда. В этом состоит трудовой характер инструментальных действий [Honneth 1995]. Труду возвращается его освободительный потенциал благодаря помещению инструментального действия в опыт

моральных требований. Логика «трансцендентального прагматизма» позволяет найти в моральном опыте мотивационную основу для критики общества, которая проявляется в форме борьбы за признание. Вслед за Хабермасом Хоннет обращается к гегелевской идее борьбы за признание, которая способна выполнять роль «внутримирской трансценденции» [Honneth 1996]. Моральная уязвимость работника, обусловленная экспроприацией всей его трудовой активности, побуждает его к борьбе за признание. Моральное знание, которое конструируется на основе опыта борьбы за признание, воплощается в актах труда, требующего своей автономии [Honneth 1995]. Рассматривая сопротивление в плоскости морали, Хоннет полагает, что угнетенные борются за достижение самоуважения, и делает вывод, что освобождение угнетенных становится возможным благодаря действию морального знания, которое формируется в опыте систематически нарушаемых структур интеракции. К борьбе за признание подводят эмоции – чувства гнева, боли и стыда, возникающие у людей, которым отказано в признании [Honneth 1996]. Все это и составляет моральную грамматику социальной борьбы.

Развивая хоннетовскую концепцию определяемого в парадигме признания труда, К. Дежур учитывает не только моральное знание, но и материальное измерение борьбы за признание. Понимая труд как преодоление сопротивления реальности, которое вызывает у субъекта чувства потери силы, разочарования и гнева, он акцентирует внимание на аффективной манифестации реальности в отношении работника. Под реальностью подразумеваются не только техника и технологии, но и отношения с коллегами, начальниками и подчиненными. В работе человек и его тело ощущают мир в фундаментальном отношении страдания. Аффективное страдание толкает его к поиску средств, которые помогут преодолеть сопротивление реальности, выйти за пределы самого себя и достичь признания. Труд осуществляется в аффективном опыте страдания, патологии. Поскольку не может быть страданий без тела, которое их претерпевает, то умелость, ловкость, виртуозность и технические ноу-хау возникают в аффективном опыте. Материальность признания выражается в том, что тело в целом, а не только мозг, выступает в роли локуса интеллекта и мастерства в труде, цель которого – присвоить мир [Dejours 2007].

Данная концепция не лишена недостатков. Анализ опыта несправедливости в труде нельзя проводить, не анализируя социальные отношения господства, которые объясняют уязвимость работников на рабочем месте. С одной стороны, Хоннет развил теорию признания как теорию справедливости и социальной поддержки, с другой – Дежур поместил социальные отношения господства в центр своей теории страдания на работе. Однако он не прояснил ни отношения между признанием и господством, ни общее определение социального господства.

Данную задачу попытался решить американский исследователь Б. Гулли. Радикализируя онтологию труда с помощью теорий М. Фуко, Д. Агамбена и П. Вирно, он пытается отстоять идею освобождения. Цель радикальной онтологии труда состоит в том, чтобы показать, что лучший мир возможен при условии уничтожения логики эксплуатации, а также в том, чтобы по-новому обосновать прежнюю марксистскую задачу трудящихся – освобождение труда [Gulli 2005]. Для решения данных задач он обращается к проблеме исчезновения производительного труда, или «смерти труда», и решает ее, различая труд (labor) и оплачиваемую работу (job). Общество будущего характеризуется как jobless, в нем нет работы. Однако труд, который Гулли онтологически рассматривает как человеческую чувственную деятельность, остается. Его Гулли трактует как творческую силу, которая реализуется в производстве, охватывающем весь диапазон человеческой деятельности от экономики до культуры. Производство становится художественным производством, а искусство, подобно труду – конститутивной силой этого мира [Gulli 2005].

Так менялся классический концепт труда Маркса, начиная с 60-х гг. прошлого века. Были рассмотрены концепции, которые представляют новую философию труда в пост-марксистском дискурсе освобождения. Пересмотр концепта труда был обусловлен прежде всего потребностью возвращения труда его освободительного потенциала.

Труд и работа в постсовременности

Технологии телекоммуникации, всемирная сеть, свободное перемещение капитала и информации, а также новая автоматизация привели к радикальной мутации труда. К данным факторам можно также добавить создание глобальных сетевых предприятий и использование онлайн-платформ, которые видоизменили лицо капитализма и сделали его платформенным. Сущность платформенного капитализма заключается в монополизации платформами баз данных, в использовании и продаже информации [Srnicek 2017]. Онлайн-платформы изменили найм: отныне работодатель может в режиме онлайн нанимать работника.

Возник новый тип наемных работников – кибертариат, сформировалась экономика, использующая временный найм работников, которые подвергаются гиперэксплуатации [McChesney, Nichols 2016]. С особой изощренностью эксплуатируют работников в тех азиатских странах, куда транснациональные корпорации переместили производства – там процветает iSlavery (электронное рабство) [Qiu 2016]. Британская исследовательница У. Хьюз использует схему, которая включает в себя различие продуктивного/репродуктивного, оплачиваемого/неоплачиваемого труда, а также метафору узла, где сплетены пропитание, труд и стоимость. С ее помощью Хьюз обосновала, что большая часть труда в цифровой экономике малооплачиваема и сервильна [Huws 2014].

Тому капитализму, в котором труд (work) понимался как работа (job), наемный труд (wage labor), время и усилия, которые работник продает в обмен на заработную плату, пришел на смену постфордизм, в котором труд становится когнитивным [Srnicek, Williams 2015]. Постфордистское производство характеризуется ростом интеллектуализации труда, размыванием границ между «работой» и «домом», флексибильностью, «парением» между трудом и игрой в интернете. Данные характеристики постепенно свели на нет те параметры, которыми работа измерялась прежде [Huws 2014]. Соответственно, меняется тип работника, для описания которого Г. Стэндинг применяет понятие прекариата [Standing 2011].

По мнению Стэндинга, растущая прекарнизация населения и появление прекариата – «нового опасного класса» – угрожает социальной стабильности. Для решения проблемы предлагается ввести безусловный базовый доход (ББД), который рассматривают как «социальные дивиденды», возвращение прошлых инвестиций [Standing 2011]. Необходимость философского осмысления указанных явлений и процессов привела к тематизации идентичности человека и трудовой этики в дискурсе труда и досуга, который возник вокруг обсуждения безусловного базового дохода (ББД). В этой связи возникает вопрос о культурных препятствиях для перехода к пост-трудовому обществу, так как человек больше не привязан к своей работе (job) и свободен творить свою собственную жизнь. Речь идет о западной трудовой этике и идентификации человека, определяющего себя через труд. Преодолеть данные препятствия возможно, как считают Срничек и Уильямс, только при условии культурного сдвига в понимании труда (work), что означает отказ от представления о труде как времени и усилиях, которые продают в обмен на доход [Srnicek, Williams 2015].

Проблему трудовой этики и «трудового общества» также ставит Д. Гребер, но не в контексте пост-трудового общества и всеобщей безработицы, а, напротив, в условиях возрастания «бредовой» работы (job). Запад стал «цивилизацией, основанной на работе, – даже

не на “производительной работе”, а просто на работе, смысл и цель которой заключаются в ней самой» [Гребер 2020]. Чаще всего она представляет собой симуляционную деятельность, порожденную противоречием между профессионалами и внутривнутрипрофессиональной и внепрофессиональной бюрократией, которая стремится захватить власть и устанавливать стандарты и нормы профессии. Трагичность ситуации работника в культуре постсовременности выражается в том, что ценность человека определяется его работой (job), уровнем его продуктивности. Без работы, вне универсума труда человек представляется ничем. Более того, труд сам стал своего рода религией, которая обосновывает моральную ценность труда и приписывает ему моральную природу [Гребер 2020].

К такого рода «бредовой» работе относятся усилия безработного по заполнению документов и посещения биржи труда, которые необходимы для получения рабочего места. Стэндинг называет такую работу «work for labor». Она не имеет рыночной стоимости и необходима лишь для получения возможности трудиться, а значит, в рыночных условиях становится «невидимой», что девальвирует ее [Standing 2011]. Стэндинг предлагает придать ей позитивный смысл и, соответственно, поднять ее статус, определяя ее как деятельность, которая обеспечивает социальное бытие. Сюда относится любая деятельность, которая улучшает личностные отношения и публичное участие в жизни сообщества. Стэндинг выдвигает следующий тезис: «спасти работу (work), не являющуюся трудом (labor), и досуг, не являющийся игрой» [Standing 2011]. Обозначенные исследователями мутации труда проявляют себя и в российском обществе, которое, с одной стороны, унаследовало черты общества советского модерна, как утверждает Н. Козлова [Козлова 2005], а с другой – находится в транзите к капитализму постфордистского типа.

Особенности мира труда в России

Экономический ландшафт России изобилует разнообразными формами труда и являет собой весьма любопытный феномен. Россия из индустриальной страны с крупными заводами и фабриками превратилась в государство нефтегазовой добычи и сервисной экономики. Тем не менее, все тенденции, характерные для изменения труда в постсовременном мире, обнаруживают себя здесь. По уровню цифровизации Россия в некоторых отраслях – например, в банковском секторе – опережает западные страны. Прекаризация, безработица, гиперэксплуатация свойственны российскому обществу. Российская молодежь легко включилась в глобальный сектор онлайн-занятости. Достаточно успешно претворяются планы по автоматизации ключевых для формирования бюджета страны добывающей промышленности и транспорта. Вместе с тем российский мир труда имеет свои особенности, вызванные следующими причинами: технологическим отставанием России, изобретением неотрадиционалистских и нео-архаических моделей труда и субъективностью российского работника.

Отличительной особенностью российского мира труда стала неформальная занятость. Разница масштабов неформальной занятости в России и зарубежных странах впечатляет. Доля теневой экономики России почти в два раза превышает объемы теневого сектора в США, а доля неформального сектора составляет 33,07% ВВП (2016 г.) [Тоценко 2018]. Так или иначе связаны с неформальной занятостью следующие формы: отходничество, хозяйствование в удаленных поселениях, распределенная мануфактура и «гаражная экономика». О важности данных форм хозяйствования говорит, например, тот факт, что не менее 40% провинциальных семей в стране обеспечивает себя за счет отходничества [Плюснин и др. 2013]. Социальный эффект отходничества заключается в создании «подушки безопасности» провинциальной России.

Появление данных форм хозяйствования отчасти объясняется наследованием советских трудовых практик. К их числу следует отнести сложившиеся в начале советской модернизации (1928–1938 гг.) механизмы мотивации труда, которые сохранились до конца советской эпохи и породили латентную форму материального вознаграждения – воровство и использование в личных целях ресурсов социалистического работодателя [Журавлев, Мухин 2004]. Появление таких форм вознаграждения возникло в результате адаптации работника к требованиям экономической системы. Одним из таких адаптивных механизмов, который открыл Д. Скотт, стал метис – практические знания о том, как и когда применять правила в конкретной ситуации. В результате еще при социализме сложилась «неофициальная экономика», основанная на «краже» времени, оборудования и ресурсов социалистического хозяйства [Скотт 2005]. Субъективность советского, а затем постсоветского работника выражается в умении адаптироваться к изменяющимся условиям, способности гибко реагировать и находить нетривиальные способы решения производственных задач.

Случай гаражников – работников, занятых в гаражах изготовлением мебели, авторемонтными и другими работами – наглядно демонстрирует данную тенденцию. Приблизительная численность гаражников в тех восьми регионах, которые были обследованы социологами, составляет более 130 тыс. человек [Селеев, Павлов 2016]. Главная причина ухода в гаражи людей, многие из которых имели опыт легальной предпринимательской деятельности – стремление уйти от государства, «закручивающего гайки», разочарование в нем из-за того, что оно «не создает в реальности рабочих мест» [Селеев, Павлов 2016].

Схожие практики описывает Д. Скотт, характеризуя территорию ускользания от государства (Зомия), на которой формировались формы хозяйственной деятельности «ускользнувших» [Скотт 2017]. Сходство здесь не только в стремлении уйти от государства, но и в промысловой модели труда. Деятельность гаражников имеет личностный характер и связана с личностью промысловика-основателя. Их навыки и умения часто уникальны и передаются через институт ученичества [Селеев, Павлов 2016].

Объяснить субъективность гаражника позволяет концепция производства субъективности М. Лазаратто. Используя концепт машины Ж. Делеза, он вводит понятия социального подчинения и машинного порабощения. Под машинами подразумеваются семиотические «наборы», которые состоят из людей, механических или электронных устройств и нематериальных элементов – например, фабрика. Социальное подчинение заключается в наделении индивидов идентичностью, полом, телом, профессией и другими атрибутами при помощи социальных институтов. В случае машинного порабощения на доиндивидуальном уровне человек образует с машиной одно тело. Машинное порабощение не проводит никакого различия между «человеческим» и нечеловеческим, считая людей и машины набором элементов, аффектов, органов, потоков и функций [Lazzarato 2016]. На пересечении этих двух способов и происходит формирование субъективности. В производстве субъективности заложена возможность ускользнуть от обоих видов подчинения с помощью абстрактной машины, которая осуществляет субъективную трансформацию.

Развивая данные положения, Г. Рауниг видит возможность противостоять унификации, валоризации и машинному контролю путем создания новых институций и территорий в ходе молекулярной революции, осуществляемой множествами. Множества возникают благодаря схожести дивидуумов, которых соединяет абстрактная линия. Им не требуется репрезентация лидерами, партией или авангардом [Raunig 2016].

Если рассматривать «уход» в гаражи в рамках данной концепции, его можно считать миграцией, благодаря которой гаражники осуществляют ре-территоризацию. «Захватив» путем аренды гараж, они преобразовали место стоянки автомобиля в место производства и, соответственно, осуществили декодирование, используя культурные коды промысло-

вого хозяйства. Миграция гаражников, конечно, отличается от зомийской, но сохраняет свое значение для конституирования их модели труда. Гаражники не восстанавливают традиционное хозяйство, а изобретают совершенно новый его тип, лишь внешне схожий с артельным трудом. Их модель возрождает модель ремесленного труда, но не становится ее точной копией. Носитель трудовых практик в ней – работник, субъективность которого разительно отличается от субъективности ремесленника, который обладал совсем иными навыками и умениями, уровнем образования, способами коммуникации.

В отличие от зомийцев Скотта, для гаражников, которые обладают опытом работы в промышленности или иных секторах индустриального общества и унаследовали ценности «советского трудового общества», важен вопрос о признании. Советский дискурс о труде и человеке труда исходил из права человека на труд и уважения человека труда. Несмотря на формальность юридического признания этого права, благодаря мощи советского идеологического аппарата, а также институту образования, для советских людей – особенно для первого поколения – труд стал самоочевидной ценностью [Козлова 2005].

В ситуации восстановления ремесленных трудовых практик категория труда оказалась важной для становления новой трудовой идентичности работников, которые стали гаражниками. Оказавшись в ситуации отсутствия работы, люди утратили не только средства к жизни, но и уважение к себе, перестав ощущать себя работниками. Уйдя в гаражи, гаражники получают возможности «чувствовать свою востребованность и обеспечивать себя трудом». Вот почему для гаражников имеет такую значимость признание, важная часть которого – признание коллег, которые оценивают техническое мастерство как победу человеческой компетенции над сопротивлением реальности [Селеев, Павлов 2016]. Помимо признания как уважения, существует еще самооценка, которая формируется в отношениях солидарности, понимаемой как причастность к общим целям и ценностям. Причастность к общим ценностям выражается в желании «приносить пользу» другим, что для гаражников важнее денег [Селеев, Павлов 2016]. Они измеряют успех не рыночными категориями, а количеством и разнообразием личных связей и полезных знакомств [Селеев, Павлов 2016].

Таким образом, сопротивляясь государству, гаражники изобрели альтернативную капитализму форму хозяйственной активности. Гаражная экономика есть опыт «исхода», неповиновения, в котором они обрели «свою» территорию, где реализуется их хозяйственная активность промыслового типа.

Другой опыт представлен в движении экопоселенцев, которые создают «родовые поместья» [Позаненко 2020]. Подобно гаражникам, они осуществляют ре-территоризацию путем учреждения «родовых поместий» на месте бывших советских сельских угодий. Одновременно данная территория перекодируется с помощью религии вернакулярного типа, которая формирует повседневную культуру и разрушает границы между «официальной» и «народной» религией. Важно, что благодаря этому происходит «околдовывание мира» как отрицание стратегии «расколдовывания» мира, необходимой для становления капитализма, о чем писал в свое время М. Вебер.

Опыт экопоселенцев интересен тем, что в трудовой практике они оперируют космологическими категориями [Андреева 2016]. Согласно их верованиям, вселенная предстает как живой организм, соответственно, труд как отношение к природе выступает важным способом коммуникации. Исход экопоселенцев из городов в «родовые поместья» мотивирован желанием вести экологичный образ жизни – речь идет не только об окружающей среде и органической пище, но и об экологии детства. Практикуя образование экстерном, экопоселенцы хотят избежать давления школы. Ограничивая доступ к гаджетам, они пытаются уберечь детей от влияния общества потребления и, соответственно, материалистических ценностей. Освобождаясь от подчинения социальным институтам, экопоселенцы меняют

свою идентичность, избегая порабощения техническими и иными семиотическими системами, и начинают рассматривать себя как часть вселенной. Они стремятся противостоять как социальному подчинению, так и системам социальной и символической механики. Если первое выступает как способ производства субъективности и наделяет индивида идентичностью, полом, телом, профессией при помощи социальных институтов, то системы социальной и символической механики порабощают его, превращая в винтик [Lazzarato 2014].

К «восстановленным» трудовым практикам следует отнести практики скотоводческих хозяйств в этнических регионах: Калмыкии, Бурятии, Туве и горном Алтае. Подобно гаражникам и экопоселенцам, скотоводы осуществляют ре-территоризацию, которая заключается в возвращении месту его утраченной в советский период многомерности. Место скотоводческого хозяйства становится локусом, который соединяет в себе разные связанные между собой и постоянно меняющиеся реальности. Трудовые практики осуществляются на пересечении мира чувственного и сверхчувственного, куда человек вступает благодаря религиозным практикам вернакулярного типа. Происходит такая ре-территоризация путем культурного декодирования советских норм и установления новых. Вековая привычка жить согласно ритмам природы, а не ритмам фабрики, отсутствие четкой разметки жизни формирует готовность к неопределенности. Восприятие мира как риска, неопределенность, характерная для западного образа постсовременного мира, следует из размывания границы «своего и внешнего». В космологиях, свойственных скотоводческим культурам, образ мира всегда характеризуется проницаемостью этих границ.

Цивилизационные различия форм труда, которые возникли при распаде общества советского модерна, следует рассматривать в контексте так называемого неотрадиционализма и неоархаизации. Оба феномена отвечают на вызовы социальной аномии, которая сопровождала резкий переход России к рыночным отношениям в 1990-х гг. Из-за обращения работников к архаическим формам хозяйствования и их переинтерпретации сообразно новым условиям хозяйствования появились неоархаические формы трудовой деятельности. Они свойственны, прежде всего, этническим регионам – таким, как Калмыкия и Тува [Ламажая, Намруева 2018]. Трудовые практики, которые возникли в городах, скорее неотрадиционалистские, чем неоархаические. Неотрадиционализм возникает вследствие обращения к традиционной культуре, которая инкорпорируется в культуру переходного к капитализму общества и меняется под ее влиянием [Мадюкова, Понков 2011].

В перспективе неотрадиционализма и неоархаики практики гаражников и экопоселенцев предстают как альтернативные капитализму формы хозяйственной жизни. В случае с гаражниками речь идет об опыте альтернативного социального порядка, который возник благодаря индивидам, чьи родовые человеческие способности (интеллект, язык, социальные навыки) «получают шанс стать основой негосударственных форм объединения людей» [Вирно 2013]. Экопоселенцы в перспективе «неоархаизации» выглядят как сообщества, нацеленные на выход за пределы актуальных форм власти, ориентированные на создание такого своего мира, в котором законы справедливы, а от человека зависит все [Андреева 2012].

В заключение следует сказать, что применение концептов критической теории к изучению неотрадиционалистских и неоархаических форм труда в России позволяет раскрыть проблему трансформации труда в постсоциалистической перспективе. Рассмотренные формы труда представляют собой альтернативу капитализму и открывают горизонт для создания посткапиталистического общества, избегая при этом угроз техногенного развития. Поскольку прежние формы сопротивления непригодны в постсовременном обществе, то появились совершенно новые. В то же время произошла ре-артикуляция понимания «труда» и «освобождения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Ю. (2012) Вопросы власти и самоуправления в религиозном движении «Анастасия»: идеальные образы родовых поселений и «воплощение мечты» // Антропологический форум online. 2012. № 17. С. 101–128.
- Вирно П. (2013) Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем. 176 с.
- Гребер Д. (2020) Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс. 440 с.
- Журавлев С., Мухин М. (2004) «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН. 238 с.
- Козлова Н. (2005) Советские люди. Сцены из истории. М.: Изд-во «Европа». 544 с.
- Ламажаа Ч.К., Намруева Л.В. (2018) Субэтнические дифференциации российских этносов (на примере калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 206–226.
- Мадюкова С.А., Попков Ю.В. (2011) Феномен социокультурного не-отрационализма. СПб.: Алетейя. 132 с.
- Плюсин Ю.М. и др. (2013) Отходники: [монография]. М.: Новый Хронограф. 288 с.
- Позаненко А. (2020) Факторы, определяющие успешность поселения родовых поместий // ЭКО. Т. 49. № 2. С. 143–157.
- Селеев С.С., Павлов А.Б. (2016) Гаражники. М.: Страна Оз. 161 с.
- Скотт Д. (2005) Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. Пер. с англ. М.: Университетская книга. 576 с.
- Скотт Д. (2017) Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. Пер. с англ. М.: Новое изд-во. 408 с.
- Тощенко Ж.Т. (2018) Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука. 350 с.
- Хабермас Ю. (2007) Техника и наука как «идеология». Сб. ст. Пер. с нем. М. Праксис. 208 с.
- Dahrendorf R. (1987) *Fragmente eines neuen Liberalismus*. Stuttgart: Dt. Verl. Anst. 271 p.
- Dejours C. (2007) *Subjectivity, Work, and Action* // In: *Recognition, Work, Politics: New Direction in French Critical Theory*. Ed(s): J.-P. Deranty ... [et al.]. Leiden: Brill. Pp. 71–88.
- Gulli B. (2005) *Labor of Fire: The Ontology of Labor between Economy and Culture*. Philadelphia: Temple University Press. 214 p.
- Heery E. (2016) *Framing Work: Unitary, Pluralist, and Critical Perspectives in the Twenty-First Century*. New York: Oxford University Press. 318 p.
- Honneth A. (1995) *The Fragmented World of the Social: Essays in Social and Political Philosophy*. Ed(s): C. W. Wright. Albany: State University of New York Press. 343 p.
- Honneth A. (1996) *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: The MIT Press. 240 p.
- Huws U. (2014) *Labor in the Global Digital Economy: The Cybertariat Comes of Age*. New York: Monthly Review Press. 240 p.
- Lazzarato M. (2014) *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. Translation by Jordan D. J. Los Angeles: Semiotext(e). 279 p.
- McChesney R. W., Nichols J. (2016) *People Get Ready: the Fight Against a Jobless Economy and a Citizenless Democracy*. New York: Nation Books. 360 p.
- Qiu J. L. (2016) *Goodbye iSlave: A Manifesto for Digital Abolition*. Urbana: University of Illinois Press. 227 p.
- Raunig G. (2016) *Dividuum. Machinic Capitalism and Molecular Revolution*. Los Angeles: Semiotext(e). 208 p.

Renault E. (2012) The Political Invisibility of Work and Its Philosophical Echoes // In: *New Philosophies of Labour: Work and the Social Bond*. Ed(s): N.H. Smith, J.-P. Deranty. Leiden: Brill. Pp. 133–150.

Smith N.H. (2012) Three Normative Models of Work // In: *New Philosophies of Labour: Work and the Social Bond*. Ed(s): Smith N.H., Deranty J.-P. Pp. 181–208.

Srnicek N. (2017) *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity Press. 170 p.

Srnicek N., Williams A. (2015) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso Books. 245 p.

Standing G. (2011) *The Precariat. The New Dangerous Class*. London, New York: Bloomsbury Academic. 191 p.

REFERENCES

Andreeva J. (2012) Voprosy vlasti i samoupravlenija v religioznom dvizhenii “Anastasija”: ideal’nye obrazy rodovych poselenij i “voploshhenie mechtj” [Power and Self-Government Issues in the Religious Movement “Anastasia”: Ideal Images of Ancestral Settlements and “Dream Come True”]. *Antropologicheskij forum online*. no. 17, pp. 101–128.

Dahrendorf R. (1987) *Fragmente eines neuen Liberalismus*. Stuttgart: Dt. Verl. Anst. 271 p.

Dejours C. (2007) Subjectivity, Work, and Action. In: *Recognition, Work, Politics: New Direction in French Critical Theory*. Ed(s): J.-P. Deranty et al. Leiden: Brill. pp. 71–88.

Graeber D. (2020) *Bredovaja rabota. Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda* [Bullshit Jobs]. Moscow: Ad Marginem Press. 440 p.

Gulli B. (2005) *Labor of Fire: The Ontology of Labor between Economy and Culture*. Philadelphia: Temple University Press. 214 p.

Habermas J. (2007) *Tehnika i nauka kak «ideologija»* [Technology and Science as Ideology]. Translation from German. Moscow: Praxis. 208 p.

Heery E. (2016) *Framing Work: Unitary, Pluralist, and Critical Perspectives in the Twenty-First Century*. New York: Oxford University Press. 318 p.

Honneth A. (1995) *The Fragmented World of the Social: Essays in Social and Political Philosophy*. Ed(s): C.W. Wright. Albany: State University of New York Press. 343 p.

Honneth A. (1996) *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: The MIT Press. 240 p.

Huws U. (2014) *Labor in the Global Digital Economy: The Cybertariat Comes of Age*. New York: Monthly Review Press. 240 p.

Kozlova N. (2005) *Sovetskie ljudi. Sceny iz istorii* [Soviet People. Scenes from History]. Moscow: Izd-vo «Evropa». 544 p.

Madjukova S., Popkov J. (2011) *Fenomen sociokul’turnogo ne-otradicionalizma* [The Phenomenon of Socio-Cultural Non-Traditionalism]. Saint-Petersburg: Aletejja. 132 p.

Lamazhaa Ch., Namrueva L. (2018) Subjetnicheskie differenciacii rossijskih jetnosov (na primere kalmykov i tuvincev) [Subethnic Differentiations of Russian Ethnic Groups: the Case of Kalmyks and Tuvans]. *Novye issledovanija Tury*. no. 2, pp. 206–226.

Lazzarato M. (2014) *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. Translation by J. D. Jordan. Los Angeles: Semiotext(e). 279 p.

McChesney R. W., Nichols, J. (2016) *People Get Ready: The Fight Against a Jobless Economy and a Citizenless Democracy*. New York: Nation Books. 360 p.

Pljusnin J. et al. (2013) *Othodniki: [monografiya]* [The Wandering Workers: Othodniki: [Monograph]]. Moscow: Novyi Hronograf. 376 p.

- Pozanenko A. (2020) “Faktery, opredel'jajushhie uspešnost' poselenija rodovyh pomestij” [Factors Determined Success of the Patrimonial Manor Settlement]. *EKO*. vol 49, no. 2, pp. 143–157.
- Qiu J. L. (2016) *Goodbye iSlave: A Manifesto for Digital Abolition*. Urbana: University of Illinois Press. 227 p.
- Raunig G. Dividuum. (2016) *Machinic Capitalism and Molecular Revolution*. Los Angeles: Semiotext(e). 208 p.
- Renault E. (2012) The Political Invisibility of Work and Its Philosophical echoes. In: *New Philosophies of Labour: Work and the Social Bond*. Ed(s): N.H. Smith, J.-P. Deranty. Leiden: Brill. pp.133–150.
- Scott J. (2005) *Blagimi namereniiami gosudarstva: pochemu i kak provalivalis' proekty uluchšeniia uslovii chelovecheskoj zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Translation from English by Gusinsky N. and Turchaninova Yu. I. Moscow: Universitetskaja kniga. 576 p.
- Scott J. (2017) *Iskusstvo byt' nepodvlastnym. Anarhicheskaja istorija vysokogorij Jugo-Vostočnoj Azii* [The Skill of Being Uncontrollable. Anarchic History of the Highlands of Southeast Asia]. Moscow: Novoe izd-vo. 408 p.
- Selev S., Pavlov A. (2016) *Garazhniky* [Garage People]. Moscow: Strana Oz. 168 p.
- Smith N.H. (2012) Three Normative Models of Work. In: *New Philosophies of Labour: Work and the Social Bond*. Ed(s): N.H. Smith, J.-P. Deranty. Leiden: Brill. pp. 181–208.
- Srnicek N. (2017) *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity Press. 170 p.
- Srnicek N., Williams, A. (2015) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*. Brooklyn, NY: Verso Books. 245 p.
- Standing, G. (2011) *The Precariat. The New Dangerous Class: Monograph*. London, New York: Bloomsbury. 198 p.
- Toshhenko Zh. (2018) *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat: From Proto Class to New Class]. Moscow: Nauka. 350 p.
- Virno P. (2013) *Grammatika množestva: k analizu form sovremennoj zhizni* [A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life]. Moscow: Ad Marginem. 176 p.
- Zhuravlev S., Muhin M. (2004) «Krepost' socializma»: Povsednevnost' i motivatsiia truda na sovetskom predpriiatii, 1928-1938 [«The Fortress of Socialism»: Daily Life and Labor Motivation in a Soviet Enterprise, 1928-1938]. Moscow: ROSSPEN. 238 p.

Информация об авторе

Четырова Любовь Борисовна, доктор философских наук, профессор Самарского национально-исследовательского университета им. С.П. Королева. Адрес: ул. Московское шоссе, д. 34, Самара, 443086. E-mail: chetyrova@gmail.com

About the author

Lyubov B. Chetyrova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Samara National Research University. Address: 443086, Moskovskoye shosse, 34, Samara. E-mail: chetyrova@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 16.12.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 17.02.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 21.02.2022

DOI: 10.31857/S0869049922010014

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EUROPEAN STUDIES

Оригинальная статья / Original Article

Социально-экономические реформы правительства Марио Драги

© А.В. АВИЛОВА

Авилова Агнесса Викторовна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), avi@imemo.ru

В статье рассматривается начавшийся в Италии процесс социально-экономической модернизации, который направляет новый премьер-министр страны М. Драги. По масштабам и значимости данная перестройка сопоставима с восстановлением экономики Италии после Второй мировой войны и институциональной ломкой начала 1990-х гг. Комплекс реформ (модернизация административной и судебной систем, де бюрократизация, новая политика на рынке труда, пересмотр налогообложения) проводится в русле Национального плана восстановления и устойчивости как части общеевропейской восстановительной программы, одним из идейных вдохновителей которой был сам Драги. ЕС оказывает беспрецедентную финансовую поддержку данному процессу. Первым шагом Драги стала перестройка системы управления экономикой. Ведущие функции в ней он передал технократам высшего уровня, таким образом выведя систему за рамки межпартийной борьбы. Деятельность правительства Драги высоко оценивается бизнесом и пользуется растущим доверием населения. Экономические достижения Италии в 2021 г. превышают сделанные ранее прогнозные оценки.

Ключевые слова: Италия, социально-экономические реформы, Марио Драги, модернизация, План восстановления и устойчивого роста, ЕС

Цитирование: Авилова А.В. (2022) Социально-экономические реформы правительства Марио Драги // Общественные науки и современность. № 1. С. 34–47. DOI: 10.31857/S0869049922010014

Socio-Economic Reforms of the Mario Draghi Government

© A. AVILOVA

Agnessa V. Avilova, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), avi@imemo.ru

Abstract. The article examines the process of social and economic modernization that began in Italy, led by the new Prime Minister Mario Draghi. In scale and significance, this restructuring is comparable to the recovery of the Italian economy after World War II and the institutional breakdown of the early 1990s. A set of reforms (administrative and judicial systems' modernisation, debureaucratization, new labor market policy, taxation revision) is being carried out in line with the National plan for recovery and resiliency as part of a pan-European reconstruction program, one of the ideological inspirers of which was Draghi himself, and with unprecedented financial support from the EU. Draghi's first step was the restructuring of the economic management system. Its leading functions were transferred to high-level technocrats, putting this system beyond the inter-party struggle. The activities of the Draghi government are highly acclaimed by business and has growing public support. Italy's achievements in 2021 exceed earlier forecasts.

Keywords: Italy, Mario Draghi, socio-economic reforms, modernization, recovery and sustainable growth plan, EU

Citation: Avilova A. (2022) Socio-Economic Reforms of the Mario Draghi Government. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 34–47. DOI: 10.31857/S0869049922010014 (In Russ.)

Пандемия коронавируса обернулась для Италии тяжелыми демографическими потерями и самым глубоким спадом производства (8,9%) со времен Второй мировой войны. Ее разрушительная сила возросла из-за того, что страна находилась в состоянии затяжной депрессии и политической нестабильности, которые вызваны длительным отсутствием необходимых реформ. В связи с пандемией проблема масштабных реформ вышла на европейский уровень. Она легла в основу франко-германской инициативы «экономического оздоровления Европы после кризиса», которая воплотилась в опирающейся на экстренно созданную мощную финансовую базу программе «ЕС нового поколения». Евросоюз поставил цель перейти к «зеленой» и «цифровой» экономике, связав данный переход с углублением интеграции и долгосрочной стратегией укрепления своих позиций на мировых рынках [Рубинский, Синдеев 2020].

В рамках программы Италия получила самый крупный пакет финансовой помощи, дав обязательство в определенное соглашение с ЕС сжатые сроки провести структурную модернизацию экономики. Общий объем ассигнований, выделенных стране на ближайшие семь лет из Восстановительного фонда ЕС (а также из его среднесрочной бюджетной программы и нескольких специализированных фондов), составит 314,7 млрд евро, в том числе 185 млрд в виде льготных займов и 129,7 млрд в виде субсидий¹. Одновременно опе-

¹ Италии выделено (в млрд евро): из Восстановительного фонда ЕС (RRF) – 187,4; из бюджетной программы ЕС на 2021–2027 гг. – 52,7; из Европейского стабилизационного фонда (ESM) – 36; из программы страхования безработицы (SURE) – 27,4; из дополнительных структурных фондов территориального сплочения ЕС (REACT EU) – 10,7; из фонда Just Transition (декарбонизация экономики) – 0,9. Кроме того, в расчет входят Coronavirus response investment – недоиспользованные средства программы ЕС на 2014–2020 гг. (CRII и CRII+),

ративные возможности итальянского правительства резко расширились благодаря приостановке действия Пакта стабильности и роста, который регулирует размеры бюджетного дефицита и государственного долга стран-членов ЕС [Statement... 2020]. Возникла ситуация «прорыва», которая предоставила Италии шанс ускоренным темпом сократить отставание от ведущих партнеров по ЕС. В данной уникальной ситуации страна обрела нового лидера в лице экс-главы ЕЦБ, «спасителя евро» М. Драги², приход которого на руководящий пост вдохнул новую жизнь в итальянскую экономическую политику.

В статье сделана попытка оценить масштабы и значимость разработанной правительством Драги программы структурных реформ, исходя из заложенных в национальный восстановительный план данных и первых полученных результатов.

Стратегия Драги

Свое видение стратегии борьбы с кризисом М. Драги изложил в марте 2020 г. в интервью газете *Financial Times* [Draghi... 2020]. Пандемия, сказал он, угрожает стать «человеческой трагедией библейских масштабов» и на преодоление бедствия должны быть брошены все силы европейской экономики. Пандемия сравнима с войной, а войны, как правило, финансируют за счет выпуска государственного долга, и на данную меру придется пойти. Ключевой вопрос не в том, может ли государство позволить себе резко увеличить бюджетные расходы, а в том, как сделать эту меру эффективной. Если не поставить в приоритет защиту рабочих мест, то на выходе из пандемии производительные возможности экономики будут permanently подорваны. Государственные гарантии по банковским кредитам для предприятий, которые сохраняют рабочие места, а также срочная поддержка ликвидности бизнеса и других участников рынка должны осуществляться на наднациональном уровне. Единственный способ упрочить европейские финансовые и промышленные структуры – мобилизация всей совокупности финансовых систем ЕС. Обслуживание возросшего государственного долга по ставке, близкой к нулю, не будет слишком затратным, тогда как альтернатива – разрушение производственных мощностей и подрыв налоговой базы бюджета – нанесет более серьезный ущерб экономике. Европа с ее разветвленной финансовой структурой и сильным государственным сектором способна принимать быстрые политические решения, что определяет ее эффективность. Непредсказуемость развития пандемии требует изменения менталитета. Ситуация обязывает европейцев к мобилизации и взаимной поддержке для выполнения общих задач.

Как показало развитие событий, его идеи – хотя и с некоторой задержкой – легли в основу действий ЕЦБ и других звеньев европейской финансовой системы [Энтин 2020], а также использовались при разработке восстановительной программы «ЕС нового поколения». Те же неокейнсианские установки были поставлены во главу угла и в бюджете Италии на 2021 г., который подготовило правительство Драги.

Вступая на пост, М. Драги обратился к патриотическому чувству сограждан, напомнив об историческом опыте национального единства в преодолении последствий Второй мировой войны. «Сегодня для нас, как и для правительств первых послевоенных лет, су-

перепрограммированные на немедленную помощь по борьбе с пандемией – 4,7 и недоиспользованные средства из структурных фондов ЕС по программе 2024–2020 гг. – 0,9. Подсчеты печатного органа Конфиндустрии Il Sole 24 Ore [Chiellino 2021].

² В 2012 г. заявление главы ЕЦБ Драги о том, что для поддержки евро «будет сделано все, что потребуется», положило конец финансовым спекуляциям, которые угрожали дальнейшему существованию европейской валюты.

существует возможность, или лучше сказать ответственность, предпринять Новое Восстановление. Италия оправилась от бедствий Второй мировой войны с чувством гордости и решимости, ставшим основой экономического чуда, которое совершилось благодаря инновациям и труду. Но прежде всего – благодаря убежденности в том, что будущее станет лучше для всех... Тогда сотрудничали далекие, если не противостоящие друг другу политические силы. Я уверен, что и в Новое Восстановление никто не откажется внести свой вклад... В этом заключается наша миссия как итальянцев: передать детям и внукам лучшую, более справедливую страну» [Le dichiarazioni... 2021].

Перестройка управления

Драги сформировал свой кабинет, руководствуясь установкой президента С. Маттареллы на «привлечение лучших сил» и «непрерывность» руководства страной, которая в сложившихся обстоятельствах не могла позволить себе проводить внеочередные парламентские выборы. В новое правительство вместе с технократами высшего уровня вошли представители политических партий соответственно их весу в парламенте: «Движение пяти звезд» (Д5З) получило четыре министерских поста, Демократическая партия (ДП) и «Вперед, Италия» – по три, малые участники правящей коалиции «Живая Италия» и «Свободные и единые» – по одному. В результате новый кабинет получил основания считаться «правительством национального единства» и обрел широкую (но гетерогенную) парламентскую поддержку, что обеспечило непрерывность политического процесса. Распределение ролей и проведенный Драги подбор кадров на министерские посты свидетельствовали о радикальном повороте – отказе от экономического курса, который коалиция еврокритиков-суверенистов приняла после их триумфального прихода к власти в 2018 г. Драги подтвердил верность Италии принципам евроатлантической солидарности и необратимость выбора в пользу европейской интеграции и единой валюты.

В правительстве был сформирован руководящий блок из четырех экономических министерств, которые возглавили технократы. Данный шаг позволил вывести министерства за рамки межпартийной борьбы, которая ранее сводила к нулю возможность последовательной экономической политики. Министерство экономики и финансов возглавил генеральный директор Банка Италии Д. Франко, с которым у Драги существуют давние профессиональные связи. На пост руководителя «Суперминистерства» экологического перехода с широким спектром задач был назначен Р. Чинголани – основатель и руководитель Технологического института Генуи (итальянского аналога MIT). Главой «Суперминистерства» технологических инноваций и цифровизации стал международный менеджер В. Колао, который в 2020 г. разработал проигнорированный предыдущим правительством план выхода из пандемического кризиса; в министерство инфраструктуры и устойчивого роста пришел бывший руководитель национальной статистической службы Э. Джованнини. Во главе министерств образования и по делам университетов/НИИ были поставлены представители академической среды. Независимый юрист М. Картабия (экс-председатель Конституционного суда) возглавила министерство юстиции. Под технократическим руководством осталось и министерство внутренних дел. Два межведомственных комитета – по экологическому и по цифровому переходу – взяли под контроль министерства труда, сельского хозяйства, культуры и по делам Юга. В итоге появилась высокоцентрализованная структура, ориентированная на то, чтобы обеспечивать соответствие управления экономикой страны стратегическим установкам политики ЕС на современном этапе. Вместе с тем была сохранена неприкосновенность политических институтов и представительства политических партий, определенного парламентскими выборами 2018 г.

Неотложной задачей Драги поставил ускорение вакцинации населения, назначив чрезвычайным комиссаром по борьбе с коронавирусом специалиста по военной логистике генерала Ф.-П. Фильюоло. К данной работе привлекли армию, которой помогает Служба гражданской защиты с 300 тыс. волонтеров. К середине октября вакцинация охватила 80% населения [Vaccini... 2021].

План восстановления и устойчивости (PNRR)

Разработанный правительством Драги восстановительный план (Piano Nazionale di Ripresa e Resilienza, PNRR) на 2021–26 гг. объемом в 235,6 млрд евро (в том числе 191,5 млрд за счет Восстановительного фонда ЕС) вступил в действие в июне 2021 г. В соответствии с рекомендациями Брюсселя план включает 6 направлений: «Зеленая революция и экологический переход» – 59,3 млрд евро; «Цифровизация, конкурентоспособность, инновации и культура» – 40,7 млрд; «Образование и НИР» – 30,9 млрд; «Инфраструктура для устойчивого роста» – 25,1 млрд; «Социальное сплочение, инклюзивное развитие» – 19,8 млрд; «Здравоохранение» – 15,6 млрд. Около 40% от общих затрат составят вложения в экономику Юга [Piano... 2021].

Финансирование, которое ЕС предоставил Италии для выполнения PNRR, в семь раз (в сопоставимых ценах) превышает масштабы помощи, оказанной после Второй мировой войны по Плану Маршалла. Проведение структурных реформ – условие и гарантия продолжения финансовой поддержки ЕС. Преобразования должны продвигаться высокими темпами, поскольку ресурсы поступят в сжатые сроки – 70% до конца 2022 г., остальное в 2023 г. Италия должна будет представлять отчеты в ЕС каждые шесть месяцев [Sorrentino 2021].

Стратегия Плана заключается в том, чтобы с помощью реформ и инвестиций максимально стимулировать частное предпринимательство и государственно-частное партнерство. Правительство рассчитывает на «централизованную координацию» действий с региональными и местными властями, которым поручено выполнение проектов на сумму 87,4 млрд евро (в том числе 30 млрд – на уровне коммун) [Trovati 2021a].

Первые реформы

Экономика Италии нуждается в глубоких реформах. Ее затянувшаяся депрессия обусловлена совокупностью причин, которые анализирует в своей книге «Семь смертных грехов итальянской экономики» известный экономист и международный менеджер К. Коттарелли. По его мнению, шесть из них – массовое уклонение от налогов, коррупция, избыточность и неэффективность бюрократии, медлительность судебной системы, демографический упадок, социально-экономический разрыв между Севером и Югом – порождают седьмой: плохую приспособляемость к условиям существования в системе единой европейской валюты, что выражается в недостаточной конкурентоспособности и сужении перспектив экономического роста [Cottarelli 2018].

Коронавирусный шок стал для экономики Италии рубежом: с одной стороны, он выявил ее структурные слабости и вызвал тяжелый спад, с другой – создал беспрецедентную возможность (и одновременно императив) для реформ, которые постоянно откладывались. М. Драги, представляя в парламенте восстановительный план, охарактеризовал его как «только часть более широкой и амбициозной стратегии модернизации страны» [Recovery... 2021]. Первыми шагами в данном направлении стали правительственные декреты о реформе административного аппарата, судебной системы и об «упрощении» (дебюрократизации).

Драги считает административную реформу главным условием выполнения PNRR. По мнению итальянского бизнеса, неэффективность чиновничества обходится предпринимательству страны в 30 млрд евро ежегодно и демотивирует приток иностранного капитала в страну. Ключевой идеей реформы стала ставка на человеческий капитал – насыщение государственного аппарата более молодыми и квалифицированными кадрами с повышенной долей технических специалистов (экономистов, инженеров и пр.) «Прошло время чиновников, для которых главное – стабильная должность и извлечение административной ренты: нужны квалифицированные государственные служащие, мотивированные и хорошо оплачиваемые», – так сформулировал суть реформы министр Р. Брунетта [Trovati 2021b].

В ближайшие пять лет состав государственных служащих (в настоящее время – 3,2 млн чел.) планируют обновить на 740 тыс., в том числе за счет ухода на пенсию 690 тыс. человек. Около 2/3 новых служащих составят лица с высшим образованием (сейчас 38%), более 40% – «специалисты» [РА... 2021]. Административная реформа делает первый шаг к обновлению наиболее консервативного, корпоративно организованного и резистентного сегмента итальянского общества.

Реформа судебной системы была категорическим требованием ЕС к Италии при разработке и утверждении PNRR. Итальянская юстиция отличается аномально длительными сроками рассмотрения дел и специфическими правилами применения срока давности, благодаря чему нарушители могут уходить от ответственности, затягивая судебный процесс. Согласно данным комиссии ЕС по вопросам эффективности судебной системы (СЕРЕJ), средняя продолжительность рассмотрения дел в гражданских судах Италии составляет 2655 дней (во Франции – 1221, в Швеции – 377), в уголовных судах – 1600 дней (в ФРГ – 117, в Великобритании – 72) [Foucault 2021]. В результате 60% возбужденных дел не доходят до принятия решения, и их сдают в архив [Maglione, Mazzei 2021].

Италия выделяется в ЕС сочетанием высокого уровня коррупции (и толерантности к ней), массового уклонения от налогов (в 2-3 раза выше, чем в других странах) и заметного присутствия организованной преступности, особенно в некоторых районах Юга [Capussela 2018a]. Состояние судебной системы негативно влияет на экономику, ложась тяжким грузом на отношения хозяйствующих субъектов и снижая привлекательность Италии для иностранных инвесторов. Согласно оценке исследовательского центра Ambrosetti, совокупный ущерб достигает 2% годового ВВП [Oldani 2021a].

Реформа ставит целью сократить продолжительность судебного процесса на 40% по гражданским делам и на 25% – по уголовным. Принятый парламентом закон об уголовном судопроизводстве [Processo... 2021] предусматривает сокращение сроков предварительного следствия (для особо тяжких и мафиозных дел они остаются более длительными), подачи апелляции и кассации. Судьи имеют право продлевать рассмотрение дела только один раз (по особо тяжким и мафиозным делам продление может быть бессрочным, то есть исключать наступление неподе судности).

Дополнением к административной и судебной реформам служит «упрощение» – пересмотр законодательства и облегчение административных процедур, регулирующих деловую сферу (дебюрократизация). Действующее законодательство содержит около 110 тыс. накопившихся за многие годы актов, что на порядок больше, чем в любой другой европейской стране [Cherchi 2021]. Часть из них противоречат друг другу, многие неприменимы к начатым реформам.

Из-за высоких административных барьеров в стране заблокировано 739 инфраструктурных проектов на сумму 72 млрд евро [Picchio 2021a]. В то же время более половины мелких проектов принимают без торгов, в полупрозрачном режиме. Цель реформы – уве-

личить прозрачность и конкурентные начала в организации и проведении работ. Также она наделяет премьер-министра и правительство правом решающего вмешательства в особо трудных спорных случаях. Правительство планирует создать «дорожную карту» узких мест в системе управления на национальном и местном уровне, которые «мозговой центр» должен будет методично ликвидировать с применением цифровых методов.

Декрет вводит в действие новый порядок управления инфраструктурным строительством, который предусматривает повышение требований к качеству работ, создание единой базы данных государственных контрактов и компаний-подрядчиков с обязательной цифровой обработкой и публикацией всех данных о платежах и выполненных контрактах.

Новая система управления, модернизация государственного аппарата и «упрощение» законодательства образуют институциональный каркас для перестройки экономики в соответствии с PNRR. Первоочередными на следующем этапе становятся реформы в социальной сфере – на рынке труда и в системе социальной защиты, которые, в свою очередь, потребуют пересмотра налоговой системы.

Социальная сфера

Состояние рынка труда, который пережил коронавирусный шок, можно назвать наиболее сложной проблемой для правительства Драги. За февраль 2020 – февраль 2021 гг. количество рабочих мест в стране сократилось на 945 тыс. (в том числе 218 тыс. постоянных), на 717 тыс. возросла численность «неактивных» (не ищущих работу) граждан, безработица достигла 10,2% (среди молодежи до 25 лет – 31,6%) активного населения [Pogliotti, Tucci 2021]. Запрет на увольнения, введенный в марте 2020 г., предотвратил еще больший всплеск безработицы (она могла достичь 25%), но рынок труда лишь «заморозили». С выходом из кризиса технологическая перестройка, заложенная в PNRR, начнет увеличивать структурный дисбаланс между спросом и предложением трудовых ресурсов, который уже сейчас стал проблемой: в стране насчитывается 1,2 млн не занятых сертифицированных рабочих мест. В то же время 2,5 млн молодых людей не ищут работу и не учатся [Oriol 2021a].

Рынок труда в Италии чрезмерно зарегулирован. Действующая система социальной защиты построена на преобладании пассивных инструментов: законодательство защищает рабочие места обладателей бессрочных контрактов, гарантирует сохранение 80% заработка временно безработным, которых передает на попечение страховому институту «Интеграционная касса» (в разгар коронакризиса – 30% общей численности занятых), а также отводит пенсиям повышенную роль в обеспечении благосостояния семей. Система пособий по безработице несовершенна, и во время кризиса часть населения не может рассчитывать на какие-либо выплаты. Общественная дискуссия привела к введению в 2019 г. «дохода от гражданства» (ДОГ) – права на пособие для безработных и семей с низким доходом при условии их обращения в государственные центры занятости³.

Применение данной меры на практике показало ее непригодность как средства сокращения безработицы: из 1150 тыс. получателей ДОГ, способных к трудовой деятельности, в феврале 2021 г. были трудоустроены только 152,7 тыс. [Pogliotti 2021a], в чем сыграли роль как объективные причины (низкий уровень образования претендентов и др.), так и невыгодные условия найма с точки зрения работодателей. Тем не менее, ДОГ получил определенное признание как мера поддержки нуждающихся семей. В 2019 г. на пороге бедности (с располагаемым доходом ниже 60% медианного) находились 15,3 млн человек,

³ О «доходе от гражданства» см. подробно [Квашнин 2019].

ДОГ получали 1,25 млн семей (2,9 млн чел.). С наступлением пандемии в состоянии абсолютной бедности оказались около 2 млн семей (5,6 млн чел.), и к сентябрю 2021 г. в данный режим были вовлечены 3,5 млн человек (средний размер пособия составил 579 евро).

Идея ДОГ противоречит стратегии PNRR. Смягчая видимые последствия безработицы, он одновременно ее консервирует: для получателя пособия стимул к поиску регулярной работы ослабевает. Тем не менее, правительству Драги приходится идти на компромисс. Отказа от ДОГ не будет, заявил премьер, но необходимо его реформировать.

В оперативном порядке начала действовать программа «Гарантия возможностей трудоустройства» на 2021–2025 гг., которая предусматривает трудоустройство не менее 3 млн человек. Из них 3/4 составят социально уязвимые категории – женщины, «застойные» безработные, инвалиды, молодежь до 30 лет, возрастная группа 55+, прекариат. Не менее 800 тыс. человек предполагается охватить профессиональным образованием, в том числе 300 тыс. – с получением цифровых компетенций [Programma... 2021].

Генеральная линия политики правительства на рынке труда лежит в иной плоскости: переход к «зеленой экономике» и цифровизации требует от Италии наращивать и лучше использовать человеческий капитал. В настоящее время 60% вакансий, связанных с использованием современных технологий, не покрывается за счет имеющихся трудовых ресурсов. Почти половина из них приходится на сегмент STEM (наука, технологии, инжиниринг, математика). Италия отстает от других ведущих стран ЕС как по относительной численности специалистов данного профиля (24,6%) среди лиц с высшим образованием, так и по численности лиц с высшим образованием вообще – 19,6% против среднего для ОЭСР показателя 40% [Pogliotti 2021b]. Высшие технические школы выпускают по 5 тыс. специалистов в год, тогда как потребности предприятий составляют по меньшей мере 20 тыс. [Tucci 2021a]. Ситуацию осложняет утечка за рубеж квалифицированных кадров. Эмиграция научных кадров сократила их долю за 2008-2019 гг. на 40%, ежегодно из страны уезжает каждый пятый получатель научной степени [Bruno 2021a].

В программной речи М. Драги и в PNRR впервые за многие годы было обращено внимание на образование и подготовку кадров как один из ключевых для страны приоритетов. Всю сферу – от детских учреждений до университетов и НИИ – собираются модернизировать с помощью средств ЕС (30,1 млрд евро). План для средней школы включает модернизацию зданий, обновление преподавательского состава и развитие «двойного обучения» (школа – производство) [Bruno, Tucci 2021]. На 2022 г. намечена университетская реформа, в результате которой должно увеличиться почти вдвое (до средневропейского уровня) количество стипендий и втрое – мест в общежитиях [Bruno 2020b]. Ассигнования для высших технических школ будут увеличены в 20 раз. К 2026 г. ожидается шестикратный рост количества учащихся [Tucci 2020b].

Также планируется развернуть сотрудничество университетской науки с предприятиями – сейчас между ними лежит «мертвое поле» [Una nuova... 2016]. Ассигновано 1,6 млрд евро на развитие лучших (их будут выявлять на конкурсной основе) научно-исследовательских центров, которые занимаются передачей технологий, 1,3 млрд – на финансирование 12 инновационных экосистем широкого профиля, действующих на местном уровне [Fotina 2020]. В PNRR выделен фонд в 600 млн евро для поддержки молодых ученых [Bruno 2021c].

Неблагоприятная демографическая динамика – также серьезная проблема для Италии. Население сокращается и стареет: в 2020 г. на одного родившегося ребенка приходилось пять жителей страны старше 65 лет [Oldani 2021b]. Отметив демографическую проблему как одну из главных, М. Драги призвал соотечественников осознать, что для создания семьи молодому поколению необходимы определенный уровень благосостояния, надежная

работа и жилье. В качестве первого шага в PNRR была включена 100%-я гарантия на приобретение молодыми семьями (до 36 лет) ипотечного жилья без предварительного взноса (государство гарантирует 80%, частные банки – 20% [Finizio 2021]). С июля 2021 г. получили право на пособие 1,8 млн семей самозанятых, лиц свободных профессий и безработных, у которых есть несовершеннолетние дети. Со следующего года оно распространится на остальные категории семей с малолетними детьми [Adriano 2021].

При подготовке нового бюджета парламентская комиссия приступила к обсуждению закона о налоговой реформе, которую М. Драги изначально считал одной из основных. Ввиду заложенного в ней конфликтного потенциала данную реформу решили проводить поэтапно.

Разработанный правительством проект ставит целью общее упорядочение налогового законодательства, которое крайне усложнено и фрагментировано из-за непрерывного – продиктованного чаще всего электоральными соображениями – введения/отмены льгот и обременений («микроналогов») в отношении различных социальных групп и мелкого предпринимательства (98% общего количества предприятий). Действующая система разбалансирована: например, при 16 тыс. евро дохода средняя ставка подоходного налога для наемного работника составляет 6,26%, для пенсионера – 15,35%, для самозанятого – 17,8% [Dili 2021].

Одним из первых подлежит обсуждению вопрос коррекции невыгодной для части средних слоев структуры налогообложения. По существу, в Италии действует различный для разных уровней дохода режим: для невысоких – прогрессивный, для средних – пропорциональный, для высоких – регрессивный [Visco 2011].

В части финансовых доходов планируется ввести единые налоговые ставки – сейчас они различны для доходов от производственной деятельности, недвижимости, разных видов финансовых активов и доходов от аренды. Предлагается отменить региональный налог на бизнес. В проекте реформы также заложены меры, побуждающие предпринимателей укрупнять размеры предприятий и выходить из теневого сектора.

В дальнейшем предполагается с помощью технических и организационных мер повысить эффективность системы сбора налогов, в частности НДС. Также будет обновлен кадастр недвижимости. Цель данной меры – упорядочить отношения ее владельцев с местными властями путем выявления незарегистрированной собственности (регистрация «домов-призраков» в 2012 г. обнаружила 1,2 млн объектов) и создание банка данных о территориях, пригодных для застройки [Fossati 2021].

Итоги и перспективы

За февраль – июнь 2021 г. правительство М. Драги осуществило почти все намеченные хронограммой PNRR первоочередные меры. Была организована ускоренная вакцинация населения, разработан и утвержден Еврокомиссией восстановительный план (что позволило получить первый транш ассигнований в размере 25 млрд евро), перестроена система управления экономикой, проведены через парламент первые реформы, в том числе труднейшая из них – реформа уголовного кодекса.

По замыслу и широте охвата реформы Драги превосходят институциональную ломку начала 1990-х гг., которая предвляла вступление Италии в зону евро⁴. Премьер-министру

⁴ В 1992 г. Италия пережила валютно-финансовый кризис, вызванный перестройкой финансовых институтов ЕС в преддверии создания Еврозоны, который послужил причиной краха итальянской партийно-политической системы в ходе коррупционного скандала «операция Чистые руки». Последовала трансформация соци-

удается, опираясь на свой авторитет – а в некоторых случаях и на властные решения (например, при принятии судебной реформы и продлении режима антиковидных ограничений, вызывающих протесты) – направлять работу разнородного парламентского большинства в желаемое русло.

Экономическая политика Драги приносит первые плоды. По данным ISTAT за январь – июнь 2021 г., Италия делит с Францией первое место в ЕС по темпам роста ВВП, в чем можно увидеть перелом исторического тренда: из предыдущих спадов производства (2009, 2012-13 гг.) она выходила одной из последних. В январе – июле 2021 г. обрабатывающая промышленность (+19,8%) опережала показатели Франции (+10,8%) и ФРГ (+7,9%) [Fortis 2021]. В роли драйверов роста выступают инвестиции и экспорт. Заказы на оборудование увеличились на 48% в годовом выражении, в стране начался строительный бум. Индекс доверия бизнеса за март – сентябрь 2021 г. возрос с 10,2 до 70,6, достигнув самого высокого уровня за весь период наблюдений [La fiducia... 2021].

По обновленным официальным прогнозам, ВВП Италии в 2021 г. вырастет на 6% (в апреле оценка составляла 4,5%), бюджетный дефицит снизится до 9,4% (прежняя оценка 11,8%), государственный долг составит 153,5% (прежняя оценка 159,8%) [Manovra... 2021].

«Фактор Драги» – премьер-министра, который опирается на широкое парламентское большинство и пользуется поддержкой преобладающей части населения – играет определяющую роль в перемене экономического климата наряду с влиянием нового экономического курса ЕС и постепенным выходом европейского континента из пандемии.

Реформы, предпринимаемые в Италии, – очередная попытка страны выбраться из порочного круга проблем, которые обусловлены «длящейся неэффективностью экономических институтов» [Capussela 2018b] и «органической слабостью партийной системы» [Salvadori 2013], а также (отмечаемым во многих исследованиях) «иммобилизмом и неспособностью правящего класса реформировать экономическую, политическую и институциональную систему» [Bini Smaghi 2017].

Во время сентябрьской ассамблеи Конфиндустрии ее глава К. Бономи заявил, что «Италия ждала давно» начатых реформ и высоко оценил «крепкую руку» Драги, сравнив его с одним из отцов-основателей Общего рынка А. Де Гаспери и реформаторами начала 1990-х гг. (что вызвало продолжительную овацию зала) [Picchio 2021b].

Анализ ситуации позволяет заключить, что в экономике Италии при деятельной поддержке ЕС начались реальные перемены. Продолжительность и глубину наблюдаемого сдвига оценивать рано, однако ожидаемые структурные преобразования могут иметь важнейшее значение как для Италии, так и для всего процесса европейской интеграции.

ально-политических институтов, предпринятая технократическими правительствами Д. Амато, К.-А. Чампи, Л. Дини и Р. Проди при поддержке левоцентристских сил: разгосударствление банковской системы, приватизация более 100 предприятий государственного финансово-промышленного холдинга ИРИ с последующим прекращением его деятельности, закрытие государственного фонда «Агентство для Юга», частичная либерализация сферы услуг и трудового законодательства, переход к более современной политике доходов. Однако давление не затронутых реформами традиционных структур и интересов ограничило процесс и результаты преобразований, которые не смогли набрать «критическую массу».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Квашнин Ю. (2019) Доход от гражданства в Италии: революция в социальной политике или дань популизму? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 6. С. 66–73.
- Рубинский Ю., Синдеев А. (2020) Франко-германский тандем перед лицом коронакризиса // Современная Европа. № 4. С. 16–24.
- Энтин М. (2020) Безальтернативный характер развития ЕС // Современная Европа. №4. С. 25–36.
- Adriano F. (2021) Reddito di cittadinanza ai nati // Italia Oggi. 15.05 (<https://www.italiaoggi.it/news/reddito-di-cittadinanza-ai-nati-2519059>).
- Bini Smaghi L. (2017) La tentazione di andarsene. Bologna. P. 174.
- Bruno E. (2021a) Sul piatto 1,5 miliardi per I dottorati green, digital e innovativi // Il Sole 24 Ore. 18.06.
- Bruno E. (2021 b) Il rilancio dell'universita' riparte da 400 mila borse e 120 mila alloggi // Il Sole 24 Ore. 18.06.
- Bruno E. (2021 c) Fondo ad hoc da 600 milioni per giovani ricercatori // Il Sole 24 Ore. 18.06.
- Bruno E., Tucci C. (2021) Asili, mense e tempo pieno: il Welfare per le famiglie inizia a scuola // Il Sole 24 Ore. 18.06.
- Capussela A. (2018a) Declino. Una storia italiana. Milano. Pp. 38–39.
- Capussela A. (2018b) Declino. Una storia italiana. Milano. P. 354.
- Cherchi A. (2021) Nell'Italia delle 110 mila leggi ancora validi 33 mila regi decreti // Il Sole 24 Ore. 20.09.
- Chiellino G. (2020) Aiuti UE, scommessa da 315 miliardi // Il Sole 24 Ore. 9.11.
- Cottarelli C. (2018) I sette peccati capitali dell'economia italiana. Milano: Feltrinelli. P. 174.
- Dili A. (2021) Irpef, si studia la riduzione delle aliquote medie effettive // Il Sole 24 Ore. 9.10.
- Draghi: We Face a War Against Coronavirus and Must Mobilize Accordingly (2020) // Financial Times. 25.05. (<https://www.it.com/content/c6d2de3a-6ec5-11ea-89df-41bea055720b>).
- Finizio M. (2021) Casa a giovani under 36, la garanzia statale spinge I mutui al 100% // Il Sole 24 Ore. 2.08.
- Fortis M. (2021) Produzione industriale, luglio conferma il cambio di passo della manifattura // Il Sole 24 Ore. 14.09.
- Fossati S. (2021) Catasto sui valori di mercato, tasse ferme alle vecchie rendite // Il Sole 24 Ore. 9.10.
- Fotina C. (2021) Sinergia atenei – imprese sul trasferimento di tecnologie e brevetti // Il Sole 24 Ore. 18.06.
- Foucault C. (2021) Reforme de la justice Cartabia, duree des processus: 7 ans en Italie, 3 en France // Corriere della Sera.
- La fiducia delle imprese al massimo storico (2021) // Il Sole 24 Ore. 4.09.
- Le dichiarazioni programmatiche del Presidente Draghi (2021). Governo Italiano Presidenza del Consiglio dei Ministri. (<https://www.governo.it/it/articolo/le-comunicazioni-del-presidente-draghi-al-senato/16225>).
- Maglione V., Marrei B.L. (2021) Troppi processi penali: oltre il 60% finisce archiviato // Il Sole 24 Ore. 17.05.
- Manovra, 22 miliardi per la crescita (2021) // Il Sole 24 Ore. 30.09.
- Oldani T. (2021a) Nordio for president: il CSM va azzerrato e I nuovi consiglieri scelti con il sorteggio per porre fine al potere delle correnti // Italia Oggi. 4.05. (<https://www.italiaoggi.it/news/nordio-for-president-il-csm-va-azzerrato-e-i-nuovi-consiglieri-scelti-con-il-sorteggio-per-porre-fine-2517540>).
- Oldani T. (2021b) In Italia ci sono 5 over 65 per ogni bambino: la denatalita piu'grave dell'omofobia. E Draghi, per fortuna, l'ha capito // Italia Oggi. 5.05. (<https://www.italiaoggi.it/news/in-italia-ci-sono-5-over-65-per-ogni-bambino-la-denatalita-piu-grave-dell-omofobia-e-draghi-per-fortuna-2517715>).
- Orioli A. (2021) Il paradosso del lavoro tra competenze e immigrazione // Il Sole 24 Ore. 10.08.
- PA: serviranno oltre 741 mila nuovi dipendenti nei prossimi 5 anni (2021) // Corriere della Sera. 2.07. (<https://www.corriere.it/economia/lavoro/21.luglio.02/pa-serviranno-oltre-741-mila-nuovi-dipendenti...>).

- Piano Nazionale di Ripresa e Resilienza (2021) P. 21. (<https://www.governo.it/sites/governo.it/files/PNRR.pdf>).
- Picchio N. (2021a) “Semplificazioni, riforma avviata” // *Il Sole 24 Ore*. 18.06.
- Picchio N. (2021b) Bonomi: serve patto per lo sviluppo // *Il Sole 24 Ore*. 24.09.
- Pogliotti G. (2021a) Meno di 400 assunti con gli incentive // *Il Sole 24 Ore*. 12.09.
- Pogliotti G. (2021b) Pochi ingegneri e matematici: per l’Italia e’ allarme STEM // *Il Sole 24 Ore*. 26.03.
- Pogliotti G., Tucci C. (2021) Sfiato il milione di posti persi // *Il Sole 24 Ore*. 7.04.
- Programma GOL. Garanzia di occupabilita’ dei lavoratori (2021) (<https://www.lavoro.gov.it/notizie/Documents/GOL-slide-Programma-20211021.pdf>).
- Processo penale: la legge di riforma pubblicata in *Gazzetta* (2021) (<https://www.altalex.com/documents/news/2021/09/23/riforma-processo-penale>).
- Recovery Plan, Draghi: la riforma fiscal affrontera’ il tema delle imposte e dei sussidi ambientali (2021) // *Italia Oggi*. 23.04 (<https://www.italiaoggi.it/news/recovery-plan-draghi-la-riforma-fiscale-affrontera-il-tema-delle-imposte-e-dei-sussidi-ambientali-202104231110172529>).
- Romano B. (2021) Via libera di Bruxelles con piccoli aggiustamenti: piu’ progetti in biodiversita’ // *Il Sole 24 Ore*. 23.06.
- Salvadori M. (2013) *Storia d’Italia, crisi di regime e crisi di sistema 1861-2013*. Bologna. P. 224.
- Sorrentino R. (2021) Recovery Plan, flussi dei fondi vincolati a controlli semestrali // *Il Sole 24 Ore*. 30.04.
- Statement of EU Ministers of Finance on the Stability and Growth Pact in Light of the COVID-19 Crisis. Press Release. (<https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/03/23...>).
- Trovati G. (2021a) Oggi l’ok definitivo a Piano e maxifondo Nodo governance // *Il Sole 24 Ore*. 29.04.
- Trovati G. (2021b) Brunetta: la nuova PA portera’ il 70% del Pil prodotto dalle riforme // *Il Sole 24 Ore*. 27.04.
- Tucci C. (2021a) Le buone carte degli ITS: piani di studio a misura di aziende e subito lavoro // *Il Sole 24 Ore*. 2.08.
- Tucci C. (2021b) Pronto il decollo degli ITS. In arrivo 1,5 miliardi e nuove semplificazioni // *Il Sole 24 Ore*. 18.06.
- Una nuova politica industriale in Italia (a cura di Onida F., Viesti G.) (2016) Firenze. P. 83.
- Vaccini, Figliuolo: pronto il piano per la terza dose, a meta’ ottobre 1,82% dei vaccinati (2021) // *Italia Oggi*. 21.09. (<https://www.italiaoggi.it/news/vaccini-figliuolo-pronto-il-piano-per-la-terza-dose-a-meta-ottobre-1-82-dei-vaccinati-202109211109458915>).
- Visco V. (2021) I prelievi sui redditi da lavoro non possono finanziare da soli il sistema di welfare // *Il Sole 24 Ore*. 18.06.

REFERENCES

- Adriano F. (2021) Reddito di cittadinanza ai nati. *Italia Oggi*. 15.05. (<https://www.italiaoggi.it/news/reddito-di-cittadinanza-ai-nati-2519059>)
- Bini Smaghi L. (2017) *La tentazione di andarsene*. Bologna. P. 174.
- Bruno E. (2021 a) Sul piatto 1,5 miliardi per I dottorati green, digital e innovativi. *Il Sole 24 Ore*. 18.06.
- Bruno E. (2021 b) Il rilancio dell’universita’ riparte da 400 mila borse e 120 mila alloggi. *Il Sole 24 Ore*. 18.06.
- Bruno E. (2021 c) Fondo ad hoc da 600 milioni per giovani ricercatori. *Il Sole 24 Ore*. 18.06.
- Bruno E., Tucci C (2021) Asili, mense e tempo pieno: il Welfare per le famiglie inizia a scuola. *Il Sole 24 Ore*. 18.06.
- Capussela A. (2018a) *Declino. Una storia italiana*. Milano. pp. 38–39.

- Capussela A. (2018b) *Declino. Una storia italiana*. Milano. p. 354.
- Cherchi A. (2021) Nell'Italia delle 110 mila leggi ancora validi 33 mila regi decreti. *Il Sole 24 Ore*. 20.09.
- Chiellino G. (2020) Aiuti UE, scommessa da 315 miliardi. *Il Sole 24 Ore*. 9.11.
- Cottarelli C. (2018) *I sette peccati capitali dell'economia italiana*. Milano: Feltrinelli. p.174.
- Dili A. (2021) Irpef, si studia la riduzione delle aliquote medie effettive. *Il Sole 24 Ore*. 9.10.
- Draghi: We Face a War Against Coronavirus and Must Mobilize Accordingly (2020). *Financial Times*. 25.05. (<https://www.it.com/content/c6d2de3a-6ec5-11ea-89df-41bea055720b>).
- Entin M. (2020) Bezalternativnyi kharakter razvitiya ES [Non-Alternative Nature of the EU Development]. *Sovremennaya Evropa*. no 4, pp. 25–36.
- Finizio M. (2021) Casa a giovani under 36, la garanzia statale spinge i mutui al 100%. *Il Sole 24 Ore*. 2.08.
- Fortis M. (2021) Produzione industriale, luglio conferma il cambio di passo della manifattura. *Il Sole 24 Ore*. 14.09.
- Fossati S. (2021) Catasto sui valori di mercato, tasse ferme alle vecchie rendite. *Il Sole 24 Ore*. 9.10.
- Fotina C. (2021) Sinergia atenei – imprese sul trasferimento di tecnologie e brevetti. *Il Sole 24 Ore*. 18.06.
- Foucault C. (2021) Reforme de la justice Cartabia, durees des processus: 7 ans en Italie, 3 en France. *Corriere della Sera*.
- Kvashnin Y. (2019) Dokhod ot grazhdanstva v Italii: revoliutsiya v sotsialnoi politike ili dan' populizmu? [Income from Citizenship in Italy: A Revolution in Social Policy or a Tribute to Populism?]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*. no. 6, pp. 66–73.
- La fiducia delle imprese al massimo storico (2021). *Il Sole 24 Ore*. 4.09.
- Le dichiarazioni programmatiche del Presidente Draghi (2021). Governo Italiano Presidenza del Consiglio dei Ministri. (<https://www.governo.it/it/articolo/le-comunicazioni-del-presidente-draghi-al-senato/16225>).
- Maglione V., Marrei B.L. (2021) Troppi processi penali: oltre il 60% finisce archiviato. *Il Sole 24 Ore*. 17.05.
- Manovra, 22 miliardi per la crescita (2021). *Il Sole 24 Ore*. 30.09.
- Oldani T. (2021a) Nordio for president: il CSM va azzerrato e i nuovi consiglieri scelti con il sorteggio per porre fine al potere delle correnti. *Italia Oggi*. 4.05. (<https://www.italiaoggi.it/news/nordio-for-president-il-csm-va-azzerrato-e-i-nuovi-consiglieri-scelti-con-il-sorteggio-per-porre-fine-2517540>).
- Oldani T. (2021b) In Italia ci sono 5 over 65 per ogni bambino: la denatalita piu' grave dell'omofobia. E. Draghi, per fortuna, l'ha capito. *Italia Oggi*. 5.05. (<https://www.italiaoggi.it/news/in-italia-ci-sono-5-over-65-per-ogni-bambino-la-denatalita-piu-grave-dell-omofobia-e-draghi-per-fortuna-2517715>).
- Orioli A. (2021) Il paradosso del lavoro tra competenze e immigrazione. *Il Sole 24 Ore*. 10.08.
- PA: serviranno oltre 741 mila nuovi dipendenti nei prossimi 5 anni (2021) *Corriere della Sera*. 2.07. (<https://www.corriere.it/economia/lavoro/21.luglio.02/pa-serviranno-oltre-741-mila-nuovi-dipendenti...>).
- Piano Nazionale di Ripresa e Resilienza (2021). p. 21. (<https://www.governo.it/sites/governo.it/files/PNRR.pdf>).
- Picchio N. (2021a) “Semplificazioni, riforma avviata”. *Il Sole 24 Ore*. 18.06.
- Picchio N. (2021b) Bonomi: serve patto per lo sviluppo. *Il Sole 24 Ore*. 24.09.
- Pogliotti G. (2021a) Meno di 400 assunti con gli incentivi. *Il Sole 24 Ore*. 12.09.
- Pogliotti G. (2021b) Pochi ingegneri e matematici: per l'Italia e' allarme STEM. *Il Sole 24 Ore*. 26.03.
- Pogliotti G., Tucci C. (2021) Sfiato il milione di posti persi. *Il Sole 24 Ore*. 7.04.
- Programma GOL. Garanzia di occupabilita' dei lavoratori (2021) (<https://www.lavoro.gov.it/notizie/Documents/GOL-slide-Programma-20211021.pdf>).
- Processo penale: la legge di riforma pubblicata in Gazzetta* (2021) (<https://www.altalex.com/documents/news/2021/09/23/riforma-processo-penale>).
- Recovery Plan, Draghi: la riforma fiscale affrontera' il tema delle imposte e dei sussidi ambientali (2021). *Italia Oggi*. 23.04. (<https://www.italiaoggi.it/news/recovery-plan-draghi-la-riforma-fiscale-affrontera-il-tema-delle-imposte-e-dei-sussidi-ambientali-202104231110172529>).

- Romano B. (2021) Via libera di Bruxelles con piccoli aggiustamenti: piu' progetti in biodiversita'. *Il Sole 24 Ore*. 23.06.
- Rubinskiy Y., Sindeyev A. (2020) Franko-germanskiy tandem pered litsom koronakrizisa [Franco-German Tandem Facing the Coronacrisis]. *Sovremennaya Evropa*. no. 4, pp. 16–24.
- Salvadori M. (2013) *Storia d'Italia, crisi di regime e crisi di sistema 1861-2013*. Bologna. p. 224.
- Sorrentino R. (2021) Recovery Plan, flussi dei fondi vincolati a controlli semestrali. *Il Sole 24 Ore*. 30.04.
- Statement of EU Ministers of Finance on the Stability and Growth Pact in Light of the COVID-19 Crisis (<https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/03/23...>).
- Trovati G. (2021a) Oggi l'ok definitivo a Piano e maxifondo Nodo governance. *Il Sole 24 Ore*. 29.04.
- Trovati G. (2021b) Brunetta: la nuova PA portera' il 70% del Pil prodotto dalle riforme. *Il Sole 24 Ore*. 27.04.
- Tucci C. (2021a) Le buone carte degli ITS: piani di studio a misura di aziende e subito lavoro. *Il Sole 24 Ore*. 2.08.
- Tucci C. (2021b) Pronto il decollo degli ITS. In arrivo 1,5 miliardi e nuove semplificazioni. *Il Sole 24 Ore*. 18.06.
- Una nuova politica industriale in Italia (a cura di Onida F., Viesti G.)* (2016) Firenze. p. 83.
- Vaccini, Fgliuolo: pronto il piano per la terza dose, a meta' ottobre l'82% dei vaccinati (2021). *Italia Oggi*. 21.09 (<https://www.italiaoggi.it/news/vaccini-figliuolo-pronto-il-piano-per-la-terza-dose-a-meta-ottobre-l-82-dei-vaccinati-202109211109458915>).
- Visco V. (2021) I prelievi sui redditi da lavoro non possono finanziare da soli il sistema di welfare. *Il Sole 24 Ore*. 18.06.

Информация об авторе

Авилова Агнесса Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д.23, Москва, 117997. E-mail: avi@imemo.ru

About the author

Agnessa V. Avilova, Candidate of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: avi@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 24.10.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 19.11.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 26.11.2021

DOI: 10.31857/S086904992201004X

Оригинальная статья / Original Article

Стратегии европейских по привлечению высококвалифицированных мигрантов¹

© Ю.Д. КВАШНИН

Квашнин Юрий Дмитриевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), ykvashnin@gmail.com

В условиях глобализации и технологических изменений сохранение человеческого капитала и его преумножение становятся все важнее для экономического развития. Перед странами Европейского союза и Великобританией, которые последние десятилетия постепенно теряют конкурентные позиции в мировой экономике, данные вызовы стоят особенно остро. В этом контексте большое значение приобретает политика стимулирования высококвалифицированной миграции, которая проводится в том числе – и чем дальше, тем активнее – городскими администрациями. Несмотря на свои ограниченные компетенции в сфере регулирования миграции, администрации способны влиять на ее динамику и структуру, формируя комфортную городскую среду и жилищную политику, повышая транспортную доступность, содействуя в трудоустройстве выпускникам местных вузов, поддерживая обратную миграцию и с помощью других «мягких мер» привлечения высококлассных специалистов и представителей креативного класса. В данном процессе, однако, есть победители и проигравшие. Многие города – в первую очередь в периферийных странах ЕС – не выдерживая конкуренции, сталкиваются с усиливающейся проблемой утечки мозгов, которая требует комплексных решений при участии не только городских администраций, но также центральных органов власти и наднациональных европейских институтов.

¹ Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00251 «Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций») в Московском государственном институте международных отношений (университете) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Funding. This study was financially supported by the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00251 “Social and Economic Development of Large European Cities: the Impact of Foreign Investment and Labor Migration”) at the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Ключевые слова: Европейский союз, глобальные города, рынок труда, трудовая миграция, высококвалифицированная миграция, миграционная политика, утечка мозгов

Цитирование: Квашнин Ю.Д. (2022) Стратегии европейских городов по привлечению высококвалифицированных мигрантов // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 48–59. DOI: 10.31857/S086904992201004X

European Urban Strategies for Attracting High-Skilled Migrants

© Yu. KVASHNIN

Yury D. Kvashnin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, ykvashnin@gmail.com

Abstract. In the era of globalization and rapid technological changes, human capital preservation and development are becoming an increasingly important factor of economic growth. These challenges are particularly acute for the European Union and the United Kingdom, which have faced declining competitiveness in the global economy in recent decades. In this context it's particularly important to analyse policies aimed at stimulating highly skilled migration carried out at different levels – including the municipal one. Having limited competencies in the field of migration policies, city authorities, nevertheless, are able to influence the dynamics and structure of migration by creating a comfortable urban environment, implementing housing policies, increasing transport accessibility, promoting employment of local universities' graduates, supporting return migration and providing other «soft measures» aimed at attracting highly qualified specialists and representatives of the creative class. This process, however, has both winners and losers. Many cities, primarily those located in the peripheral EU countries, unable to withstand competition face the growing problem of brain drain, which requires complex solutions involving not only city administrations, but also central authorities and supranational European institutions.

Keywords: European Union, global cities, labor market, labor migration, highly skilled migration, migration policy, brain drain

Citation: Kvashnin Yu. (2022) European Urban Strategies for Attracting High-Skilled Migrants. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.1, pp. 48–59. DOI: 10.31857/S086904992201004X (In Russ.)

Постановка вопроса

В современном мире привлечение и удержание высококвалифицированных мигрантов (ВКМ)² – непереносимое условие конкурентоспособности. «Борьба за таланты» становится все более серьезным вызовом, особенно для тех стран, которые сталкиваются с проблемой воспроизводства человеческого капитала. Для Европейского союза (ЕС) данный вызов наиболее актуален из-за неблагоприятных демографических тенденций: старения населения, увеличения нагрузки на системы социального обеспечения и сокращения ква-

² У концепта «высококвалифицированный мигрант» нет общепринятого определения. В данной статье, в соответствии с распространенной (но далеко не единственной) в европейской научной литературе классификацией автор относит к ВКМ пять категорий мигрантов – 1) старших менеджеров и руководителей 2) инженеров и технических специалистов 3) научных работников и преподавателей 4) предпринимателей 5) студентов [Mahroum 2001].

лифцированных кадров, усугубленного утечкой мозгов из менее благополучных стран и регионов – и, как следствие, растущего отставания в сфере науки и технологий [Kahanec, Zimmermann 2010]. Ситуация осложняется тем, что в миграционных потоках в ЕС (в меньшей степени в Великобританию) преобладают мигранты средней и низкой квалификации, в то время как ВКМ отдают предпочтение другим странам – США, Австралии, Канаде и др. [Global Talent Risks... 2011].

Мнение о том, что власти должны активнее содействовать приему и интеграции ВКМ в принимающие сообщества, разделяют не только ученые и эксперты стран ЕС, но и политические партии и движения различной идеологической направленности – от левых радикалов до правых популистов [Потемкина 2019]. Основные различия в их взглядах состоят в том, какие конкретно меры должны приниматься и на каком уровне.

В настоящее время главными акторами, которые регулируют миграционные процессы, остаются национальные правительства стран-участниц интеграционного объединения. Именно они, как отмечает Н.Н. Большова, «разрабатывают специальные программы для привлечения лучших талантов, которые фактически уравнивают ВКМ в социально-экономических правах с собственными гражданами: вводят преференциальные иммиграционные режимы, упрощают правила предоставления вида на жительство, открывают доступ к национальным рынкам труда, системам социального страхования» [Большова 2017].

В то же время на протяжении последних десятилетий в ЕС все отчетливее прослеживаются два новых тренда. С одной стороны, часть соответствующих функций перетекает с национального уровня на наднациональный. С другой стороны – региональные и особенно муниципальные органы власти стремятся использовать ВКМ как ресурс развития и осуществлять меры, которые создают максимально благоприятные условия для их проживания и трудовой деятельности.

Вопросы управления высококвалифицированной миграцией на уровне европейских институтов детально рассматриваются как в зарубежной, так и в российской научной литературе – в первую очередь в контексте введения в ЕС «голубой карты», предоставляющей гражданам третьих стран право на трудоустройство на территории большинства стран ЕС [Burmatt et al. 2018; Трофимова, Четверикова 2019; Биссон 2020 и др.]. Также обширный пласт работ посвящен национальным подходам к привлечению ВКМ [Романова 2015; Berkhout et al. 2016; Годованюк 2020].

Тем не менее, городские стратегии в данной сфере и конкретные меры муниципальных властей изучены достаточно слабо. Научные статьи по данной тематике, как правило, анализируют примеры отдельных городов или сопоставляют городские практики в рамках одной из стран ЕС (чаще всего в Германии и Нидерландах). В рамках данной статьи автор попытается заполнить исследовательскую лауну и выяснить, какими возможностями располагают европейские города, чтобы предотвратить утечку мозгов и повысить собственную привлекательность в глазах ВКМ, а также какие инструменты наиболее востребованы в рамках политики, направленной на достижение данной цели.

Управление миграцией на городском уровне: ограничения и возможности

Возрастание роли высококвалифицированной рабочей силы как ключевого фактора развития экономики – общемировой вектор развития, который больше всего ощущается на городском уровне, поскольку города стали центральными узлами глобализирующейся экономики и, как следствие, ключевыми участниками конкуренции за инвестиции и таланты. Вместе с тем муниципальные органы власти в большинстве европейских городов

пока сравнительно мало участвуют в привлечении и удержании ВКМ в связи с двумя обстоятельствами.

Во-первых, миграционные процессы в целом и миграция высококвалифицированных специалистов в частности сильно зависят от траектории предшествующего развития («эффект колеи»). Как правило, ВКМ переезжают в те города, которые уже притягивают рабочую силу, и покидают населенные пункты, в которых отсутствуют достаточные возможности для трудоустройства, тем самым способствуя снижению конкурентоспособности последних. Иными словами, европейские города могут становиться магнитами для иммигрантов в силу целого комплекса факторов – экономических условий, ситуации на рынке труда, качества жизни, институциональной среды и стабильности, географического расположения города, наличия сформировавшейся диаспоры и пр. [Study on the Movement... 2018] – при полном отсутствии целенаправленной политики городских администраций по привлечению высококвалифицированной рабочей силы. Особенно ярко данная тенденция проявилась в глобальных европейских городах, которые на многие годы вперед обеспечили себе приток ВКМ благодаря своему положению международных финансовых центров (Лондон, Франкфурт-на-Майне, Амстердам), центров сосредоточения высокотехнологичных производств и развития науки и инноваций (Париж, Вена) или своему административному значению (Брюссель, Страсбург).

Очевидно, что при наличии неоспоримых конкурентных преимуществ городские администрации могут не придавать особого значения данному направлению политики. В частности, во Франкфурте городская стратегия ориентирована на повышение уровня образования и компетенции самих немцев, в то время как привлечение ВКМ из-за рубежа «является последней по приоритетности задачей» [Булатов, Габарта, Сергеев 2021]. Будучи вторым по значению международным финансовым центром в Европе (после Лондона), город и так привлекает десятки тысяч высококлассных специалистов (экспатов) и не испытывает необходимости в дополнительных мерах. Другой яркий пример – Лимассол (Республика Кипр), который всего за несколько десятилетий из второстепенного порта превратился во второй по численности населения в греческой части острова город и в первый – по притоку ВКМ. Статус города повысился в результате сочетания трех обстоятельств – турецкой оккупации бывшего главного порта Кипра Фамагусты; гражданской войны в Ливане, вследствие которой Бейрут утратил роль «финансовой столицы» Восточного Средиземноморья (соответственно, международный капитал эмигрировал на Кипр); благоприятной для бизнеса национальной налоговой политики. В силу чрезвычайно высокой по европейским меркам налогово-бюджетной централизации муниципальные органы власти почти никак не влияли на данный стихийный процесс³.

Во-вторых, как уже отмечалось, компетенции городских администраций в миграционном управлении, хотя и варьируют по странам, в целом существенно уступают компетенциям национальных правительств и общеевропейских органов власти. Фактически муниципалитеты играют вспомогательную роль в регулировании миграции. Они вынуждены действовать в строго очерченных юридических рамках, как правило, не имея права законодательной инициативы⁴, и – довольно часто – в условиях жестких финансовых ограничений (например, в 2020 г. для поддержки населения правительства ряда стран сократили местные налоги, что крайне негативно сказалось на наполняемости муниципальных бюд-

³ City of Limassol: Intercultural Profile. Intercultural Cities: Building the Future on Diversity. (<https://rm.coe.int/1680482a41>).

⁴ Исключение – не входящая в ЕС Швейцария, где отдельные законодательные решения в миграционной сфере могут приниматься посредством референдумов на муниципальном уровне.

жетов). Кроме того, многие из них сталкиваются с более насущной проблемой притока низкоквалифицированной рабочей силы, из-за чего муниципалитетам приходится уделять основное внимание экономической и социокультурной интеграции беженцев и экономических мигрантов, откладывая привлечение ВКМ до лучших времен [Квашнин 2020].

Есть и еще один важный момент: «борьба за таланты» – не обязательное, а скорее «факультативное» направление городской политики, которое муниципальные администрации в принципе могут игнорировать. В данной ситуации большое значение приобретают такие преходящие факторы, как заинтересованность муниципальных руководителей в разработке соответствующих стратегий, способность мобилизовать необходимые для их имплементации финансовые ресурсы и устоявшиеся контакты с городскими предпринимателями, которые ищут таланты. Последнее особенно важно: специалисты отмечают, что «муниципалитеты, являясь государственными учреждениями, не могут формулировать миграционные стратегии собственнически» и должны работать в тесной связке с компаниями и бизнес-ассоциациями [Kühn 2018].

Несмотря на перечисленные выше ограничения, в последние десятилетия все больше городских администраций считают важной задачей удерживать и привлекать высококвалифицированную рабочую силу. Речь идет как о тех городах, для которых сохранение человеческого капитала стало экзистенциальной проблемой из-за утечки мозгов, так и о тех, которые рассматривают «борьбу за таланты» как дополнительную возможность развиваться на основе построения экономики знаний.

Первые акцентируют внимание на удержании талантов и возвращении мигрантов, которые покинули город в поисках лучшей жизни, через широкий диапазон мер – от информирования ВКМ о доступных вакансиях до прямой финансовой поддержки высококвалифицированных работников. Такой подход преимущественно характерен для городов Восточной Германии после объединения страны, Центральной и Восточной Европы, многие из которых обезлюдели из-за массовой эмиграции, и Южной Европы, где аналогичный процесс развернулся в период долгового кризиса и рецессии (конец 2000-х – первая половина 2010-х гг.). К этой же группе относятся университетские города Европы, которые привлекают множество студентов из ЕС и третьих стран, но не могут удержать их после получения дипломов.

Вторая группа обычно делает упор на улучшении качества городской среды, в частности транспортной доступности, жилищной инфраструктуры, поощрении культурного разнообразия и толерантности и пр. В отдельных случаях подходы дополняют друг друга, и политика городов в данной сфере приобретает комплексный характер, охватывая различные группы ВКМ, для каждой из которых используется свой инструментарий.

Городские практики привлечения высококвалифицированных мигрантов

Анализ городских практик показывает, что при всей кажущейся ограниченности компетенций муниципальных органов власти возможностей влиять на приток ВКМ у них больше, чем представляется на первый взгляд. Некоторые из направлений такой политики заслуживают особого внимания.

Информационная поддержка для ВКМ. Информирование мигрантов о порядке легализации пребывания и труда, доступных вакансиях, специфике услуг образования и здравоохранения, а также об особенностях повседневной жизни в городе – пожалуй, самая распространенная практика, которую реализуют при непосредственном участии муниципальных администраций. Во многих европейских городах действуют информационные

центры для мигрантов, функционируют специальные интернет-сайты. В социальных сетях размещают специальные сведения, которые могут быть предназначены как для уже обосновавшихся городе, так и для ВКМ, которые лишь размышляют о будущем трудоустройстве. Эффективность данного инструмента в значительной мере зависит от координации усилий миграционных служб и бизнеса, а также спроса со стороны последнего на высококвалифицированную рабочую силу. Интересно то, что через информационное содействие городские власти могут влиять на структуру притока ВКМ в зависимости от стоящих перед городом задач. Так, в германском городе Аахен соответствующие службы направляют свои усилия на учащихся и выпускников местных вузов, а в Бонне – на представителей научного сообщества и потенциальных сотрудников ТНК⁵.

Устранение бюрократических преград. Несмотря на то, что разрешения на проживание и работу выдают национальные власти, городское руководство может ускорить данный процесс. В частности, администрация города Кельн (ФРГ) оптимизировала работу ответственных учреждений таким образом, что решение данных вопросов стало занимать не более четырех недель. Известны случаи, когда муниципальные органы власти выступали поручителями при получении мигрантами необходимых документов (в основном речь идет о ВКМ, которые занимают руководящие должности) [Fobker, Temme, Wiegandt 2014].

Создание специализированных служб для поиска талантов. Такого рода инициативы наиболее распространились в городах, которые специализируются на высокотехнологичных производствах и испытывают нехватку высококвалифицированной рабочей силы. Проблема особенно остро стоит перед городами Северной Европы, положению которых как лидеров в IT-сфере угрожает кадровый голод (по оценкам, в 2022 г. дефицит специалистов в этой области составит 70 тыс. человек⁶).

Первопроходцем в данном направлении стала столица Дании, где в 1994 г. была создана организация Copenhagen Capacity⁷. Ее учредителями выступили три амта (областные правительства, упразднены административной реформой 2007 г.) и два муниципалитета – Копенгагена и Фредериксберга – при содействии национального инвестиционного агентства Invest in Denmark. Организация регулярно проводит рекрутинговые мероприятия как внутри, так и за пределами страны, помогает зарубежному бизнесу открывать филиалы и дочерние компании в Большом Копенгагене, предоставляет им рыночные обзоры, содействует в поиске партнеров.

Схожая политика проводится в Тампере – второй по величине городской агломерации Финляндии, где действует пятилетняя Стратегическая программа по привлечению международных талантов и миграции, которая отличается беспрецедентной для европейских городов детализацией [Raunio 2019].⁸ Среди конкретных мер муниципальных властей особое значение отводится проведению ежегодных «саммитов талантов», созданию сайтов вакансий, а также консультированию местных компаний в вопросах трудоустройства

⁵ Die offizielle Webseite der Stadt Aachen (<https://www.aachen.de/index.html>); Foreigners Authority in Bonn (https://www.auslaenderaemter.de/info/info_foreigners_authority_in_bonn.php).

⁶ The Nordics are Struggling with a Tech Talent Shortage. Emerging Europe. November 21, 2019. (<https://emerging-europe.com/news/the-nordics-are-struggling-with-a-tech-talent-shortage>).

⁷ Find the Right Talents. Copenhagen Capacity. (<https://www.copcap.com/how-we-help/finding-talent>).

⁸ Следует отметить, что в американских, канадских и австралийских городах (Питтсбург, Детройт, Балтимор, Ванкувер, Торонто, Сидней и многие другие) разработка подобных стратегий началась гораздо раньше, чем в европейских, что в значительной мере предопределило их успехи в привлечении высококвалифицированной рабочей силы.

иностранных граждан. Основная ставка делается на привлечение талантов в те отрасли экономики, где город уже имеет сильные конкурентные позиции. Так, для поддержки игровой индустрии в городе создали специальную структуру Tampere Startup Hub – бизнес-инкубатор, который объединил несколько десятков молодых компаний и зарубежных специалистов в области геймдизайна⁹.

Удержание талантов. Данное направление политики наиболее развито в городах, которые страдают от утечки мозгов, но располагают возможностями для воспроизводства человеческого капитала благодаря сильным университетам. Исследования показывают довольно большой разброс в показателях удержания студентов не только в целом по Европе, но и в рамках отдельных стран.¹⁰ Городские администрации не способны воспрепятствовать отъезду выпускников, но в координации с руководством университетов они могут сделать так, чтобы система образования максимально учитывала сформировавшийся в городе спрос на те или иные вакансии. Отметим, что такой опыт не всегда бывает удачен. Так, власти финского города Оулу на базе местного университета начали программу по подготовке психологов¹¹ в расчете на то, что ее выпускники потом пойдут работать в муниципальный сектор. Однако большинство специалистов уехали в другие регионы или устроились на работу в частный сектор.

Некоторые городские администрации не ограничиваются взаимодействием с университетами, поддерживая молодые таланты, которые недавно окончили вуз и находятся перед выбором, где продолжить трудовую деятельность. Подходы здесь различны и сильно зависят от городской специфики и доступных муниципалитету средств. Так, в Сан-Себастьяне (Страна Басков) – одном из самых дорогих городов Испании – власти делают акцент на предоставлении жилья молодым ученым со степенью PhD. В рамках данной задачи в городе был построен «Дом для талантов» с льготными ценами на проживание. Кроме того, при участии муниципальных властей внедрена стипендиальная программа для талантов (выплаты составляют до 750 евро), которая позволяет приехать в город на срок от 15 дней до двух месяцев. Более бедные города Европы (Салоники в Греции, Загорье-об-Сави в Словении, Надьканижа в Венгрии и др.) также разрабатывают стратегии удержания талантов, но они включают в себя в основном малозатратные мероприятия, направленные на установление связей между молодыми талантами и работодателями [Cavallini et al. 2018].

Стимулирование обратной миграции. Данное направление политики характерно для городов, которые теряют квалифицированную рабочую силу. В его рамках наибольшую эффективность демонстрируют меры прямой финансовой помощи вернувшимся предпринимателям. Так, муниципальные власти Варшавы совместно с Высшей школой управления и финансов при поддержке европейских фондов в начале 2010-х гг. реализовали проект «Стань сам себе начальником», направленный на помощь решившим вернуться в страну эмигрантам, которые заинтересованы в открытии своего бизнеса в польской столице. Его целевые группы – граждане в возрасте старше 45 лет, поляки, трудовой стаж которых прервался по причине рождения ребенка, граждане, которые потеряли работу за границей не по своей вине. Заявку на участие можно было подать через интернет-сайт, на-

⁹ About. Tampere Game Hub. (<https://tampere.games/about>).

¹⁰ Например, в Великобритании доля оставшихся в городе выпускников составляет 51% в Эдинбурге и Глазго (что считается очень хорошим показателем), в то время как в Норвиче и Саутгемптоне после обучения остаются менее трети студентов. См.: Graduate Retention: Best UK Cities at Keeping Students After Graduation. (<https://www.whatuni.com/advice/news/graduate-retention-best-uk-cities/82588>).

¹¹ Psychology Graduates Shun Municipal Sector. Yle.fi. (<https://yle.fi/news/3-120616>).

ходясь за пределами Польши. Участники проекта по результатам оценки представленных ими бизнес-планов и пройденных профессиональных тренингов получали безвозвратную финансовую помощь на сумму до 40 тыс. злотых на создание собственной компании и дополнительно по 1,1 тыс. в месяц на ее развитие [Evers, Ewert, Brandsen 2014]. Схожая политика – но на региональном уровне – проводится в итальянской Умбрии, где вернувшиеся предприниматели могут получить 20 тыс. евро. [Cavallini et al. 2018].

Использование транспортной связности с городами – крупными центрами притяжения ВКМ. Многие европейские города с обширными возможностями для трудоустройства отталкивают мигрантов высокими ценами, отсутствием развитой инфраструктуры для досуга и отдыха, негостеприимным отношением к иностранцам и т. д. Бенефициарами сложившейся ситуации становятся близлежащие населенные пункты, которые способны предложить ВКМ более комфортные условия проживания. Самый яркий пример такой динамики – «мятниковая миграция» в Люксембург, богатейшую страну ЕС, где до пандемии коронавируса 46% рабочей силы составляли люди, которые постоянно проживают в небольших городах Бельгии, Франции и Германии¹² (Арлон, Мец, Трир).

Улучшение городской среды. Администрации европейских городов, как правило, обладают значительными компетенциями (но далеко не всегда финансовыми ресурсами) в создании дружелюбного для ВКМ городского пространства – рекреационной инфраструктуры и обустроенных районов для постоянного проживания – и в продвижении культуры толерантности и космополитизма. Соответствующие меры способствуют привлечению всех категорий ВКМ. Однако в наибольшей степени они ориентированы на так называемый креативный класс (ученые, журналисты, писатели, специалисты PR, инженеры, артисты, художники), занятый в постиндустриальных сегментах экономики. Выбирая город для переезда, он руководствуется не критерием наличия рабочих мест, а удобством проживания, качеством досуга, отсутствием языкового барьера, наличием англоязычных школ и пр. В таких мерах зачастую прослеживается влияние американской урбанистической мысли, популяризированной Р. Флоридой, суть которой сводится к тому, что города могут изменить парадигму собственного развития (преодолеть «эффект колеи») при помощи инвестиций в человеческий климат и среду обитания, которые считаются непреложным условиям привлечения талантов и создания высокотехнологичных производств [Florida 2005].

В европейских странах интерес к таким подходам растет, однако не следует преувеличивать их влияние на городскую политику. Как правило, городское пространство улучшают не с целью привлечь ВКМ: соответствующие меры предназначены для всех обитателей города. Более того, некоторые муниципалитеты строго придерживаются концепции «правильного котла», стремясь минимизировать имущественную и этническую сегрегацию и не допустить появления «хороших» районов для ВКМ и «плохих» для низкоквалифицированных мигрантов, так как подобная ситуация будет угрожать социальной стабильности в городе. Целенаправленное создание кварталов для компактного проживания экспатов в целом нехарактерно для стран ЕС и Великобритании; если таковые и возникают, то, как правило, стихийно, вопреки воле муниципальных властей. Есть, однако, исключения, и самое яркое из них – Барселона, где при содействии местных властей происходит «транснациональная джентрификация» и создание анклавов «только для иностранцев» [Cocola-Gant, Lopez-Gay, 2020].

¹² Luxembourg: the Little-Known Covid-19 Hotbed. The New Statesman. 23 March 2020. (<https://www.newstatesman.com/world/2020/03/luxembourg-coronavirus-covid-19-cases-testing-crossborder>).

* * *

Завершая обзор политики европейских городов по стимулированию высококвалифицированной миграции, следует еще раз подчеркнуть, что их возможности в данной сфере ограничены, основные прерогативы сосредоточены в руках центральных органов власти. Вместе с тем активность городских администраций в данной отрасли растет, что в целом подтверждает мнение о происходящем в последние десятилетия «локальном развороте» в управлении миграционными процессами, которое высказывают ряд специалистов [*Zapata-Barrero, Caponio, Scholten* 2017; *Bernt* 2019]. Увеличивается количество инструментов привлечения ВКМ на городском уровне, появляются новые подходы к взаимодействию с различными акторами – национальными правительствами, деловым сообществом, соискателями рабочих мест и, конечно, самими мигрантами. В ряде случаев меры муниципалитетов носят проактивный характер и направлены на использование ВКМ как дополнительного ресурса экономического развития. Однако лишь немногие европейские города могут гордиться комплексными стратегиями в данной сфере. Чаще всего соответствующие меры носят запоздалый характер и принимаются в крайне неблагоприятных условиях массовой утечки мозгов, которая угрожает конкурентным позициям города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биссон Л.С. (2020) Регулирование легальной миграции в Европейском союзе. М.: Ин-т Европы РАН. С. 53–70. DOI: 10.15211/report42020_371.
- Большова Н. (2017) Высококвалифицированная миграция как ресурс конкурентоспособности государств // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 8. С. 67–77. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-67-77.
- Булатов А., Габарта А., Сергеев Е. (2021) Международные финансовые центры как каналы притока иностранных трудовых мигрантов в города Европы // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 10. С. 122–132. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-122-132.
- Годованюк К. (2020) Проблемы регулирования иммиграции в Великобритании после Брекзита // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 76–82. DOI: 10.15211/vestnikieran220207682.
- Квашнин Ю. (2020) Европейские города как акторы миграционной политики // *Современная Европа*. № 7. С. 101–112. DOI: 10.15211/soveurope72020101112.
- Потемкина О. (2019) После кризиса: новый старт миграционной политики ЕС // *Современная Европа*. № 6. С. 26–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620191829>.
- Романова Е.В. (2015) Смена миграционной парадигмы в Германии в XXI веке // *Миграционные проблемы в Европе и пути их решения*. Под ред. Н.Б. Кондратьевой, О.Ю. Потемкиной. М.: Ин-т Европы РАН. С. 28–45.
- Трофимова О.Е., Четверикова А.С. (2019) Наднациональный формат и национальные особенности миграционной политики стран ЕС // *Южно-Российский журнал социальных наук*. Т. 20. № 1. С. 6–23. DOI: 10.31429/26190567-20-1-6-23.
- Berkhout E., Heyma A., Volkerink M., Werff S. (2015) *Attracting and Retaining Highly Skilled Migrants in the Netherlands*. Amsterdam: SEO Economic Research. 77 p.
- Bernt M. (2019) *Migration and Strategic Urban Planning: the Case of Leipzig* // *DISP – The Planning Review*. Vol. 55. № 3. Pp. 56–66. DOI: 10.1080/02513625.2019.1671002.

Burmam M., Perez M., Hoffmann V., Rhode C., Schworm S. (2018) Highly Skilled Labour Migration in Europe. ifo DICE Report. München: Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung an der Universität München. Vol. 16. № 1. Pp. 42–52.

Cavallini S., Soldi R., Matteo L., Utma M., Errico B. (2018) Addressing Brain Drain: The Local and Regional Dimension. Brussels: Commission for Social Policy, Education, Employment, Research and Culture. Pp. 41–70.

Cocola-Gant A., Lopez-Gay A. (2020) Transnational Gentrification, Tourism and the Formation of 'Foreign Only' Enclaves in Barcelona // *Urban Studies*. Vol. 57. Iss. 15. Pp. 3025–3043. DOI: 10.1177/0042098020916111.

Evers A., Ewert B., Brandsen T. (2014) Social Innovations for Social Cohesion: Transnational Patterns and Approaches from 20 European Cities. Liege: EMES European Research Network. Pp. 257–258.

Florida R. (2005) *Cities and the Creative Class* New York: Routledge. 208 p.

Fobker S., Temme D., Wiegandt C. (2014) A Warm-Welcome to Highly-Skilled Migrants: How Can Municipal Administrations Play their Part? // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. Vol. 105. № 5. Pp. 542–557. DOI: 10.1111/tesg.12112.

Global Talent Risk – Seven Responses (2011) Geneva: World Economic Forum. 48 p.

Kahanec M., Zimmermann K. (2010) High-Skilled Immigration Policy in Europe // IZA Discussion Paper No. 5399. Bonn: Institute for the Study of Labor. 40 p.

Kühn M. (2018) Immigration Strategies of Cities: Local Growth Policies and Urban Planning in Germany // *European Planning Studies*. № 26 (9). Pp. 1747–1762. DOI: 10.1080/09654313.2018.1484428.

Mahroum S. (2001) Europe and the Immigration of Highly Skilled Labour // *International Migration*. Vol. 39. Iss. 5. Pp. 27–43. DOI: 10.1111/1468-2435.00170.

Raunio M. (2019) Strategic Programme on International Talent Attraction and Migration. Tampere: International Talent Attraction and Migration service Unit. 39 p.

Study on the Movement of Skilled Labour (2018) Luxembourg: Publications Office of the European Union. 77 p.

Zapata-Barrero R., Caponio, Scholten P. (2017) Theorizing the 'Local Turn' in a Multi-Level Governance Framework of Analysis: A Case Study in Immigrant Policies // *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 83(2). Pp. 241–246. DOI: 10.1177/0020852316688426.

REFERENCES

Berkhout E., Heyma A. Volkerink M., Werff S. (2015) *Attracting and Retaining Highly Skilled Migrants in the Netherlands*. Amsterdam: SEO Economic Research. 77 p.

Bernt M. (2019) Migration and Strategic Urban Planning: the Case of Leipzig. *DISP – The Planning Review*. vol. 55, no. 3, pp. 56–66. DOI: 10.1080/02513625.2019.1671002.

Bisson L.S. (2020) *Regulirovanie legal'noj migracii v Evropejskom soyuze* [Legal migration governance in the European Union] Moscow: Institute of Europe. pp. 53–70. DOI: 10.15211/report42020_371.

Bol'shova N. (2021) Vysokokvalificirovannaya migraciya kak resurs konkurentosposobnosti gosudarstv [Highly Skilled Migration as a Source and a Challenge for Competitiveness of State]. *World Economy and International Relations*. vol. 61, no. 8, p. 67–77. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-67-77.

Bulatov A., Gabarta A., Sergeev E. (2021) Global Financial Centers as Channels for International Labor Migrant Inflow into Cities of Europe. *World Economy and International Relations*. vol. 65, no. 10, pp. 122–132. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-122-132.

Burmam M., Perez M., Hoffmann V., Rhode C., Schworm S. (2018) *Highly Skilled Labour Migration in Europe*. ifo DICE Report. München: Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung an der Universität München. vol. 16, no. 1, pp. 42–52.

Cavallini S., Soldi R., Matteo L., Utma M., Errico B. (2018) *Addressing Brain Drain: The Local and Regional Dimension*. Brussels: Commission for Social Policy, Education, Employment, Research and Culture. pp. 41–70.

Cocola-Gant A., Lopez-Gay A. (2020) Transnational Gentrification, Tourism and the Formation of ‘Foreign Only’ Enclaves in Barcelona. *Urban Studies*. vol. 57, issue 15, pp. 3025–3043. DOI: 10.1177/0042098020916111.

Evers A., Ewert B., Brandsen T. (2014) *Social Innovations for Social Cohesion: Transnational Patterns and Approaches from 20 European Cities*. Liege: EMES European Research Network asbl. pp. 257–258.

Florida R. (2005) *Cities and the Creative Class* New York: Routledge. 208 p.

Fobker S., Temme D., Wiegandt C. (2014) A Warm-Welcome to Highly-Skilled Migrants: How Can Municipal Administrations Play their Part? *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. vol. 105, no. 5, pp. 542–557. DOI: 10.1111/tesg.12112.

Global Talent Risk – Seven Responses (2011) Geneva: World Economic Forum. 48 p.

Godovanyuk K. (2020) Problemy regulirovaniya immigracii v Velikobritanii posle Brekzita [Immigration Regulation Issues in the UK after Brexit]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. no. 2, pp. 76–82. DOI: 10.15211/vestnikieran220207682.

Kahanec M., Zimmermann K. (2010) High-Skilled Immigration Policy in Europe. *IZA Discussion Paper No. 5399*. Bonn: Institute for the Study of Labor. 40 p.

Kühn M. (2018) Immigration strategies of cities: local growth policies and urban planning in Germany. *European Planning Studies*. no. 26 (9), pp. 1747–1762. DOI: 10.1080/09654313.2018.1484428.

Kvashnin Yu. (2020) Evropejskie goroda kak aktory migracionnoj politiki [European Cities as Migration Policy Actors]. *Sovremennaya Evropa*. no. 7, pp. 101–112. DOI: 10.15211/soveurope72020101112.

Mahroum S. (2001) Europe and the Immigration of Highly Skilled Labour. *International Migration*. vol. 39, issue 5, pp. 27–43. DOI: 10.1111/1468-2435.00170.

Potemkina O. (2019) Posle krizisa: novyj start migracionnoj politiki ES [After the Crisis: “A New Start” of the EU Migration Policy]. *Sovremennaya Evropa*. no. 6, pp. 26–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620191829>.

Raunio M. (2019) *Strategic Programme on International Talent Attraction and Migration*. Tampere: International Talent Attraction and Migration service Unit. 39 p.

Romanova E.V. (2015) Smena migracionnoj paradigmy v Germanii v XXI veke [Migration Paradigm Shift in Germany in the XXI Century]. In: *Migration in Europe: Problems and Remedies*. Ed(s): N.B. Kondrat’eva, O.Yu. Potemkina. Moscow: Institute of Europe. pp. 28–45.

Study on the Movement of Skilled Labour (2018) Luxembourg: Publications Office of the European Union. 77 p.

Trofimova O.E., Chetverikova A.S. (2019) Nadnacional’nyj format i nacional’nye osobennosti migracionnoj politiki stran ES [Supranational Format and National Specifics of the Migration Policy of the EU Countries]. *South-Russian Journal of Social Sciences*. vol. 20, no. 1, pp. 6–23. DOI: 10.31429/26190567-20-1-6-23.

Zapata-Barrero R., Caponio, Scholten P. (2017) Theorizing the ‘Local Turn’ in a Multi-Level Governance Framework of Analysis: A Case Study in Immigrant Policies. *International Review of Administrative Sciences*. vol. 83(2), pp. 241–246. DOI: 10.1177/0020852316688426.

Информация об авторе

Квашнин Юрий Дмитриевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: ykvashnin@gmail.com

About the author

Yury D. Kvashnin, Candidate of Sciences (History), Head of Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya street, 23. E-mail: ykvashnin@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 15.11.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 28.01.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 04.02.2022

DOI: 10.31857/S0869049922010026

Оригинальная статья / Original Article

Британский опыт ценообразования на военную продукцию

© О.В. ГУСАРОВА

Гусарова Ольга Владимировна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), olgusarova@imemo.ru

Статья посвящена опыту Великобритании по совершенствованию механизма и методов ценообразования на продукцию военного назначения. Для оценки динамики данного процесса в исследовании применяется системный подход на основании исторического и логического анализа. Выделяется роль для военного сектора экономики неконкурентных контрактов как наиболее крупной: на долю таких контрактов ежегодно приходится около 50% средств министерства обороны на закупку ВиВТ. Рассматриваются основные типы оборонных контрактов и методики ценообразования, анализируются их особенности. Для определения траектории развития изучается исторический опыт Великобритании и последние изменения в методике ценообразования неконкурентных оборонных контрактов. В результате автор отмечает недостаточную объективность применения принципа сопоставимости для определения разумной величины прибыли по неконкурентному контракту. Обращается внимание на относительно неоправданную концентрацию на прибыльности контракта при определении его цены. Подчеркивается ключевое значение оценки эффективности предприятий оборонной промышленности для определения оптимальной цены контракта.

Ключевые слова: Великобритания, оборонные закупки, неконкурентные контракты, ценообразование, оборонная промышленность, продукция военного назначения

Цитирование: Гусарова О.В. (2022) Британский опыт ценообразования на военную продукцию // Общественные науки и современность. № 1. С. 60–77. DOI: 10.31857/S0869049922010026

The UK Experience in Pricing for Military Products

© O. GUSAROVA

Olga V. Gusarova, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), olgusarova@imemo.ru

Abstract. The article is devoted to the UK experience in developing the pricing mechanism and methods for military products. To assess the dynamics of this process, the study uses a systematic approach based on historical and logical analysis. To this purpose the author highlights the role of non-competitive contracts as those are the largest for the military sector of the economy. The annual share of such contracts accounts for about 50% of the MoD expenditure on the purchase of military products. The main types of defense contracts and pricing methods and their features are analyzed. The UK historical experience and recent changes in the pricing methods of non-competitive defense contracts are studied to determine the trends of development. As a result, the author notes the insufficient objectivity of the application of the comparison principle to determine a reasonable profit under a non-competitive contract. Attention is drawn to the unjustified concentration in determining the price of a contract on its profitability. The author emphasizes the key importance of evaluating the effectiveness of defense industry enterprises for determining the optimal contract price.

Keywords: UK, defense procurement, non-competitive contracts, contract pricing, defense industry, military products

Citation: Gusarova O. (2022) The UK Experience in Pricing for Military Products. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.1, pp. 60–77. DOI: 10.31857/S0869049922010026 (In Russ.)

Значение и роль неконкурентных контрактов для военного сектора экономики

Когда речь заходит об оборонных контрактах, любой специалист по закупкам в данной области сразу назовет несколько первоочередных проблем: неэффективность подрядчиков, получение ими чрезмерной прибыли, и, как следствие, общий перерасход средств по проекту, задержка по срокам реализации и плохие эксплуатационные качества продукции, разрабатываемой в рамках каждого нового проекта. В задачи министерства обороны или любого закупочного агентства, которое занимается закупками в интересах данного ведомства, входит определение цен и прибыли подрядчиков по оборонным контрактам как на приобретение обычных товаров, доступных на рынке гражданской продукции (компьютеры, обычные транспортные средства и т. д.), так и на сложные системы вооружений, которые разрабатывают и производят исключительно для военных целей (боевые самолеты, ракеты, авианосцы и др.).

При закупке продукции на конкурентном рынке цена, эффективность и прибыль по контракту определяются на основе конкуренции, т. е. законов рынка. Когда речь идет о закупке продукции на неконкурентном или монопольном рынке, необходимо устанавливать и согласовывать данные переменные заранее.

Наиболее серьезными проблемами системы оборонной контрактации на сегодняшний день остаются ежегодный значительный перерасход средств и отставание по срокам реализации программ, учитывая, что контракты на научные исследования, разработку и за-

купку оборонной продукции занимают значительную часть любого военного бюджета. Например в Великобритании, структура военного бюджета которой довольно стабильна, на данные работы уходит практически четверть всех военных расходов. Будучи страной-членом НАТО, она успешно справляется со взятыми на себя обязательствами расходовать на исследования, разработку и закупку новой техники не менее 20% оборонного бюджета [Гусарова, Куцына, Целицкий 2020, 183]. Согласно «Плану оснащения вооруженных сил на десятилетний период», суммарный перерасход средств по 27 его главным военным проектам к их завершению составит 3,305 млрд ф.ст., а срок исполнения будет превышен на 216 месяцев [UK Government 2021]. Таким образом в среднем каждый из этих проектов обойдется Великобритании на 122,4 млн ф. ст. дороже, а отставание по срокам реализации каждого проекта составит 8 месяцев [Гусарова, Целицкий 2021].

Попробуем разобраться в процессе ценообразования при заключении контрактов с единственным поставщиком – т.е. в случае неконкурентных закупок – на примере Великобритании. Необходимо выявить, как выглядит механизм закупок, каковы основные принципы ценовой политики – и, соответственно, важнейшие проблемы, которые возникают в данной сфере.

Пример Великобритании рассматривается в связи с тем, что она имеет значительный опыт работы с такими контрактами в области обороны и безопасности при доступности полного набора регламентирующих и отчетных документов. Кроме того, Великобритания – одна из ведущих стран мира по уровню военных расходов, которая стабильно удерживала за собой седьмое место в рейтинге стран с наибольшими оборонными расходами на протяжении второй половины 2010-х гг.¹ По итогам же 2020 г., согласно данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), ей удалось переместиться сразу на пятую позицию, увеличив военные расходы на 2,9% по сравнению с 2019 г. [SIPRI Yearbook 2021, 13]. Ее удельный вес в общемировых военных расходах в 2020 г. составил 3%².

Целесообразность отдельного рассмотрения контрактов с единственным поставщиком или неконкурентных контрактов связана с тем, что в основном их заключают по наиболее крупным и затратным проектам. По британскому законодательству, закупки у единственного поставщика применяются в обязательном порядке при стоимости контракта выше 5 млн ф. ст., и, соответственно, под них подпадают все сложные системы оружия и техники³ [UK Legislation 2014, 7]. Ежегодно в среднем на такие закупки приходится около 50% средств (более 4 млрд ф. ст.), которые МО тратит на заключение новых контрактов (рис. 1). В целом же ежегодные расходы МО по новым и уже заключенным неконкурентным контрактам составляют более 8 млрд ф.ст. [MoD 2021]. При заключении неконкурентного контракта его стоимость и прибыль, получаемая подрядчиком или поставщиком, определяются заранее и включаются в сам договор. Прибыль рассчитывают по разработанной методике с применением специальной ставки – базовой нормы прибыли. Методологию расчета базовой нормы прибыли определяет Управление по регулированию закупок у единственного поставщика, после чего дает свои рекомендации МО.

¹ Стоит отметить, что на протяжении 10 лет до 2017 г. включительно расходы Великобритании на оборону постепенно снижались. По итогам 2019 г. она уступила Франции и Германии, заняв только 8-ю строчку в рейтинге.

² Рассчитано автором на основе сведений Базы данных СИПРИ по военным расходам [SIPRI 2021]. Учтены расходы за 2020 г., приведенные в постоянных ценах 2019 г. по обменным курсам.

³ Например, подводные лодки типа «Эстют», авианосец «Куин Элизабет», многоцелевые истребители «Тайфун».

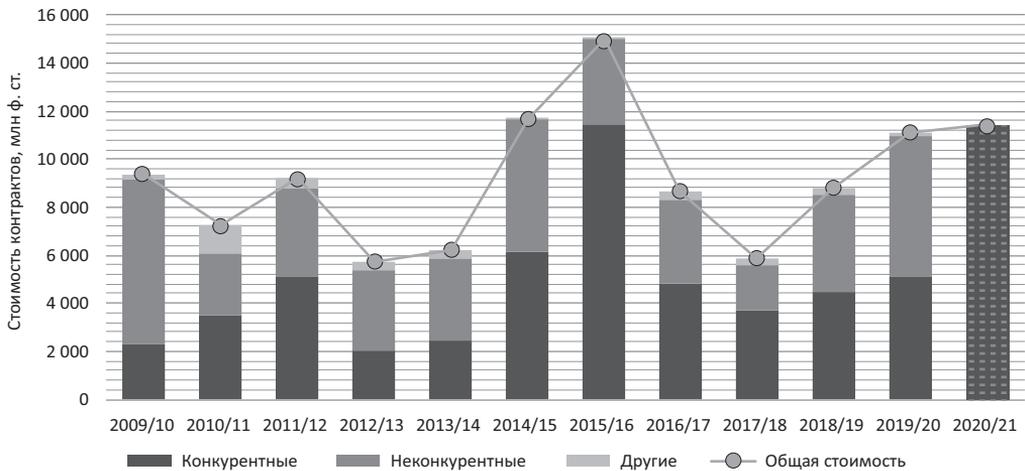


Рисунок 1. Доля конкурентных и неконкурентных контрактов в общей стоимости новых контрактов МО Великобритании, заключенных в отчетном финансовом году⁴

Figure 1. Share of New MOD Contracts by Competition Indicator

Источник: [MoD 2019]; [MoD 2021].

Source: [MoD 2019]; [MoD 2021].

Таким образом, учитывая специфику таких закупок у единственного поставщика и долю средств военного бюджета, ежегодно расходуемых на них, повышение эффективности контрактации в данной сфере – одна из приоритетных задач с точки зрения военно-экономического развития.

Особенности и типы контрактов при закупке оборонной продукции

Экономическая литература предлагает довольно широкий объем публикаций по эффективной ценовой политике – от конкурентных моделей и до государственного регулирования ценообразования. Однако «...оборонный рынок является несовершенным рынком, так как имеет относительно небольшое число продавцов и покупателей. На таких рынках большинство экономических теорий, значительно упрощающих определение политики, как продавцами, так и покупателями, «не работают». В связи с чем появляется необходимость учета специфических особенностей, присущих конкретно рынку продукции оборонного назначения» [Гусарова 2015, 5]. Необходимо сразу отметить некоторые особенности рынка оборонной продукции, которые влияют на выбор стратегии, моделей и методов ценообразования.

1. Государство выступает монополией или основным покупателем и потребителем оборонной продукции. Как следствие, оно играет ключевую роль в определении техниче-

⁴ Стоимость указана в текущих ценах. Для 2020/21 фин. г. приведены расчетные данные общей стоимости новых контрактов. Доля конкурентных и неконкурентных контрактов по состоянию на сентябрь 2021 г. не опубликована. К категории «другие» относятся контракты, по которым маркер конкуренции не известен. В связи с улучшением качества данных к 2014–2016 гг. количество таких контрактов было сведено практически к нулю. Однако из-за перехода на новую систему отчетности и соответствующих проблем с переносом данных их количество снова стало возрастать.

ского прогресса, а также размера, структуры, стратегии и производительности национальной оборонной промышленности.

2. Роль основных исполнителей высокотехнологичных проектов на рынке оборонной продукции играют монополии или олигополии – крупные фирмы как по относительным, так и по абсолютным показателям, как правило отраслеобразующие предприятия. Кроме того, крупнейшие мировые производители на рынке оборонной продукции, такие как Airbus, BAE Systems, Boeing или Lockheed Martin, производят продукцию как военного, так и гражданского назначения. Данная особенность в некоторой степени затрудняет определение себестоимости продукции, когда речь идет о заключении оборонных контрактов. Производители получают некоторое преимущество: реальные условия заключения контракта на деле могут оказаться для них более выгодными, чем они были обозначены на этапе переговоров и в последующем отражены на бумаге. Также стоит отметить, что у фирм-монополистов, как правило, отсутствуют стимулы для технического совершенствования продукции в той степени, в которой того требует конкурентный рынок.

3. Небольшое количество поставщиков и покупателей на оборонном рынке ведет к тому, что размер цены и прибыли определяется в процессе переговоров, результат которых обусловлен выбором обеими сторонами стратегии взаимодействия. При определении цены и прибыли подрядчики обладают информационным преимуществом. Они значительно более осведомлены о своих технологических и производственных возможностях, и, как следствие, могут точнее оценить свои реальные затраты на проект. Соответственно, в данном случае можно говорить об информационной асимметрии. Однако государство как монополист тоже имеет рычаги воздействия, такие как, например, возможность отменить проект или использовать налог на сверхприбыль.

4. Все условия, о которых удается договориться, отражаются в контракте, включая цену и рентабельность неконкурентного контракта. В зависимости от применяемого метода ценообразования контракты разделяются на несколько типов, которые будут рассмотрены ниже. Каждый тип предполагает свою схему распределения затрат, рисков и стимулов между сторонами. Оборонные контракты включают в себя значительные транзакционные издержки: затраты на сбор и обработку информации, на проведение переговоров, согласование и принятие решений, а также последующий мониторинг контракта. Кроме того, многие оборонные контракты на этапе заключения недостаточно конкретизированы и могут включать лишь общие требования к будущей продукции без подробной спецификации. Речь идет прежде всего о высокотехнологичной продукции, а также о принципиально новых образцах вооружений и военной техники (ВиВТ). По таким проектам определить многие параметры сделки на ранней стадии довольно проблематично, поэтому подрядчики стараются переложить большую часть рисков на государство-заказчика.

По типу ценообразования контракты с единственным поставщиком можно разделить на следующие группы.

Первая группа контрактов – соглашения с твердой фиксированной ценой (*firm price*). Как правило, их заключают на короткий срок (от 2-х до 5-ти лет), сумма контракта представляет собой конкретную цифру и не предполагает поправок на инфляцию.

Следующая группа – контракты с фиксированной ценой (*fixed price*). Их заключают на более длительный срок, а стоимость рассчитывается на первоначальном этапе исходя из общей сметы затрат, однако в отличие от контрактов с фиксированной ценой допускается колебание цен на факторы производства.

Контракты с фиксированной и с твердой фиксированной ценой стимулируют подрядчика увеличивать эффективность производства. В случае фактического уменьшения затрат он получает всю дополнительную прибыль. Вместе с тем на него ложатся и все риски

по перерасходу средств за исключением инфляционных (для контрактов с фиксированной ценой). Такие контракты как правило дороже, так как подрядчики всячески пытаются обезопасить себя и расчет идет по максимально возможной планке. В основном к ним относятся производственные контракты, речь в которых идет о продукции с четко прописанной спецификацией и техническими требованиями.

Еще одна группа контрактов – с возмещением затрат (cost-plus)⁵. Их стоимость рассчитывают по фактическим затратам, к которым прибавляют фиксированное вознаграждение либо основанное на затратах процентное вознаграждение. При использовании такой формулы у подрядчика полностью отсутствуют стимулы для снижения фактических затрат, а в случае использования основанного на затратах процентного вознаграждения ему выгодно «раздуть» смету. Таким образом, контракты с возмещением обеспечивают финансовую основу для роста затрат, увеличения сроков исполнения контрактов и так называемого «золотого покрытия» программ на разработку новых видов вооружений и военной техники. Такие контракты широко использовали в 1960-1970-х гг., однако их количество значительно сократилось после 1980 г. [Hartley 2016], когда МО стало внимательно следить за эффективностью оборонных закупок.

Поощрительные контракты (target cost) или контракты с учетом целевых затрат предлагают наиболее сложный, но и наиболее эффективный с точки зрения распределения рисков механизм ценообразования. Он основан на стимулировании целевых затрат путем распределения сэкономленных или излишне израсходованных средств по заранее согласованной схеме между МО и подрядчиком. Например, если итоговая стоимость контракта будет превышена, подрядчик получит возмещение потраченных им средств и вознаграждение, но оно будет меньше заранее определенного целевого вознаграждения на сумму, равную его доле в фактически понесенных дополнительных расходах. В случае же, если итоговая сумма контракта будет ниже заявленной, подрядчик помимо фактически затраченных им средств получит дополнительное вознаграждение, которое будет выше целевого на сумму, равную его доле в сэкономленных средствах.

Такие контракты стимулируют подрядчиков к снижению затрат и, соответственно, конечной цены контракта, обеспечивая разумную норму прибыли. Их используют при закупках новых видов вооружений и военной техники, которые еще находятся на стадии досерийного выпуска – или которые еще только предстоит разработать. В связи с данной особенностью по сравнению с предыдущими типами контрактов их количество незначительно (рис. 2), однако в стоимостном выражении они занимают первое место (рис. 3).

В рамках правил заключения контрактов с единственным поставщиком выделяются еще два допустимых типа контракта: с ценой, зависящей от объема (Volume driven), и с вознаграждением на основе сметы (Estimate Based Fee). По сути, такие контракты имеют гибридный характер, к тому же используют их значительно реже остальных типов (рис. 2 и 3), поэтому не будем останавливаться на них подробнее.

Основное отличие между перечисленными типами контрактов заключается в разном распределении рисков между государством и исполнителем, а также в том, какие стимулы они дают подрядчику для обеспечения эффективности производства. Каждый из них может быть выгоден для определенного вида ВиВТ или для различных этапов исполнения той или иной программы разработки и/или производства вооружений.

Как было упомянуто выше, одна из основных целей министерства обороны при закупках – сокращать перерасход средств на закупки и исключать получение подрядчиком «чрезмерной прибыли». Для выполнения данных задач важно понимать, почему возника-

⁵ Также в русском языке все чаще употребляют термин «затраты плюс».

ют такие проблемы. Являются ли они результатом недостаточных стимулов или вовсе их полного отсутствия для подрядчика, неправильного распределения рисков, плохого контроля или заведомо неточной (или даже ложной) информации, предоставленной подрядчиком на переговорах – или же это результат предпринимательской деятельности фирмы. В случае закупок у единственного поставщика, т. е. использования неконкурентного типа контрактов, данная задача усложняется.

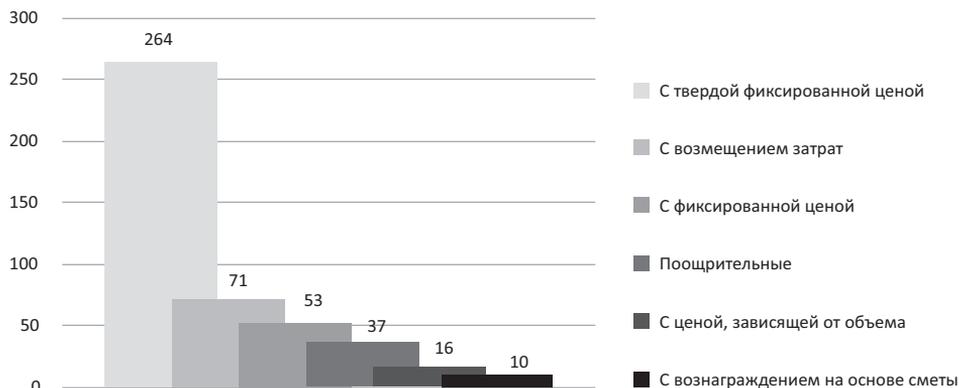


Рисунок 2. Количество контрактов различных типов в общем количестве неконкурентных оборонных контрактов МО Великобритании

Figure 2. Number of contracts using pricing method in a proportion of contract

Источник: SSRO 2021.
 Source: SSRO 2021.

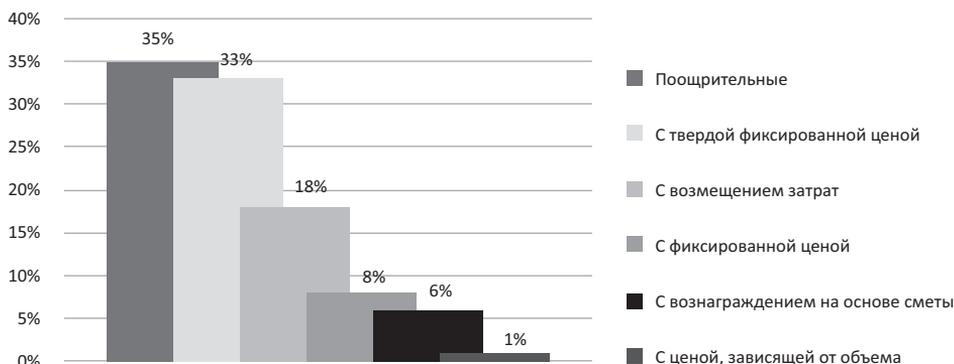


Рисунок 3. Доля контрактов различных типов в общей стоимости неконкурентных оборонных контрактов МО Великобритании

Figure 3. Proportion of estimated contract price

Источник: SSRO 2021.
 Source: SSRO 2021.

Совершенствование механизма ценообразования в системе оборонных закупок: основные этапы

Совершенствование контрактной системы Великобритании идет непрерывно. За последние несколько десятков лет она значительно изменилась. Механизмы определения «справедливой и разумной» нормы прибыли для фирм – и, соответственно, оптимальной цены контракта – становятся все сложнее.

Чтобы понять, какие процессы происходят в настоящий момент и в каком направлении идет развитие контрактной системы, необходимо проследить краткую историю вопроса.

После Первой мировой войны (с 1920 по 1934 гг.) правительство Великобритании хотело сохранить проектные и производственные мощности для стратегических целей, в связи с чем оно широко использовало контракты с возмещением затраты – например, на производство военных самолетов. Такие соглашения включали в себя затраты на материалы и рабочую силу, накладные расходы и 10% прибыли. Однако сам объем заказов и военных расходов был низок: действовало так называемое Правило десяти лет⁶ (Ten Year Rule) [Bell 2010]. Во время перевооружения 1930-х гг. встала проблема получения предприятиями оборонной промышленности чрезмерных прибылей. Военные расходы, которые за период с 1920 по 1932 гг. снизились более чем в 7 раз, начали расти [Kennedy 1981, 231]. В 1937 г. они составляли 5,5% от ВВП, в 1938 г. – 8,5%, а в 1939 г. – уже 12,5% [Kennedy 1989, 319]. Соответственно, начали увеличиваться расходы на закупку новых вооружений. В рамках программы перевооружения (1934–1939 гг.) правительство предоставляло государственный капитал, финансово поддерживало оборонные мероприятия для расширения производства, активно использовало авансовые платежи. Авиационная промышленность и государство заключили договор, известный как соглашение МакЛинтока (McLintock Agreements) [Ritchie 1997, 93]. Министерство промышленности с помощью нового договора планировало остановить спекуляции и получение фирмами авиастроительной отрасли чрезмерных прибылей, одновременно стимулируя производство и эффективность деятельности производителей. Авиастроительные компании, в свою очередь, получали определенные гарантии на период перевооружения. Темпы развития авиастроения, в том числе и технологического, налагали определенные риски при прогнозировании конечных цен контрактов, что беспокоило представителей промышленности. Соглашение 1936 г. устанавливало минимальную норму прибыли в размере 5%, хотя максимальную норму прибыли не определили. Соглашение вызвало довольно много споров – в том числе между казначейством и министерством авиации. Казначейство считало, что норма прибыли должна быть основана на затратах и настаивало на том, что точкой отсчета должен быть использованный капитал. В 1935 г. правительство – в том числе по результатам длительных переговоров с представителями авиастроительной промышленности – пришло к выводу, что для оборонных контрактов оптимальна норма прибыли в размере 10% от использованного капитала. Само по себе использование в качестве основы для расчета стоимости контракта не затрат на производство, а объема капитала было новшеством для того времени.

По подсчетам Министерства авиации Великобритании, прибыль фирм авиастроительной отрасли к 1939 г. составляла 8-9% от годового оборота и 21% от капитала, что привело к понижению установленных норм прибыли. К 1941 г. показатели составляли уже

⁶ Правило, введенное правительством Великобритании в 1919 г., согласно которому бюджетный запрос вооруженных сил должен составляться исходя из предположения, что Британская империя не будет участвовать в какой-либо крупной войне в течение следующих десяти лет. Принятие данной директивы свело к минимуму инвестиции в разработку новых вооружений. Великобритания отказалась от данной политики в 1932 г.

4,4% и 19,3% соответственно. В 1941 г. Соглашение МакЛинтока перестало действовать. Правительство снизило минимальную норму прибыли до 7,5% от использованного капитала. Основным методом ценообразования в оборонном секторе во время Второй мировой войны стали контракты с возмещением затрат на первоначальных этапах производства, а также контракты с фиксированной ценой на более поздних этапах [Richie 2013].

В военное и послевоенное время контракты с единственным поставщиком заключались на основе определения «справедливых и разумных цен» (fair and reasonable prices) по результатам переговоров с подрядчиком. В случае использования фиксированных цен подрядчик на первоначальном этапе переговоров обозначал цену контракта, а правительство должно было самостоятельно подсчитать, насколько предложенная цена оправдана. Технические специалисты оценивали прямые затраты на рабочую силу, закупку материалов и комплектующих, а бухгалтерия – накладные расходы. Далее сведения передавали в Дирекцию по государственным контрактам (Government Contracts Directorate), которая на основе данных о переменных и постоянных затратах определяла величину прибыли (т. е. применялось ценообразование на основе затрат). Для контрактов на новую или сложную оборонную продукцию (танки, военные корабли или боевые самолеты) заключали контракты с фиксированной ценой, окончательную стоимость которых устанавливали по результатам переговоров между подрядчиком и правительством. Многое зависело от их навыков ведения переговоров и умения использовать сильные и слабые стороны друг друга.

Схема ценообразования на закупку ВиВТ не менялась вплоть до 1968 г., когда было заключено Соглашение о прибыли или так называемая «Желтая книга». Она предусматривала существенные меры регулирования государственных оборонных закупок. Заключению соглашения предшествовали длительные переговоры между правительством и представителями промышленности, а также два громких дела о получении частными компаниями чрезмерной прибыли по таким контрактам, которые и послужили толчком для пересмотра закупочного механизма и схемы ценообразования неконкурентных контрактов.

Первый контракт был заключен с британской фирмой Ferranti в 1960 г. на закупку управляемой ракеты Bloodhound. Его сумма составила 12,82 млн ф. ст., согласованная норма прибыли – 7% от затрат. Фактические же затраты составили около 7 млн ф. ст., а норма прибыли – 82% от затрат. Цену согласовали на основе сметных прямых затрат на рабочую силу, материалы и оборудование. Фирма получила чрезмерную прибыль из-за ошибок правительства в оценке прямых затрат на рабочую силу и при расчете производственных затрат для повторяющихся операций. После расследования Ferranti согласилась возместить правительству 4,25 млн ф. ст. в обмен на отказ от применения санкций [Hartley 2020].

Дело Ferranti поставило вопрос об информационной асимметрии между подрядчиком и закупочным агентством, и, как следствие, о праве доступа закупочного агентства к финансовой документации фирм-подрядчиков. Позиция компании заключалась в том, что при заключении контракта с фиксированной ценой все риски ложатся на нее. Если государство желает разделить прибыль, полученную в результате повышения эффективности производства, то необходимо разделить и риск – значит, нужна другая форма контракта.

Поводом для второго громкого дела стали контракты с Bristol Siddeley Engines на капитальный ремонт авиационных двигателей с 1959 по 1965 гг. Правительственный следственный комитет заявил, что средняя норма прибыли по контрактам составила 74%, а по некоторым из них доходила до 142% от себестоимости. В результате Bristol Siddeley Engines согласилась выплатить компенсацию в размере 3,96 млн ф. ст. [Hartley 2020]. Чрезмерная прибыль определялась различными факторами, в том числе и ошибками в расчете рабочих часов и прямых затрат на рабочую силу. В целом Комитет пришел к выводам, аналогичным с делом Ferranti, указав на невозможность определить «спра-

ведливую и разумную цену» по фиксированным контрактам в отсутствие «равенства информации».

Новое Соглашение заключили с целью обеспечить адекватный уровень прибыли в соответствии с размером затрат компании, который будет сопоставим со средним уровнем дохода британской промышленности [Гусарова, Куцына, Целицкий 2020, 196]. Оно применялось ко всем неконкурентным госконтрактам и вносило следующие принципиальные изменения в существующий механизм оборонных закупок [Martin 1996]:

- 1) новая формула прибыли, направленная на получение справедливой прибыли на использованный капитал. Справедливая прибыль определялась равной средней прибыли, полученной всей британской промышленностью (принцип сопоставимости);
- 2) формальный ввод концепции равенства информации до заключения контракта;
- 3) введение процедуры пост-калькуляции стоимости отдельных контрактов;
- 4) создание независимого Наблюдательного совета по государственным контрактам (Review Board for Government Contracts). Совет отвечал за рассмотрение действия новой формулы прибыли, а также брал на себя функции своего рода арбитра в случаях, когда одна из сторон по результатам исполнения контракта считала его цену несправедливой и требовала корректировки.

В задачи Наблюдательного совета входила поддержка как государственных закупщиков, так и подрядчиков, т.е. поддержание некоего баланса между их интересами. Совет регулярно проводил анализ отдельных контрактов, а также публиковал ежегодные и трехлетние (основные) обзоры формулы прибыли и всего, что с ней связано. Основной целью трехлетних – основных – обзоров Совета было определить, соответствует ли прибыль, получаемая подрядчиками по оборонным контрактам, средней прибыли всей британской промышленности, или на следующие три года необходимы соответствующие корректировки. Госзакупщик в лице Министерства обороны и представители промышленности направляли свои сведения по данным вопросам, а Совет давал свои рекомендации.

По Соглашению 1968 г. на рассмотрение в Совет могли быть переданы отдельные контракты, пост-калькуляция которых показала прибыль в размере более 27,5% от капитала или убытки в размере более 15% [Martin 1996]. Таким образом было дано официальное цифровое определение чрезмерной прибыли или чрезмерных убытков.

Наблюдательный совет рассмотрел целый ряд вопросов, вытекающих из Соглашения 1968 г. В качестве референтной группы он установил обрабатывающую промышленность Великобритании, а также определил понятие «используемый капитал»⁷, проанализировал влияние инфляции на капитал и реальную прибыль, определил понятие допустимых затрат⁸, прибыльность рискованных и безрисковых контрактов, отношение затрат на производство к используемому капиталу. Также Совет рассмотрел вопрос соотношения фактической рентабельности контрактов с целевой ставкой, оценил объемы накладных расходов и договоренности, достигнутые между сторонами по бухгалтерскому учету, и многое другое. Результатом стали несколько трехлетних обзоров, в которых Совет рекомендовал внести существенные изменения в процесс определения цены государственного оборонного контракта.

Один из трехлетних обзоров, Основной обзор 1984 г., включал следующие ключевые рекомендации.

1. Изменение целевой нормы прибыли. Первоначально целевая норма прибыли по Соглашению 1968 г. была основана на средней рентабельности обрабатывающей про-

⁷ Например, в него были включены частные венчурные инвестиции, т.е. частные инвестиции в оборонные НИОКР.

⁸ Например, в данную категорию включили затраты на маркетинг.

мышленности Великобритании, которую рассчитали на основе исторической стоимости используемого капитала⁹. Использование статистических данных по рентабельности обрабатывающей промышленности Великобритании было прекращено в 1977 г. Более того, заметный спад, который наблюдался в производственном секторе британской экономики с 1968 г., привел к тому, что Наблюдательный совет определил новую референтную группу для подсчета целевой нормы прибыли. Также было отмечено, что при колебании темпов инфляции необходимо принять норму прибыли, измеряемую в реальном выражении.

2. Определение новой референтной группы. Банк Англии предоставил Наблюдательному совету данные по всем британским листинговым компаниям и по крупнейшим компаниям, чьи акции не торговались на Фондовой бирже, но которые публиковали свою финансовую отчетность на основе метода учета текущих издержек (*current cost accounting*)¹⁰. В итоге новая референтная группа получилась довольно широкой. Она насчитывала 930 компаний и объединила в себе представителей всех отраслей промышленности и торговли [Martin 1996].

3. Учет влияния показателя инфляции на оборотный капитал путем корректировки целевой нормы прибыли.

4. Введение новой формулы прибыли, основанной в равной степени на капитале (на чем настаивало правительство) и на затратах (позиция промышленности). Таким образом противоречия правительства и представителей промышленности по поводу расчета прибыли решились путем включения в формулу обоих компонентов с равным весом.

5. Рекомендация ежегодного частичного пересмотра формулы прибыли, а также более глубокий анализ и корректировка по итогам трехлетних обзоров.

6. Пересмотр отметок чрезмерной прибыли и чрезмерных убытков в размере 27,5% и 15% от капитала (установлено Соглашением 1968 г.) для передачи отдельных контрактов на рассмотрение в Совет. Новая граница была установлена на отметке в 10% как для прибыли, так и для убытков.

Каждый следующий ежегодный или трехлетний обзор вносил определенные коррективы в действующие принципы. Например, Ежегодный обзор 1994 г. установил, что целевая норма прибыли в формуле будет определяться на основе скользящего среднего за три года. Общий обзор 1999 г. не был опубликован, так как тогда шла серьезная работа над альтернативной формулой прибыли, основанной на экономической отдаче. В Обзоре 2002 г. был сделан вывод, что формула, основанная на экономической отдаче, имеет определенную эффективность, но она не носит универсальный характер, в связи с чем применять ее к отдельным категориям контрактов невозможно. Методология формулы прибыли все-таки претерпела значительные изменения, которые были опубликованы в Общем обзоре 2003 г. В обновленной формуле рентабельность контракта рассчитывалась частично на основе используемого капитала, частично на основе себестоимости продукции. Другое важное изменение касалось чрезмерной прибыли или убытков. Согласно новым правилам, их делили между правительством и подрядчиком в соотношении 75/25 без отсылки в Наблюдательный совет [Smith, Giry 2019].

⁹ Первоначальная стоимость на момент приобретения актива.

¹⁰ Метод бухгалтерского учета, рекомендованный Сэндилендским комитетом в 1975 г. для решения проблемы отражения влияния инфляции на величину прибыли предприятия. Вместо того, чтобы учитывать активы по их первоначальной стоимости за вычетом износа (если он имел место), их следует отражать по их стоимости в текущих ценах на момент составления отчетности. Данный метод учета получил широкое распространение в Великобритании в конце 1970-х – начале 1980-х гг., когда темпы инфляции были высокими, однако он не был особенно популярен и, когда уровень инфляции снизился, многие компании отказались от него.

Заключительный Общий обзор Наблюдательного совета был опубликован в 2013 г., Ежегодный – в 2014 г. В них сделан вывод о представительности выбранной ранее референтной группы, которая объединяет все секторы британской промышленности, однако некоторые из них были все-таки исключены из нее: первичные отрасли промышленности (сельское хозяйство, горнодобывающая и нефтегазовая промышленность и др.), часть финансового сектора (банковское дело, страхование и др.) и секторы, подлежащие ценовому регулированию (предприятия коммунального хозяйства и водоснабжения).

Правила заключения контрактов с единственным поставщиком (2014 г.)

Поиск оптимального механизма и контроля оборонных закупок у единственного поставщика и многолетний анализ неконкурентных контрактов к концу 2000-х гг. привели к пониманию, что Соглашение о прибыли 1968 г. (т.н. «Желтая книга») нуждается в существенном реформировании. В Обзоре 2011 г., который получил название «Обзор Карри» по имени автора, подчеркивалась растущая роль закупок у единственного поставщика и ставилась задача определить, позволяет ли существующий режим контрактации решать проблемы, связанные с особенностями несовершенного с экономической точки зрения оборонного рынка [Currie 2011]. В период с 2006 по 2011 гг. объем закупок у единственного поставщика составлял в среднем 8,7 млрд ф.ст. в год. В 2013/2014 фин. г. на неконкурентные контракты пришлось 55% общей стоимости контрактов МО [MoD 2014]. В основном средства шли на сложные и долгосрочные программы разработки и производства новых авианосцев, атомных подводных лодок, реактивных самолетов и вертолетов, главной проблемой которых оставался значительный перерасход средств и отставание по срокам реализации проектов.

В результате был сделан вывод о неэффективности механизма ценообразования по таким контрактам. В Обзоре говорилось, что существующие методы при умелом использовании позволяли подрядчикам компенсировать свои затраты в случаях, когда это разрешало существующее законодательство, однако не было уместно с точки зрения здравого смысла. Существенным недостатком действующего механизма назвали ориентацию на прибыльность контракта, а не на увеличение его эффективности. Разъяснялось, что прибыль составляет лишь небольшую часть общей стоимости контракта – около 10%, в то время как затраты достигают 90%. В Обзоре также говорилось о влиянии на процесс закупок существенных изменений в структуре британской оборонной промышленности. Ряд слияний и поглощений снизили зависимость крупных подрядчиков от действий МО. Был увеличен аутсорсинг работ по техническому обслуживанию военной техники, прекращено собственное производство ВиВТ и сокращена численность занимающегося закупками персонала. Данные факторы снижали возможности Министерства обороны действовать в качестве «интеллектуального заказчика» [Currie 2011].

Обзор давал рекомендации по сохранению основных принципов Соглашения 1968 г. – в первую очередь принципов равенства информации, рентабельности на основе принципа сопоставимости и пост-калькуляции. Одновременно подчеркивалось, что изменения должны быть направлены прежде всего на то, чтобы МО имело доступ к информации, необходимой для повышения эффективности закупок.

Основные рекомендации Обзора 2011 г. включали:

- 1) введение открытого бухгалтерского учета;
- 2) использование компаниями стандартизированной и единообразной системы отчетности по проектам;

3) введение новой системы отчетности и мониторинга накладных расходов;

4) пересмотр долевого участия МО и подрядчика в распределении чрезмерной прибыли или убытков с 75/25 на 50/50 для стимулирования подрядчиков к сокращению своих расходов¹¹;

5) выбор в качестве отправной точки для определения нормы прибыли по контракту «безрисковой» (risk free) нормы прибыли. В Обзоре подчеркивалась необходимость шире трактовать риск и доходность;

6) упразднение Наблюдательного совета и замена его на независимое агентство – Управление по регулированию закупок у единственного поставщика (Single Source Regulations Office). В задачи нового агентства входил контроль над всеми аспектами неконкурентных закупок для того, чтобы обеспечить наиболее эффективное расходование средств налогоплательщиков при условии получения поставщиками и подрядчиками Министерства обороны оптимального размера прибыли [Гусарова, Куцына, Целицкий 2020, 197].

Новое соглашение – «Правила заключения контрактов с единственным поставщиком» (Single Source Contract Regulations) – стало частью британского законодательства в 2014 г.

Развитие оборонной промышленности в настоящее время происходит в рамках глобальной экономики «...с более разнообразным промышленным сектором и значительным сектором услуг. Крупные поставщики МО могут иметь штаб-квартиры в других странах, производя как военную, так и гражданскую продукцию. Оборонные контракты все больше различаются по своему характеру, уровню риска и сложности. Это требует учета все большего числа критериев при расчете допустимой нормы прибыли оборонных контрактов, при сохранении принципа сопоставимости» [Гусарова, Куцына, Целицкий 2020, 197].

Управление по регулированию закупок у единственного поставщика дает Министерству обороны ежегодные рекомендации по установлению базовой нормы прибыли, на основе которых формируются цены неконкурентных оборонных контрактов. Методология ее определения существенно изменилась по сравнению с предыдущим законодательством. В настоящий момент цена контракта при закупке у единственного поставщика складывается из средних допустимых затрат и величины прибыли, основанной на допустимых затратах со штрафами за их превышение.

С 2017 г. базовую норму прибыли формируют с учетом возмещения 50% текущих расходов Управления по регулированию закупок у единственного поставщика. Таким образом, половина расходов на деятельность организации лежит на промышленности, а половину берет на себя правительство, так как Управление действует в интересах обеих сторон.

Свою деятельность Управление начало с пересмотра действующих правил определения прибыльности контрактов – включая принцип сопоставимости. В своем первом обзоре от 2015 г. Управление анонсировало введение разных ставок базовой нормы прибыли для разного вида работ [SSRO 2015a]. Работы разделили на шесть категорий: НИОКР, производство, техническое обслуживание и ремонт, обеспечение производственных мощностей, вспомогательные работы по техническому обслуживанию и информационно-технологическое обеспечение. Разделение объяснялось тем, что исторически сложившееся определение рентабельности на основании «среднего общего дохода, получаемого британской промышленностью» [SSRO 2015b] слишком широкое, и единая ставка базовой нормы прибыли уже не отражает разнообразие товаров, работ и услуг, которые приобретает МО в рамках закупок у единственного поставщика. В Обзоре 2015 г. перестали учитываться компании, подлежащие ценовому регулированию, а в референтную группу

¹¹ Например, поощрительный контракт, в которых на МО ложится 90% перерасхода средств, фактически становится контрактом с возмещением затрат без стимулов к повышению эффективности работы подрядчика.

включили зарубежные компании, ведущие свою деятельность в Великобритании. Другие изменения касались, например, введения режима налоговых льгот для НИОКР или использования международных сопоставлений. Определение прибыли по-прежнему было основано на применении простых средних и трехлетних скользящих средних.

Основные преимущества и недостатки контрактации оборонной продукции на современном этапе

Последний этап изменений в системе оборонных закупок у единственного поставщика начался в 2014 г. и продолжается в настоящий момент. Его цель – максимально приблизить результаты неконкурентных закупок к результатам, которые могли бы быть достигнуты в случае взаимодействия МО и поставщиков в условиях конкурентного рынка. Для ее достижения Управление по регулированию закупок у единственного поставщика стремится обеспечить для МО наилучшее соотношение цены и качества по оборонным контрактам при условии получения поставщиками «справедливой и обоснованной» (fair and reasonable) прибыли. Если посмотреть глубже, за такой вполне разумной формулировкой стоят не вполне конкретные – а иногда и достаточно противоречивые – задачи.

Как было упомянуто выше, для достижения целей Управление разработало новую методологию определения прибыли по оборонным контрактам, которая основана на использовании различной ставки базовой нормы прибыли для каждой из шести категорий работ и услуг. Однако стоит признать, что определить конкретное цифровое выражение «справедливой» прибыли весьма проблематично. Само по себе понятие «справедливой» цены контракта всегда будет вызывать споры, так как оно носит субъективный характер. Однако Управление по регулированию закупок у единственного поставщика определило ее как прибыль, которую мог бы потенциально получить подрядчик за выполнение аналогичного вида работ с таким же уровнем затрат и рисков в условиях конкурентного рынка [SSRO 2015a, 12]. Данное объяснение ставит вопрос о значении понятия «сопоставимых компаний». Управление считает «сопоставимыми» компании с одинаковым уровнем риска по каждой из шести категорий, на которые разделены работы и услуги по неконкурентным оборонным контрактам. Основная цель состоит в том, чтобы режим ценообразования по таким контрактам был одинаково «справедлив» – выгоден как подрядчику, так и заказчику – и чтобы ни у одной из сторон не было неоспоримого, субъективного преимущества на переговорах о цене контракта. Однако уже в самой формулировке присутствует противоречие. Цена каждого конкретного контракта в рамках закупок у единственного поставщика – это предмет переговоров, в которых каждая из сторон использует свои знания и навыки для определения оптимальных для себя условий выполнения контракта. Каждый подрядчик может оценить свои производственные и рыночные возможности и конкурентные преимущества гораздо лучше, чем государственный заказчик. Между тем государство, будучи монополистом на рынке ВПК, может использовать определенные рычаги воздействия для заключения контракта на своих условиях.

В целом изменения 2014 г. идут в ключе скорее совершенствования, нежели реформирования механизма закупок у единственного поставщика. Основные усилия Управления направлены на разработку методологии определения оптимальной цены контракта, хотя базовые принципы механизма остаются в неизменном виде. Рекомендации Обзора 2011 г. о неоправданной ориентации на прибыльность контракта, которая составляет лишь около 10% от стоимости контракта при затратах до 90%, так и не были учтены. Вопросу оценки эффективности предприятий оборонной промышленности по-прежнему уделяется недостаточно внимания.

Для объективной оценки эффективности подрядчиков Управлению необходимы четкие инструменты. Недостаточно иметь список допустимых и недопустимых затрат по контракту – данная мера лишь определяет, какие плановые категории расходов могут быть туда включены, но не гарантирует их эффективность, т.е. нет уверенности, что это минимально возможный объем расходов. Кроме того, Управлению необходимы надежные показатели для оценки производственных затрат, причем они должны работать для большой группы компаний, а не для каждой в отдельности. Существуют различные показатели эффективности производства, например производительность труда, кривая роста производительности, общая факторная производительность и т.д. Однако единого идеального показателя не существует – каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. Тем не менее, какие-то из них необходимо будет использовать Управлению по регулированию закупок у единственного поставщика, если его деятельность в оценке эффективности подрядчиков выйдет за пределы определения списка допустимых затрат.

* * *

Экономическая теория предлагает достаточно инструментов для определения цены неконкурентного оборонного контракта и заложенной в ней прибыли. Все они в основном направлены на то, чтобы максимально приблизить результат реализации договора к тому, которого можно было бы достичь в условиях действия конкурентного рынка. Однако, как правило, применение экономической теории на практике не всегда дает нужный результат и может быть сопряжено с рядом проблем.

Основная цель решений, которые правительство Великобритании принимает при совершенствовании механизма ценообразования при заключении неконкурентных оборонных контрактов, заключается в достижении наилучшего соотношения цены и качества оборонной продукции при условии использования справедливых, эффективных и простых правил по их определению. С вводом в действие «Правил заключения контрактов с единственным поставщиком» и появлением регулирующего и контролирующего органа (замена Наблюдательного совета на Управление по регулированию закупок у единственного поставщика) изменился характер режима, в рамках которого определялась рентабельность неконкурентных оборонных контрактов. Если до этого он носил свободный, «добровольный» характер, то с введением в действие законодательства 2014 г. режим обрел четкие правовые рамки и ныне основан исключительно на законодательных нормах. Однако и Наблюдательный совет, и Управление давали свое заключение о разумной величине прибыли по контракту, исходя из средней прибыли всей британской промышленности, а точнее референтной группы (принцип сопоставимости). Объективность такого заключения довольно спорна. Также вызывает сомнения и сопоставление монопольных оборонных предприятий с референтной группой, в которую входят представители всех отраслей промышленности и торговли, работающие на конкурентном рынке. Если говорить в общем, чрезмерная прибыль по неконкурентному оборонному контракту и неэффективность его исполнения – это результат ошибок, допущенных одной из сторон на стадии переговоров или недобросовестного поведения подрядчика, который стремится увеличить свою прибыль любыми способами. Как было упомянуто выше, определение цены контракта не должно концентрироваться на установлении лишь прибыли. В общей стоимости она составляет лишь малую часть. Важно то, насколько точно будет просчитан контракт в целом.

Ключевое значение имеет оценка эффективности оборонного подрядчика. Здесь может пригодиться опыт других регулирующих органов Великобритании, например Управления по конкуренции и рынкам (Competition and Markets Authority). Оценка внутренней эффек-

тивности оборонных предприятий-подрядчиков по неконкурентным контрактам остается нерешенной задачей. Однако экономическая теория предлагает некоторые действенные инструменты и методики – например, различные показатели производительности. Еще одним способом, который предлагают некоторые эксперты, может стать оценка сметы расходов подрядчика частными фирмами. Эффективным представляется параллельное использование собственных ресурсов Управления и ресурсов третьих сторон для получения максимально объективной картины. Однако необходимость такой внутренней оценки не вызывает сомнений, так как только при наличии такого условия можно с той или иной степенью уверенности говорить о справедливости и разумности цены конкурентного оборонного контракта и получении наилучшего соотношения цены и качества оборонной продукции.

ИСТОЧНИКИ

MoD (2014) MOD Trade, Industry and Contracts: 2014. (<https://www.gov.uk/government/statistics/mod-industry-trade-and-contracts-2014>).

MoD (2019) MOD Trade, Industry and Contracts: 2019. (<https://www.gov.uk/government/statistics/mod-trade-industry-and-contracts-2019>).

MoD (2021) MOD Trade, Industry and Contracts: 2021. (<https://www.gov.uk/government/statistics/mod-trade-industry-and-contracts-2021>).

SSRO (2015a) 2015 Contract Profit Rates Single Source Regulations Office. London. (<https://www.gov.uk/government/publications/ssro-2015-contract-profit-rate>).

SSRO (2015b) Review of Single Source Contract Profit Rate Methodology 2015. Consultation Paper. Single Source Regulations Office. London. (<https://www.gov.uk/government/consultations/review-of-single-source-contract-profit-rate-methodology-2015>).

SSRO (2019) Annual Qualifying Defence Contract Statistics: 2018/19. Single Source Regulations Office. 12 June 2019. (<https://www.gov.uk/government/publications/annual-qualifying-defence-contract-statistics-201819>).

SSRO (2021) Annual Qualifying Defence Contract Statistics: 2020/21. Single Source Regulations Office. 16 June 2021. (<https://www.gov.uk/government/publications/annual-qualifying-defence-contract-statistics-202021/annual-qualifying-defence-contract-statistics-202021>)

UK Government (2020) The Defence Equipment Plan 2019. Financial Summary. 27 February. 71 p. (<https://www.gov.uk/government/publications/the-defence-equipment-plan-2019>).

UK Legislation (2014) The Single Source Contract Regulations 2014. (<https://www.legislation.gov.uk/uksi/2014/3337/contents/made>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гусарова О., Куцына Е., Целицкий С. (2020) Военно-экономическая безопасность Великобритании: современные особенности. В: Л. Панкова, О. Гусарова (ред.). Военно-экономическое развитие и безопасность. М.: Издательство «Весь Мир». С. 181–202. (<https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2020/VoenEconRazvitye.pdf>).

Гусарова О.В. (2015) Современная система контрактации в оборонном секторе Великобритании. М.: ИМЭМО. 37 с.

Гусарова О.В., Целицкий С.В. (2021) Финансирование военных приготовлений Великобритании: некоторые современные проблемы. В сб.: Актуальные вопросы обеспечения обороноспособ-

ности и безопасности государства в новых экономических условиях. Под общ. ред. В.А. Цветкова, А.А. Хачатурян. С. 117–121.

Bell C.M. (2010) Winston Churchill and the Ten Year Rule // *Journal of Military History*. Vol. 74. No. 4. Pp. 523–556.

Currie D. (2011) *Review of Single Source Pricing Regulations*. London: Ministry of Defence. (https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/35913/review_single_source_pricing_regs.pdf).

Hartley K. (2016) UK Defence Inflation and Cost Escalation // *Defence and Peace Economics*. No. 27. Pp. 184–207.

Hartley K. (2020) The United Kingdom. In: *The Economics of the Global Defence Industry*. Hartley K., Belin J. (eds.). London and New York: Routledge. 615 p.

Smith A., Giry B. (2019) Defence Capability in the UK since 2010: Explaining Change in Procurement Practices // *British Politics*. P. 1–23. DOI: 10.1057/s41293-019-00125-4.

Kennedy P. (1989) *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500-2000* New York. NY: Random House. 734 p.

Martin, S. (1996) *The Review Board for Non-Competitive Government Contracts: An Economic Evaluation* // *Defense Analysis*. Vol. 12. No. 2. Pp. 205–225.

Richie S. (2013) *Industry and Air Power: The Expansion of British Aircraft Production*. London: Routledge.

Ritchie S. (1997) The Price of Air Power: Technological Change, Industrial Policy, and Military Aircraft Contracts in the Era of British Rearmament, 1935–39 // *Business History Review*. Vol. 71. No. 1. Pp. 82–111.

SIPRI (2021) *SIPRI Yearbook 2021: Armaments, Disarmament and International Security*. Oxford: Oxford University Press. 752 p.

REFERENCES

Bell C.M. (2010) Winston Churchill and the Ten Year Rule. *Journal of Military History*. vol. 74, no. 4, pp. 523–556.

Currie D. (2011) *Review of Single Source Pricing Regulations*. London: Ministry of Defence. (https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/35913/review_single_source_pricing_regs.pdf).

Gusarova O., Kucyna E., Celickij S. (2020) *Voенно-jeкономическая bezопасnost' Velikobritanii: sovremennye osobennosti* [Military-Economic Security of Great Britain: Modern Features]. In: L. Pankova, O. Gusarova, (eds.), *Voенно-jeкономическое razvitie i bezопасnost'* [Military-Economic Development and Security]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir». pp. 181–202. (<https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2020/VoenEconRazvitye.pdf>).

Gusarova O.V. (2015) *Sovremennaja sistema kontraktacii v oboronnom sektore Velikobritanii* [UK Modern Defence Contracting System]. Moscow: IMEMO. 37 p.

Gusarova O.V., Celickij S.V. (2021) *Finansirovanie voennyh prigotovlenij Velikobritanii: nekotorye sovremennye problemy* [UK Military Expenditures: Some Current Issues]. In.: A. Cvetkova, A.A. Hachaturjan (eds.). *Aktual'nye voprosy obespechenija oboronosposobnosti i bezопасnosti gosudarstva v novyh jeкономических uslovijah* [Topical issues of ensuring the state defense capability and security in the new economic conditions]. pp. 117–121.

Hartley K. (2016) UK Defence Inflation and Cost Escalation. *Defence and Peace Economics*. no. 27, pp. 184–207.

Hartley K. (2020) The United Kingdom In. *The Economics of the Global Defence Industry*, Keith Hartley & Jean Belin (eds.). London and New York: Routledge. 615 p.

Kennedy, P. (1989) *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500–2000*. New York: Random House, 734 p.

Martin, S. (1996) The Review Board for Non-Competitive Government Contracts: An Economic Evaluation. *Defense Analysis*. vol.12, no.2, pp. 205–225.

Richie S. (2013) *Industry and Air Power: The Expansion of British Aircraft Production*. London: Routledge.

Ritchie S. (1997) The Price of Air Power: Technological Change, Industrial Policy, and Military Aircraft Contracts in the Era of British Rearmament, 1935–39. *Business History Review*. vol. 71, no. 1, pp. 82–111.

Smith A., Giry B. (2019) Defence Capability in the UK since 2010: Explaining Change in Procurement Practices. *British Politics*, pp.1–23. DOI: 10.1057/s41293-019-00125-4.

SIPRI (2021) *SIPRI Yearbook 2021: Armaments, Disarmament and International Security*. Oxford: Oxford University Press. 752 p.

Информация об авторе

Гусарова Ольга Владимировна, научный сотрудник Отдела военно-экономических исследований безопасности Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. Адрес: ул. Профсоюзная, д. 23, Москва, 117997. E-mail: olgusarova@imemo.ru

About the author

Olga V. Gusarova, Research Fellow, Department of Military and Economic Security Research Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: olgusarova@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 30.09.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 09.11.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 16.11.2021

DOI: 10.31857/S0869049922010051

ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИИ ISSUES OF IDEOLOGY

Оригинальная статья / Original Article

Запад, не-Запад и стратегии политической борьбы на демографическом поле

© М.А. КЛУПТ

Клупт Михаил Александрович, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия), klupt@mail.ru

В статье рассматриваются стратегии политической борьбы вокруг вопросов иммиграции, брака, семьи рождаемости и сексуальности с 1960-х гг. до настоящего времени. Анализируется ряд стратегий Запада – «контроль над популяцией», мультикультурализм и «мускулистый либерализм». Результаты реализации стратегий разочаровали Запад, поскольку его экономической мощи противостояли институциональная инерция не-Запада и его огромный перевес в численности населения. Стратегии не-Запада заключались в стремлении максимизировать объемы западной помощи, а при необходимости противодействовать ценностям и практикам либерального Запада, создавая для этого требуемую правовую и медийную основу. Кроме того, в ходе миграционных кризисов население развивающихся стран использовало противоречия в самоописаниях Запада, играющих жизненно важную роль в его представлениях о собственной идентичности. В результате в современном мире наблюдается не глобальная вестернизация ценностей, а непрекращающийся ценностный конфликт в рассмотренных вопросах.

Ключевые слова: Запад, не-Запад, политическая борьба, стратегия, ценностный конфликт, политическая демография, рождаемость, миграция

Цитирование: Клупт М.А. (2022) Запад, не-Запад и стратегии политической борьбы на демографическом поле // Общественные науки и современность. № 1. С. 78–90. DOI: 10.31857/S0869049922010051

The West, Non-West and Strategies of Political Struggle on the Demographic Field

© M. KLUPТ

Mikhail A. Klupt, Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russia), klupt@mail.ru

Abstract. The article discusses the political struggle over the issues of immigration, marriage, family, fertility, and sexuality that continues since the 1960s to nowadays. The author analyses strategies used by the West in this struggle such as population control, multiculturalism, and “muscular liberalism”. Results of these strategies’ implementation were far from expected by the West because its economic power was opposed by institutional inertia and huge superiority of the non-West in terms of population size. The strategies of the non-West were to maximize the amount of western aid and to create a legal framework and provide media support when it was necessary to oppose the values and practices advanced by the liberal West. In addition, during the migration crises developing countries’ population used contradictions in the backbone self-descriptions of the West which play a vital role in defining its own identity. As a result, not global westernization of values, but the persistent value conflict in the issues under consideration is occurring in today’s world.

Keywords: West, non-West, political struggle, strategy, conflict of values, political demography, fertility, migration

Citation: Klupt M. (2022) West, Non-West and Strategies of Political Struggle on the Demographic Field. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* no.1, pp. 78–90. DOI: 10.31857/S0869049922010051 (In Russ.).

Хронологические рамки данной статьи охватывают период с 1960-х гг. по настоящее время. На его протяжении вопросы миграции, брака, семьи, сексуальности и репродуктивного поведения постоянно оказывались предметом внешне- и внутривнутриполитической борьбы. Не вдаваясь в давнюю дискуссию о предмете демографии, автор в дальнейшем будет для краткости называть данное поле политической борьбы демографическим. Один из важнейших аспектов борьбы на этом поле, связанный с взаимоотношениями между Западом и остальным миром, и анализируется в данной статье.

Несмотря на свое несомненное экономическое превосходство, Запад так и не сумел ни трансформировать семейно-демографическую сферу не-Запада по своему образу и подобию, ни разрешить однозначно в свою пользу конфликты, вызванные международной миграцией. Данная статья пытается объяснить подобный итог и, одновременно, преследует более широкую цель – включить анализируемый материал в общий поток осмысления «вечных» и в то же время злободневных обществоведческих тем: влияние культурных различий на международные отношения, значение экономических и неэкономических ресурсов в политической борьбе и роль самоописаний идентичности в конфликтах между Западом и не-Западом.

Самоописания и стратегии

Многочисленные водоразделы западного мира хорошо известны; немаловажны они и в контексте вопросов, рассматриваемых ниже. Структура политического ответа Запада на демографические вызовы никогда не была полностью однородной. В эпоху демографиче-

ского взрыва, например, главным актором такого ответа, несомненно, были США, тогда как Франция с ее пронаталистскими традициями занимала скорее нейтральную позицию, избегая сколь-нибудь значительного участия в финансировании программ планирования семьи в развивающихся странах. Дезавуирование в начале 2010-х гг. лидерами Великобритании, Германии и Франции политики мультикультурализма, хотя и не подверглось официальному осуждению в США, все же осталось чисто европейским явлением.

Запад, тем не менее, по-прежнему представляет собой вполне реальное единство, скрепленное не только военно-политическими и экономическими союзами, но и общей самоидентификацией на основе ценностей, которые он и остальной мир называет западными. Хотя принадлежность многих стран к Западу общепризнана, вряд ли возможно составить исчерпывающий и в то же время неоспоримый перечень западных государств, поскольку между ними и явным не-Западом лежат несколько зон культурного и геополитического пограничья. В изучаемом контексте, однако, важен не строго определенный состав подобного перечня, а лежащее в его основе самописание Запада как ценностного целого, определяющее, среди прочего, и его политические ответы на демографические вызовы. Межстрановые различия в таких ответах, как демонстрируют приведенные примеры, никогда не выходили за определенные рамки, которые не в последнюю очередь определяют все теми же «западными ценностями».

Понятие самоописания занимало одно из центральных мест в теоретической концепции известного немецкого социолога Н. Лумана [Луман 2009]. Он полагал, что социальной системе свойственно создавать самоописания, с помощью которых она формирует представление о себе и противопоставляет себя другим. Автор не претендует далее ни на комментарий к концепции Лумана, ни, тем более, на ее развитие, однако стоит отметить, что понятие самоописания позволяет глубже понять внутренние пружины политической борьбы на демографическом поле.

Важнейшую роль в этой борьбе играли два описания Западом своей идентичности. Первое – «рыцарь свободы», который несет западные ценности в «несвободный», то есть незападный мир, второе – гуманный защитник униженных и оскорбленных. Одновременно сами «западные ценности» содержали внутреннее противоречие, поскольку в них явно обозначились две конфликтующие друг с другом версии – более агрессивная либеральная и консервативная, перешедшая под напором первой к активной обороне. В качестве наиболее острых конфликтов между ними в рассматриваемой области можно привести вопросы об абортх, гомосексуализме и однополых браках, приведшие к «культурным войнам» между консерваторами и либералами в США, а также противостояние между Венгрией и Польшей с одной стороны и наднациональными структурами ЕС с другой.

Независимо от того, насколько самоописания Запада соответствовали его практической политике, они имели системообразующее значение, ибо служили стержнем западной идентичности – тем, чем Запад в его собственном представлении отличался от не-Запада. Ситуации, в которых различные версии самоописаний оказывались трудно совместимыми, создавали для Запада определенные политические сложности, а для не-Запада – возможности политической контригры.

Самоописания идентичности столь же характерны и для стран не-Запада. Они, как и в случае Запада, внутренне противоречивы. В России данное противоречие проявляется в научных, художественных и политико-идеологических реинкарнациях давнего спора между западниками и славянофилами, в Китае – в дискуссиях о месте конфуцианских ценностей в современной жизни и совместимости конфуцианства с марксизмом [Ломанов 2017] и т. д. В зависимости от градуса конфликтности с Западом одни из таких самоописаний на время приглушаются, другие, напротив, выдвигаются на авансцену.

Политическую борьбу на демографическом поле автор в дальнейшем рассматривает через призму стратегий, используемых ее участниками. Теория стратегического менеджмента, как известно, разделяет формулируемые и формируемые или спонтанно возникающие стратегии. Первые изначально формулируют в документах стратегического планирования, которые – по крайней мере в идеале – служат руководством к последующим действиям в указанных в них направлениях. Вторые, напротив, стихийно формируются и развиваются в результате непрерывного практического экспериментирования и последующего самообучения [Mintzberg et al. 1998].

Два названных типа стратегий использовали и участники политической борьбы на демографическом поле. Некоторые из таких стратегий были сформулированы и подробно описаны в документах [National... 1974], другие, напротив, рождались и развивались спонтанно в результате действий тех, кто волею судеб был вовлечен в водоворот событий. Ярким примером последней категории можно назвать стратегии мигрантов мирового Юга, которые быстро приспособливают свои маршруты на мировой Север и способы преодоления возникающих на пути барьеров к изменениям политической и экономической конъюнктуры.

На протяжении рассматриваемого периода последовательность стратегий, о которых пойдет речь, была туго закручена в диалектическую спираль. Ее первый виток в рассматриваемых хронологических рамках приходится на 1960–1980-е гг. – время взрывного роста населения развивающихся стран.

Демографический взрыв и «контроль над популяцией»

Демографический взрыв, несмотря на отдаленность от сегодняшнего дня, целесообразно сделать исходным пунктом анализа, поскольку именно тогда обозначились инварианты политической борьбы на демографическом поле, которые неоднократно проявлялись и позднее. Один из них заключается в том, что идея влиятельных западных энтузиастов о «правильном» – с их точки зрения – устройстве семейно-демографической сферы затем продвигается за пределы Запада, что вызывает политические конфликты. Второй инвариант выражается в тесной взаимосвязи внешнеполитических и внутривнутриполитических конфликтов вокруг этой идеи. Третий представляет собой циклическое чередование самообольщений и разочарований Запада в применении своих представлений за его пределами. Четвертый – в существовании нескольких самоописаний Запада, которые порой вступают между собой в конфликт и лежат в основе таких самообольщений и разочарований. Пятая – в стратегии стран не-Запада, которая, за некоторыми исключениями, состояла в том, чтобы использовать западные ресурсы и его действия для достижения собственных внутривнутриполитических целей.

Идейными вдохновителями политики снижения рождаемости в развивающихся странах были Дж. Рокфеллер III, Ф. Осборн, М. Сэнгер и ряд других влиятельных фигур американской политической арены. В 1960-е гг. им удалось добиться того, чтобы из государственных ресурсов США финансировались программы международной помощи в области народонаселения. В 1974 г. стратегия США в сфере народонаселения была с бюрократической педантичностью описана в меморандуме Г. Киссинджера [National... 1974], рассекреченном в 1989 г. В ходе международных программ помощи в области народонаселения, основным спонсором которых были США, вышли на первый план два основных направления

Первое из них можно, используя намеренно прямой перевод принятого в ту «неполиткорректную» пору термина *population control*, назвать контролем над популяцией.

Ему отвечает самописание Запада как рыцаря свободы, который несет ее идеалы в «несвободный» – то есть остальной – мир. Population controllers, как не без сарказма именуют сторонников данного направления их идейные оппоненты [Connelly 2008], мыслили глобально. В прошлом поклонники евгеники, после дискредитации ее нацистами они избрали новый инструмент спасения мира – контроль над рождаемостью в развивающихся странах. Данная стратегия лежала в русле теорий модернизации образца 1950-1960-х гг., подход которых «естественным образом допускал навязывание модернизационных моделей силовым путем» [Стародубовская 2019, 58].

В основе второго направления лежало самописание Запада как гуманного защитника униженных и оскорбленных. Сторонники данной стратегии, в отличие от population controllers, акцентировали внимание на помощи женщинам из развивающихся стран в предотвращении нежелательных беременностей и родов, умышленно или непреднамеренно не замечая геополитической составляющей программ международной помощи в области народонаселения.

Приверженцы обоих направлений открыто конфликтовали. Министр обороны США в годы Вьетнамской войны Р. Макнамара, который позднее возглавил Всемирный банк, возражал против помощи в развитии здравоохранения африканских стран до тех пор, пока ее не увяжут с программами контроля над ростом населения. В противном случае, считал он, рост населения только ускорится, поскольку снижение рождаемости не компенсирует снижение детской смертности [Connelly 2008, 263].

Близкой позиции придерживался К. Дэвис, известный американский социолог и один из создателей теории демографического перехода. Он критиковал идеологов программ планирования семьи за то, что они стремятся помочь семьям иметь желаемое количество детей вместо того, чтобы заставлять семьи иметь не более детей, чем необходимо для нулевого роста населения [Davis 1967]. Подобная откровенность вызвала в академическом крыле американского демографического истеблишмента «некоторый испуг и немало гнева» [McNicoll 2019, 10]. В конечном итоге госдепартамент США отмежевался – по крайней мере публично – от подобных идей и стал на сторону планирования семьи. На сайте ведомства подчеркивается, что США не поддерживают «стабилизацию» или контроль над численностью населения¹.

В снижении рождаемости в развивающихся странах был в известной степени заинтересован не только Запад, но и получатели его помощи, которые столкнулись с постоянной угрозой голода и нехваткой средств на образование быстрорастущих контингентов детей и молодежи. Однако тяжелое поражение партии Индийский национальный конгресс на парламентских выборах 1977 г. из-за предшествовавшей им кампании массовых «добровольно-принудительных» стерилизаций под руководством С. Ганди подтвердило, что «контроль над рождаемостью» связан с немалыми политическими рисками, поскольку вступает в конфликт с многовековыми обычаями и экономической целесообразностью многодетности для домохозяйств. Общим знаменателем стратегий развивающихся стран в таких условиях становилось стремление к максимизации получаемых от Запада ресурсов при сохранении достаточной свободы действий.

Китай успешно использовал двусмысленность в самописании Запада как защитника обездоленных и угнетенных в незападных странах. Американские консерваторы считали, что поддержка из государственных средств неправительственных организаций (НПО), которые сотрудничали с КНР в сфере планирования семьи, означала аморальное попустительство насильственным абортam. Напротив, по мнению либералов, такое сотрудни-

¹ Population. U.S. Department of State. (<https://www.state.gov/other-policy-issues/population/>).

чество спасало жизни миллионов женщин, которые благодаря помощи Фонда по народонаселению ООН (ЮНФПА) и НПО получали доступ к квалифицированной медицинской помощи. В результате сотрудничество КНР и ЮНФПА продолжалось. Потери ЮНФПА от регулярного прекращения президентами-республиканцами взносов США в фонд компенсировали западноевропейские спонсоры, а президенты-демократы (в том числе и Дж. Байден в 2021 г.) возобновляли взносы после прихода к власти.

Страны Африки южнее Сахары, обладая значительно меньшим геополитическим весом, придерживались иной стратегии. Африканские политические лидеры, которые остро нуждались в международной помощи, на словах были готовы к выполнению требований западных «контролеров рождаемости», однако значительно лучше них понимали колоссальную силу традиций многодетности и ее экономическую выгоду для африканских семей. В условиях отсутствия в этих странах жесткой централизованной вертикали управления, подобной китайской, программы планирования семьи нередко подменяли их имитацией.

На правительственном уровне при консультациях западных экспертов – если не под их диктовку – писали и принимали «правильные» программы для получения иностранной помощи. На индивидуальном и групповом уровне (семей и локальных общин), напротив, осуществлялась неписаная стратегия игнорирования или прямого сопротивления рекомендациям иностранных советчиков. Отчасти она опиралась на небезосновательные, хотя нередко и перемешанные с суевериями, опасения тайного и враждебного медицинского вмешательства.

Закулисные сделки с международными спонсорами (например, соглашение между Всемирным Банком и президентом Нигерии И. Бабангидой в 1988 г. [Robinson 2011]) вызвали недовольство населения, полагавшего, что из-за подобных договоренностей жизненно важные программы, такие как снабжение чистой питьевой водой и борьба с малярией, отодвигаются в сторону ради программ планирования семьи [Grimes 1998, 387]. В итоге первые десятилетия усилий по снижению рождаемости в Африке южнее Сахары принесли крайне скромные результаты – суммарный коэффициент рождаемости, который, по оценкам ООН, в 1965–1970 гг. составлял в этом регионе 6,68, к 1985–1990 гг. снизился лишь до 6,52 [United... 2019].

От «контроля над популяцией» к мультикультурализму

В огромном количестве работ о европейском мультикультурализме не рассматривается та роль, которую сыграл в его возникновении «контроль над популяцией» в развивающихся странах. Между тем данная историческая связь проявилась в двух отношениях.

Во-первых, западные программы контроля над рождаемостью не смогли предотвратить быстрый рост демографического дисбаланса между Западом и развивающимися странами. В 1960 г. население «менее развитых» (по классификации ООН) регионов превышало население «более развитых» в 2,3 раза, а в 1985 г. – уже в 3,7 раза. Подобный сдвиг в демографическом балансе стал одной из причин быстрого роста иммигрантских меньшинств в западных странах, что требовало политического ответа, которым и стал мультикультурализм.

Во-вторых, концепция мультикультурализма базировалась на предпосылках, прямо противоположных идеям population controllers. Вместо того, чтобы контролировать и индоктринировать жителей развивающихся стран – на чем некогда настаивал К. Дэвис – предлагалось признать культурные нормы иммигрантских меньшинств равноценными западным.

Мультикультурализм включает в себя идеологический, политический и повседневный компоненты, историческая судьба каждого из которых различна [Клунт 2020]. В отличие от достаточно реалистичной политики мультикультурализма, которая устранила вопиющие проявления расизма в западных обществах, и бытового прагматизма повседневных контактов между иммигрантами и принимающим населением, идеологический мультикультурализм был очередным самообольщением Запада.

Р. Бараш справедливо обращает внимание на связь европейского «мультикультурного фиаско» с самописанием Запада и дефектами коммуникации между принимающими обществами и иммигрантскими общинами [Бараш 2016]. Последние, не принимая мультикультурализм европейских либералов, попросту уклонялись от них, создавая «параллельные общества». Экономическому превосходству «основного» общества иммигранты успешно противопоставляли неэкономические ресурсы параллельных – силу религии, обычая и внутрисемейную солидарность.

В результате не только правые, но и леволиберальные европейские политики и активисты разочаровались в приемлемости мультикультурализма как одного из компонентов европейских ценностей. Представления иммигрантских меньшинств о «правильной семье» и соответствующие практики бросали вызов даже традиционным ценностям, не говоря уже о новых представлениях о взаимоотношениях полов, которые набирали силу на Западе. Получалось, что либеральная Европа, навязывая данные представления другим государствам, не может навести порядок в собственном доме.

Следствием этого стала прозвучавшая в начале 2010-х гг. резкая критика мультикультурализма лидерами ведущих европейских стран. «Необходимо, – провозгласил тогдашний премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон, – намного меньше пассивной толерантности недавних лет и намного больше активного, мускулистого либерализма»². Отказ от «пассивной толерантности», однако, не означал возврата к идеям контроля Западом над рождаемостью – от них в XXI в. отмежевались и консерваторы, и либералы. Проекцией «мускулистого либерализма» на демографическую сферу стали прежде всего нормативное регулирование брака, семьи и миграции.

Семейные ценности на арене внешнеполитической борьбы

Политика Запада в семейно-демографической сфере развивается в последние десятилетия по ряду направлений. К числу важнейших из них относятся и облегчение баланса «родительство – семья», и завоевывающие все большую популярность практики, основанные на концепции интеркультурализма. Наряду с этим происходит, однако, и радикальный пересмотр правовых и неформальных норм, регулирующих сферу брака, семьи и сексуальности.

Проводников такого пересмотра можно с известной долей условности разделить на активистов и политиков. Первые нередко искренне убеждены в правоте своих идей и их благотворности для всего человечества. Для вторых требование изменить правовые нормы других государств – часть внешнеполитической стратегии, нацеленной на выкраивание мира по лекалам западного либерального истеблишмента. По мере отдаления от западного либерального эпицентра трудности в решении этой задачи, однако, заметно нарастают. Даже в непосредственной близости от него – в Венгрии и Польше – разворачивается конфликт с наднациональными структурами ЕС, который вызван запретом в Венгрии

² PM's speech at Munich Security Conference. GOV.UK. (<https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference/>).

пропаганды гомосексуальных отношений среди несовершеннолетних и попытками ряда польских муниципалитетов объявить себя «зонами, свободными от ЛГБТ».

В Азии однополые браки легализовал (в 2019 г.) лишь ближайший союзник США – Тайвань. В Японии в 2021 г. окружной суд Саппоро признал отсутствие возможности зарегистрировать брак между лицами одного пола неконституционным из-за нарушения права граждан на равенство перед законом³. За легализацию однополых браков выступает и оппозиционная Конституционно-демократическая партия Японии. Тем не менее, вопрос о легализации однополых браков остается открытым, поскольку против нее выступает правящая Либерально-демократическая партия Японии, которая в октябре 2021 г. в очередной раз победила на парламентских выборах. В Южной Корее, несмотря на политическую близость к США, перспектива легализации однополых браков представляется ее сторонникам еще более туманной⁴. В исламском мире данный вопрос даже не ставится.

Реалистично мыслящие западные политики понимают, что превращение не-Запада в копию Запада в настоящее время лежит за пределами возможностей последнего. Ввиду этого обвинения в невыполнении новых либеральных императивов в сфере брака, семьи и сексуальности предъявляют незападным странам сугубо выборочно, исходя из соображений политической целесообразности.

Ответная стратегия России и КНР реализуется в данных условиях прежде всего в правовой и медийной плоскости. В России в 2013 г. была установлена административная ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. В 2017 г. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) признал данную законодательную норму дискриминационной. В 2020 г. в ходе общероссийского голосования большинством в 77,92% при явке 67,97% были одобрены поправки к Конституции Российской Федерации, согласно которым «сохранение традиционных семейных ценностей» и «защита института брака как союза мужчины и женщины» стали конституционными нормами, а Статья 79 Конституции создала правовую основу для неисполнения решений международных органов, которые нарушают их. Летом 2021 г. вице-спикеры Совета Федерации и Государственной Думы РФ заявили, что Россия не будет выполнять новое требование ЕСПЧ, касающееся регистрации однополых браков, поскольку оно противоречит российской Конституции.

Тема важности семейных добродетелей и традиций для общества занимает в последние годы важное место и в официальном политическом дискурсе КНР⁵. В связи с легализацией однополых браков на Тайване пресс-секретарь парламентской комиссии по правовым вопросам КНР Цзан Тевэй заявил, что Китай по-прежнему рассматривает брак как союз между мужчиной и женщиной, поскольку именно такой подход соответствует национальному укладу страны и ее историческим и культурным традициям⁶. В принятом в 2020 г. Гражданском кодексе КНР говорится только о брачных отношениях между мужем и женой. В ноябре 2021 г. китайские ЛГБТ-активисты сообщили о том, что по

³ Japan Court Rules Failure to Recognize Same-Sex Marriage Unconstitutiona. The Japan Times. Mar 17, 2021. (<https://www.japantimes.co.jp/news/2021/03/17/national/crime-legal/same-sex-marriage-landmark-ruling>).

⁴ Same-Sex Couples Excluded from South Korea's New Definition of Families. Voice of America. February 01, 2021. (https://www.voanews.com/a/east-asia-pacific_same-sex-couples-excluded-south-koreas-new-definition-families/6201455.html).

⁵ Xi Vows to Reinforce Traditional Family Values. Global Times. 14 Dec. 2016. (<https://www.globaltimes.cn/content/1023566.shtml>).

⁶ Китайский парламент исключил возможность однополых браков. Reuters. August 21, 2019. (<https://www.reuters.com/article/oruoec-china-lgbt-marriage-idRUKCN1VB19L-ORUOE>).

требованию властей они вынуждены закрыть свои аккаунты на крупных китайских интернет-платформах⁷.

В России в ходе опроса ВЦИОМ, проведенного в 2021 г., 63% респондентов заявили о том, что они категорически несогласны с предоставлением однополым парам права на вступление в брак, а еще 12% – что «скорее не согласны». В 2004 г. значения данных показателей составляли 25% и 34%, а доля затруднившихся ответить была выше – 10% в 2004 г. против 4% в 2021 г.⁸ Увеличение доли негативно относящихся к узаконению однополых браков при уменьшении неуверенных и неопределившихся может быть в немалой степени обусловлена тем, что тематика однополых браков в последние годы вышла на российскую внутривнутриполитическую авансцену в качестве одного из элементов противостояния между Россией и Западом. Концепт традиционных семейных ценностей в данных условиях символизирует неприятие той версии брака, семьи и отношений между полами, которую Запад продвигает – а иногда и навязывает в качестве нормативной.

Бумеранг вынужденной миграции

Стратегия миллионов жителей Африки и Азии, которые устремились в Европу в 2010-е гг., была стихийной, но точной. Миграционный кризис 2015 г. в Европе возник на разломе двух уже упомянутых самоописаний Запада, лишь слегка модифицированных применительно к миграционной проблеме. Одно из таких самоописаний – рыцаря свободы, который несет в несвободный мир передовые ценности – располагал Запад к тому, чтобы карать зло и сеять добро, не особенно интересуясь мнением тех, кого предстояло облагодетельствовать. В результате появились сотни тысяч беженцев, не принять которых значило бы для Запада отказаться от другой важной части самоописания – милосердного хозяина, готового принять гонимых. Сотни тысяч мигрантов, которые стали жертвами первого самоописания, связывали (часто не без основания) свои надежды со вторым.

Осенний кризис 2018 г. на американо-мексиканской границе, вызванный продвижением к ней каравана мигрантов из Гондураса, отличался от европейского миграционного кризиса 2015 г. как меньшими масштабами, так и более жесткой позицией администрации Д. Трампа в отношении тех, кто стремился пересечь границу. Тем не менее, нынешняя стратегия центральноамериканских мигрантов имеет очевидные общие черты со стратегией африканских и азиатских мигрантов, стремящихся в Европу.

На американо-мексиканской границе растет численность прибывающих туда без сопровождения родителей или законных опекунов детей. По прогнозам, в 2021 финансовом году приток должен был достичь рекордной величины – 117 тыс. человек, что значительно выше показателей 2019 фискального года – 76 тыс. человек. В феврале 2021 г. большинство несопровождаемых детей прибыли из Гватемалы (42% их общей численности), Гондураса (28%), Мексики (19%) и Сальвадора (8%)⁹.

Причина подобной динамики состоит в том, что именно дети без сопровождения взрослых имеют в настоящее время наибольшие шансы попасть на территорию США, поскольку администрация Дж. Байдена занимает по отношению к ним более мягкую по срав-

⁷ China LGBT Rights Group Shuts Down amid Hostile Environment. AP News. November 5, 2021. (<https://apnews.com/article/technology-china-media-social-media-taiwan-348cab147964f24ccf83907403d4c84a>).

⁸ Однополые браки: табу или новая норма? ВЦИОМ. Новости. 23 июля 2021. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odnopolye-braki-tabu-ili-novaja-norma>).

⁹ Putting the U.S.-Mexico 'Border Crisis' Narrative into Context. WOLA. (<https://www.wola.org/analysis/putting-border-crisis-narrative-into-context-2021/>).

нению с администрацией Д. Трампа позицию. Однако, ряд американских медиа связывает кризис на американо-мексиканской границе не с действиями администрации Д. Трампа, а с многолетней политикой США, которые организовали свержение в 1954 г. правительства Гватемалы, а затем поддержали диктаторские режимы в странах Центральной Америки¹⁰.

В качестве примера ответной стратегии не-Запада на миграционный кризис, реализуемой на государственном уровне, можно назвать Турцию. Правительство Р. Эрдогана, принимая миллионы перемещенных лиц в ходе сирийского конфликта, апеллировало преимущественно не к нормам международного права, а к более привлекательной для сторонников Эрдогана и идущей из глубины веков мусульманской традиции предоставления убежища изгнанным единоверцам – их турецкие власти называют не беженцами, а гостями [Кава 2020]. Угроза «открыть двери» в ЕС для 3,6 млн находящихся на территории Турции сирийских беженцев стала для страны мощным козырем в непрекращающихся спорах с Евросоюзом.

Термин «оружие массовой миграции» получил широкое хождение после выхода в свет монографии К. Гринхилл [Greenhill 2010]. Некоторые западные аналитики [Greenhill 2016; Jennequin 2020] и политические деятели склонны обвинять в применении такого «оружия» Турцию – а в последнее время также Белоруссию и Россию. Сама трактовка беженцев как «оружия» носит антигуманный характер, что, впрочем, признают и авторы, которые призывают к осторожности в употреблении этого термина [Marder 2018; Jennequin 2020]. Если все же использовать его, то следует признать, что Запад сам вложил это оружие в руки незападных стран. Продолжая метафору Гринхилл, можно сказать, что «оружие массовой миграции» оказалось бумерангом, нацеленным в разлом между двумя – воинственным и гуманным – самоописаниями Запада.

* * *

Подведем итоги проведенного анализа. Несмотря на экономическое превосходство западных стран, их совокупные ресурсы оказались в рассмотренном периоде недостаточными для изменения семейно-демографической сферы не-Запада в желаемом Западом направлении и масштабе. Запад добивался определенных результатов, однако в одних случаях они стали частичными, в других – неожиданными для него самого и далекими от желаемых.

Усилия Запада по снижению рождаемости в Африке южнее Сахары, предпринятые в 1960-1970-е гг., не принесли сколь-нибудь значительных успехов, став впоследствии одним из факторов многомиллионной африканской иммиграции в Европу. Свойственная энтузиастам мультикультурализма 1980-1990-х гг. надежда на то, что «мягкая сила» западных идей коренным образом преобразует семейные отношения иммигрантских меньшинств, оказалась иллюзией. Замена мультикультурализма «мускулистым либерализмом» и вмешательство Запада в события на Ближнем Востоке привели к миграционному кризису в Европе середины 2010-х гг. Стремление либерального Запада навязывать другим странам собственные представления о браке, семье и сексуальности активизировало обращение к традиционным семейным ценностям в государственной политике России и КНР.

Причины подобного хода событий состояли в том, что огромному перевесу Запада в экономической сфере противостоял столь же масштабный перевес не-Запада в численности населения и колоссальная сила институциональной инерции незападных обществ. Оба

¹⁰ Gordon R. The Current Migrant Crisis Was Created by US Foreign Policy, Not Trump. The Nation, 2019, Aug. 16; Shesgreen D. How U.S. policy in Central America Have Fueled Migrant Crisis. USA Today, 2018, Dec. 21.

фактора создавали для не-Запада разнообразные возможности политической контригры, в которой они широко использовали издавна известные стратагемы. В результате не-Запад менялся – в том числе и под влиянием самого Запада – не становясь его копией, а иммигрантские меньшинства преобразовывали сам Запад и его внутривнутриполитический ландшафт.

Споры о том, равнозначна ли модернизация вестернизации и сколько модернизаций происходит на Земле – одна или несколько, как это полагают сторонники теории множественных модерностей – начались не сегодня и вряд ли прекратятся в обозримом будущем ввиду их мировоззренческого характера. Данная статья охватывает лишь относительно небольшой отрезок исторического развития и сравнительно узкий – хотя и немаловажный – его сегмент, ввиду чего, разумеется, не может претендовать на разрешение этого спора. Тем не менее, рассмотренные события явно противоречат теориям, которые представляют исторический процесс как неуклонное превращение не-Запада в подобие Запада. Напротив, в действительности имеет место непрекращающаяся борьба различных начал, исход которой сегодня, как и прежде, непредсказуем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бараш Р. (2016) Кризис мультикультурализма в зеркале системной социологической теории // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 2. С. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.2.4256.

Клупт М.А. (2020) Демография на политической арене XX и XXI столетий. СПб. Изд-во СПбГЭУ. 303 с.

Ломанов А.В. (2017). Неоконсерватизм с китайской спецификой // Россия в глобальной политике. Т. 15. № 4. С. 17–31.

Луман Н. (2009) Самоописания. М.: Логос, ИТДГК «Гнозис». 325 с.

Стародубовская И.В. (2019) Драма модернизационной теории. Статья 1. Модернизация как рецепт и как проблема // Общественные науки и современность. №1. С. 156–168. DOI: 10.31857/S086904990003946.

Connelly M. (2008) *Fatal Misconception: The Struggle to Control World Population*. Cambridge MA, London: Belknap Press.

Davis K. (1967) *Population Policy: Will Current Programs Succeed?* // *Science*. New Series. Vol. 158. No. 3802. Pp. 730–739.

Grimes S. (1998) *From Population Control to “Reproductive Rights”*: Ideological Influences in Population Policy // *Third World Quarterly*. Vol. 19. No. 3. Pp. 375–393.

Jennequin A. (2020) *Turkey and Weaponization of Syrian Refugees*. Brussels: International Center.

Greenhill K. (2010) *Weapons of Mass Migration: Forced Displacement, Coercion, and Foreign Policy*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Greenhill K. (2016) *The Weaponization of Migration*. In: Leonard M. (ed.). *Connectivity Wars. Why Migration, Finance and Trade are the Geo-Economic Battlegrounds of the Future*. London: European Council on Foreign Relations. Pp. 76–80.

Kaya A. (2020) *Migration as a Leverage Tool in International Relations: Turkey as a Case Study* // *Uluslararası İlişkiler/International Relations*. Vol. 17. No. 68. Pp. 21–39. (<https://www.jstor.org/stable/10.2307/26980734>).

Marder L. (2018) *Refugees are not Weapons: The Weapons of Mass Migration and its Implications* // *International Studies Review*. Vol. 20. No. 4. Pp. 576–588. <https://doi.org/10.1093/isr/vix055/>.

McNikoll G. (2019) *Kingsley Davis. Biographical Memoir*. National Academy of Sciences.

Mintzberg H, Ahlstrand B., Lampel J. (1998) *Strategy Safari: A Guided Tour Through the Wilds of Strategic Management*. London: Prentice Hall.

National Security Study Memorandum NSSM 200 (The Kissinger Report). December 10, 1974. (https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PCAAB500.pdf).

Robinson R. (2011) Population Policy as a Lens to the Drivers of Reproductive Health Outcomes in Africa: The Cases of Malawi, Nigeria, and Senegal. (<http://paa2011.princeton.edu/papers/112469>).

United Nations (2019). World Population Prospects 2019. (<https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>).

REFERENCES

Barash R. (2016) Krizis mul'tikul'turalizma v zerkale sistemnoj sociologicheskoy teorii [Analyzing the Multiculturalism Crisis in Light of the Systematic Sociological Theory]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*. vol. 22, no. 2, pp. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.2.4256.

Connelly M. (2008) *Fatal Misconception: The Struggle to Control World Population*. Cambridge MA, London: Belknap Press.

Davis K. (1967) Population Policy: Will Current Programs Succeed? *Science. New Series*. vol. 158, no. 3802, pp. 730–739.

Grimes S. (1998) From Population Control to “Reproductive Rights”: Ideological Influences in Population Policy. *Third World Quarterly*. vol. 19, no. 3, pp. 375–393.

Jennequin A. (2020) *Turkey and Weaponization of Syrian Refugees*. Brussels: Brussels International Center.

Greenhill K. (2010) *Weapons of Mass Migration: Forced Displacement, Coercion, and Foreign Policy*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Greenhill K. (2016) The Weaponization of Migration. In: Leonard M. (ed.). *Connectivity Wars. Why Migration, Finance and Trade are the Geo-Economic Battlegrounds of the Future*. London: European Council on Foreign Relations. Pp. 76–80.

Kaya A. (2020) Migration as a Leverage Tool in International Relations: Turkey as a Case Study. *Uluslararası İlişkiler/International Relations*. vol. 17, no. 68, pp. 21–39. (<https://www.jstor.org/stable/10.2307/26980734>).

Klupt M.A. (2020) *Demografiya na politicheskoy arene XX i XXI stoletij* [Demography on the Political Arena of the 20th and 21st Centuries]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGUE.

Luhmann N. (2009) *Samoopisnija* [Self-Descriptions]. Moscow: Logos, ITGDK “Gnosis”.

Lomanov A. V. (2017) Neokonservativizm s kitajskoj specifikoj [Neo-Conservatism with Chinese Specificity]. *Rossiya v global'noj politike*. vol. 15, no. 4, pp. 17–31.

Marder L. (2018) Refugees are not Weapons: The weapons of Mass Migration and its Implications. *International Studies Review*. vol. 20, no. 4, pp. 576–588. (<https://doi.org/10.1093/isr/vix055>).

McNikoll G. (2019) *Kingsley Davis. Biographical memoir*. National Academy of Sciences.

Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. (1998) *Strategy Safari: A Guided Tour Through the Wilds of Strategic Management*. London: Prentice Hall.

National Security Study Memorandum NSSM 200 (The Kissinger Report). December 10, 1974. (https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PCAAB500.pdf).

Robinson R. (2011) *Population Policy as a Lens to the Drivers of Reproductive Health Outcomes in Africa: The Cases of Malawi, Nigeria, and Senegal*. <http://paa2011.princeton.edu/papers/112469>.

Starodubovskaya I.V. (2019). Drama modernizacionnoj teorii. Stat'ya 1. Modernizaciya kak recept i kak problema [Drama of Modernization Theory. Article 1. Modernization as a Recipe and a Problem]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. no.1, pp. 156–168. DOI: 10.31857/S086904990003946-2.

United Nations (2019). World Population Prospects 2019. (<https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>).

Информация об авторе

Клупт Михаил Александрович, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Адрес: 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30/32. E-mail: klupt@mail.ru

About the author

Mikhail A. Klupt, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Saint-Petersburg State University of Economics. Address: 191023, Kanal Griboedova 30/32, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: klupt@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 11.09.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 17.11.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 18.11.2022

DOI: 10.31857/S0869049922010087

Оригинальная статья / Original Article

Тенденции в политическом исламе: переход в сторону либерализации

© Т.Р. ХАЙРУЛЛИН

Хайруллин Тимур Радикович, Институт Африки Российской академии наук (Москва, Россия);
Российский университет дружбы народов (Москва, Россия), jumglaw16@yandex.ru

В статье представлен анализ эволюции исламизма/политического ислама как идеологической системы. Установлено, что исламизм, который организационно оформился на рубеже 1970–1980-х гг., изначально выступил в качестве прогрессивной и альтернативной модели, заменив доминировавшие идеи арабского национализма. Тем не менее, исламисты не сумели в полной мере достичь одной из главных целей – создать исламское государство – из-за сдерживания со стороны светских авторитарных государств. События в Персидском заливе и временное падение цен на нефть в конце 1990-х гг. усугубили идеологический кризис исламизма и привели к его переосмыслению. В качестве решения предлагалась более либеральная версия исламизма в виде постисламизма, который сочетал в себе исламские и демократические принципы и сосредотачивался на обязанностях, а не правах человека. Следующим рубежом в процессе либерализации исламистских идей стали события «арабской весны», которые привели к переосмыслению постисламистских концептов и либерализации салафитской доктрины, ее политизации. Более того, неудачи ряда исламистских партий в достижении политической власти и деятельность радикальных исламистских группировок привели к дискредитации идей исламизма среди населения Ближнего Востока и Северной Африки. Вероятно, что очередной кризис исламизма приведет к его дальнейшей либерализации, либо к формированию новой идеологической модели.

Ключевые слова: исламизм, политический ислам, постисламизм, Ближний Восток, нестабильность, «Братья-мусульмане»

Цитирование: Хайруллин Т.Р. (2022) Тенденции в политическом исламе: переход в сторону либерализации // Общественные науки и современность. № 1. С. 91–99. DOI: 10.31857/S0869049922010087

Trends in Political Islam: Transition Towards Liberalization

© Т. КХАЙРУЛЛИН

Timur R. Khayrullin, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), jumglaw16@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the evolution of Islamism/political Islam as an ideological system. This system was formed in the 1970s-1980s and initially acted as a progressive and alternative model, replacing the previously dominant ideas of Arab nationalism. However, the Islamists failed to fully achieve one of their main goals – the creation of an Islamic state – due to the deterrence of secular authoritarian states. The events in the Persian Gulf and the temporary drop in oil prices in the late 1990s aggravated the ideological crisis of Islamism and led to its rethinking. As a solution, a more liberal version of Islamism was proposed in the form of post-Islamism, which combined Islamic and democratic principles and was focused on duties, not human rights. The next milestone in the process of liberalizing Islamist ideas were the events of the Arab Spring, which led to a rethinking of post-Islamist ideas as well as the liberalization and politization of the Salafi doctrine. Yet, the failures of a number of Islamist parties in achieving political power, as well as the activities of radical Islamist groups, have led to the discreditation of Islamism among the population of the Middle East and North Africa. It is likely that the next crisis of Islamism will lead to its further liberalization or the formation of a new ideological model.

Keywords: Islamism, political Islam, post-Islamism, Middle East, instability, Muslim Brotherhood

Citation: Khayrullin T. (2022) Trends in Political Islam: Transition Towards Liberalization. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.1, pp. 91–99. DOI: 10.31857/S0869049922010087 (In Russ.)

Будучи многомерным и неоднозначным явлением, политический ислам/исламизм в последние десятилетия претерпевает значительные трансформации. Актуальность темы исследования обусловлена ростом исламистских группировок и движений различного толка, которые своими действиями влияют на политическую обстановку в ближневосточном регионе и за его пределами. Примененный в исследовании системный подход позволил проанализировать не только отдельные аспекты исламизма, но и синтезировать их в единую картину.

Новые идеи, как правило, возникают в период кризисов и/или социально-политических потрясений как реакция на стагнацию и стремление ее преодолеть. Исламизм организационно оформился на рубеже 1970-1980-х гг. и достиг колоссальной популярности в Арабском мире как альтернативная модель движению арабского национализма, которое дискредитировало себя поражениями в арабо-израильских войнах, а также неспособностью объединить всех арабов «под одной крышей» и разрешить социально-политические проблемы [Хайруллин 2019]. Кульминационным итогом победы исламизма стала Исламская революция 1979 г. в Иране, которая, несмотря на свой шиитский характер, дала мощный импульс исламистским движениям по всему ближневосточному региону. Наряду с Ираном активным прозелитизмом занималась Саудовская Аравия, у которой было больше шансов занять лидирующие позиции в преимущественно суннитском регионе. Усилению позиций саудовского королевства способствовало нефтяное эмбарго 1973 г., а вслед за ним «нефтяной бум» [Кепель 2004].

Астрономическое обогащение саудовцев за счет притока нефтедолларов позволило им продвигать консервативную ваххабитскую версию суннитского ислама по всему ближне-

восточному региону. Руководство Саудовской Аравии считало набиравший популярность политический ислам новым интеграционным компонентом, который, отодвинув на второй план факторы языка, культуры и этнической принадлежности, объединит не только народы и государства ближневосточного региона, но и мусульман всего мира в единую умму. Создание исламского государства всеобщего благоденствия стало мечтой многих исламистских движений и групп ближневосточного региона [Vasiliev 2020].

Однако события в регионе в начале 1990-х гг. существенно ослабили мобилизационный, политический и культурный потенциал стратегии Саудовской Аравии. В первую очередь речь идет о вторжении Ирака в Кувейт в 1991 г., из-за которого саудовское королевство было вынуждено призвать на помощь американские военные силы, чтобы остановить иракскую агрессию. Мысль о том, что «неверные» в лице американских солдат будут топтать священную землю Аравийского полуострова, серьезно пошатнула авторитет саудовцев в глазах мусульман всего региона. Позиционирование Саудовской Аравией себя как лидера суннитского мира и хранительницы двух святынь (Мекки и Медины) никак не соотносилось с ее решением привлечь для разрешения конфликта иностранные войска.

Второй причиной дискредитации саудовской стратегии стало крушение иллюзий большинства населения стран региона, которое приезжало в монархии Персидского Залива (в т.ч. Саудовскую Аравию) на заработки. Работа на нефтяных месторождениях не улучшила благосостояние большинства ближневосточных стран (за исключением, пожалуй, Египта), а консервативный ваххабитский ислам стал ассоциироваться с зажиточными монархиями Залива и вызывать враждебность [Кенель 2004].

Наконец, снижению популярности политического ислама в саудовском исполнении способствовало временное падение цен на углеводороды в конце 90-х гг. XX в. [Акаев, Sadovnichy, Korotayev 2012].

Постисламизм как реакция на кризис исламизма

На фоне очевидного идеологического кризиса исламизма и роста радикальных исламистских группировок он был переосмыслен в духе либерализации. В частности, предлагалась новая усовершенствованная модель исламизма, которая должна была подстроиться под реалии современного глобализированного мира – постисламизм.

Постисламисты считали, что в условиях доминирования светских авторитарных режимов исламизм не смог добиться своей главной цели – создания исламского государства [Bayat 1996; Roy 2004]. Исламизм обращен в прошлое (к стремлению создать исламское государство по образцу «золотого века ислама»), в то время как постисламизм смотрит в будущее и вполне может уживаться с теми демократическими ценностями, которые не противоречат основным принципам ислама [Lauzière 2005]. Один из идеологов постисламизма американско-иранский исследователь А. Баят определил постисламизм как состояние, при котором после ряда экспериментов даже в глазах самых ярких сторонников исчерпываются привлекательность, энергия, символы и источники легитимности исламизма. Постисламизм представляет собой попытку объединить религиозность и права, веру и свободу. Он стремится перевернуть основополагающие принципы исламизма с ног на голову, сделав акцент на правах вместо обязанностей, плюрализме в пространстве единственного авторитарного голоса, историчности вместо фиксированного Священного Писания и будущем вместо прошлого. Вместе с тем он не носит антиисламский характер, а скорее отражает тенденцию к ресекуляризации религии. В первую очередь данное течение призывает ограничить политическую роль религии [Bayat 1996].

В качестве успешных примеров построения постисламистского общества можно привести Турцию и Иран, которые на рубеже 1990-2000-х гг. сумели соединить ислам с индивидуальной свободой и выбором, связав свой образ с демократическими ценностями [Bayat 2007]. Стоит отметить, что в дальнейшем в обеих странах усилился авторитарный стиль правления, что поставило под сомнение возможность успешного построения постисламистского общества. Также ряд далеких от политического истощения исламистских партий в 2000-х гг. доказали, что их электоральный потенциал все еще силен и они по-прежнему стремятся достичь политической власти. К примеру, репрессии и жесткие ограничения в избирательных правилах не помешали египетским «Братьям-мусульманам» показать хорошие результаты на выборах в законодательные органы в 2005 г. Марокканская Партия справедливости и развития также хорошо зарекомендовала себя на рубеже 1990-2000-х гг., показав позитивную динамику роста депутатских мандатов в законодательном органе страны. Тем не менее нельзя отрицать, что в рассматриваемых странах в рамках эволюции идеологических парадигм проявлялись либеральные тенденции.

Арабская весна как новый рубеж в либерализации исламизма

Революционные события «арабской весны» существенно скорректировали идеологическую архитектуру ближневосточного региона. Падение авторитарных режимов и рост протестных выступлений в поддержку демократических принципов привели к очередным рассуждениям о «закате исламизма» и наступлении нового «постисламистского рассвета». Характеризуя новое постисламистское общество, западноевропейский исследователь Ф. Каваторта использует термин «новые исламисты», описывая новую религиозность, которая связана с арабским восстанием и спонтанным сотрудничеством с институционализированным политическим исламом [Cavatorta 2012b].

В период «арабской весны» новыми примерами формирования постисламистского общества стали Тунис и Марокко. Успех «Братьев-мусульман» в Египте трудно вписать в постисламистскую парадигму из-за его кратковременности и неспособности египетских исламистов удержаться на политической арене [Ketchley 2017].

В Тунисе идеологически родственная «Братьям-мусульманам» умеренная исламистская партия «Возрождение» (ан-Нахда) показала твердые намерения достигать компромисса и принимать консенсусные решения, которые были далеки от ее первоначальных предвыборных обещаний [Cavatorta 2012a]. В итоге парламентской гонки 2011 г. ан-Нахда победила, получив 89 из 217-и мест. В парламенте в период с 2011 по 2014 гг. партия придерживалась прагматического подхода и сформировала коалицию «Тройка», в которую вошли Демократический форум за труд и свободы и Конгресс за республику. Временное сближение в тактических целях позволило исламистам занять доминирующее положение и влиять на формирование политической повестки в тунисском парламенте [Васильев, Хайруллин, Коротаев 2019].

Очевидно, что для достижения общей цели – перехода от авторитаризма к демократии – тунисские исламисты готовы были пойти на временное тактическое сближение с неисламистскими партиями. Представители ан-Нахды не раз высказывались о совместности ислама с демократией и выступали за свободное и справедливое общества в Тунисе [Cavatorta, Merone 2015]. Однако энергичная политика исламистской партии затормозилась в 2014 г., когда на следующих выборах в парламент она не смогла выйти в лидеры. Потеря позиций была связана с углубившимися противоречиями на фоне провокаций со стороны консервативных и радикальных групп относительно будущего Основного Закона страны. Их недовольство вызвали заявления ан-Нахды о том, что шариат не будет

единственным источником законодательства [Хайруллин 2019]. Исламисты заняли второе место по количеству депутатских мандатов и лишились возможности влиять на политические решения в парламенте. Тем не менее партия смогла остаться на политической арене – в отличие от «Братьев-мусульман» в Египте.

Марокканская умеренная исламистская Партия справедливости и развития (ПСР) (близкая к «Братьям-мусульманам» и имеющая то же название, что и правящая партия в Турции) также показала способность пользоваться благоприятной политической конъюнктурой и отстаивать демократические права и свободы. В результате политической борьбы марокканские исламисты победили на выборах в парламент 2011 г. и сформировали правительство. Несмотря на противодействие со стороны королевской власти, ПСР повторила успех на парламентских выборах 2016 г. По мнению бельгийского исследователя С. Земни, ПСР можно назвать постисламистской в том смысле, что она не столько стремится восстановить «первоначальный исламский город времен пророка», сколько пытается создать социальный порядок, в котором справедливость гарантирована через уважение к исламским ценностям, которые имеют свою генеалогию в священных текстах [Zemni 2013].

Примеры построения постисламистского общества в Иране и Турции носят неустойчивый и сомнительный характер. Однако модели Туниса и Марокко, которые приблизились к преобразованиям политического ислама на основании интеграции в демократический выбор, гражданское государство и разделение религии и политики, по-видимому, преуспели в приближении к сути постисламистской идеи.

«Арабская весна» способствовала качественному переходу ряда салафитских движений от проповеднической деятельности к активному участию в политических выборах. Стоит отметить, что формировавшаяся на протяжении XIII–XVIII вв. салафитская концепция основана, прежде всего, на идее о том, что на протяжении последних столетий различные нововведения исказили ислам и, чтобы освободиться от них, необходимо вернуться к временам пророка Мухаммада и четырех праведных халифов – «золотому веку» ислама. Данная цель – источник постоянного вдохновения для салафитов [Наумкин 2005]. Представители течения распространяли свои идеи через проповедническую деятельность, которая включала в себя призывы (да'ва) и полный отказ от участия в политике [Wiktorowicz 2006]. Также стоит отметить, что салафизм и исламизм – направление в исламе и сформировавшаяся на его основе политическую идеологию – отождествлять нельзя [Хайруллин 2020].

До событий «арабской весны» салафиты не занимались политической деятельностью и ограничивали свое присутствие в социальной сфере – за исключением, пожалуй, салафитов из Кувейта [Хайруллин 2020]. Однако события 2011-2012 гг. кардинальным образом изменили существующее положение дел – в ряде ближневосточных государств стали появляться салафитские политические партии.

Они образовались в Египте, Тунисе и Йемене. В Марокко салафитские движения проявили активную гражданскую позицию и смогли повлиять на итоги выборов в парламент в 2011 и 2016 гг. Участие салафитов в политических выборах привело к идеологическому расколу на два лагеря: часть сторонников считали политику неотъемлемой частью современной жизни и инструментом для отстаивания исламских принципов, другие рассматривали участие в политических выборах как временную акцию.

Несмотря на то, что либерально настроенная часть салафитов не достигла значимых успехов и не стала активной политической силой, возникновение салафитских партий говорит о существенных сдвигах в сторону либерализации традиционной салафитской доктрины.

Значительная тенденция к либерализации наблюдалась и в рядах традиционной исламистской организации «Братья-мусульмане» накануне событий «арабской весны». После поражения на выборах в парламент в ноябре-декабре 2010 г. либерально настроенные члены «Братьев-мусульман» создали Партию свободы и справедливости, которая победила на внеочередных выборах 2012 г. благодаря демократической программе и лозунгам. Так, президент Египта и лидер партии М. Мурси в интервью корреспонденту журнала «Азия и Африка сегодня» заявлял, что «поскольку народ в исламе является источником власти, демократия будет неотъемлемой частью курса партии» [Васильев, Петров 2012]. Таким образом, в рядах «Братьев-мусульман» преобладают умеренные исламистские взгляды и наблюдается тенденция к большей либерализации организации, которая принимает форму демократического исламизма.

Помимо прочего, в последние несколько лет снижается доверие населения к исламистским движениям и исламизму в целом. Данной динамике способствуют неудачи умеренных исламистских партий и движений в достижении власти и их неспособность решать социально-экономические проблемы, а также деятельность радикальных исламистских группировок. По данным исследователей из Принстонского и Мичиганского университетов, за последние пять лет в шести ключевых арабских странах снизилось «доверие к исламистским партиям» и «доверие к религиозным лидерам», что также отразилось на посещаемости мечетей. Так, в 2013 г. 8% опрошенных арабов называли себя «нерелигиозными» («неактивными мусульманами»), к 2018 г. их доля возросла до 13% [Akyol 2019].

Доверие к исламистским партиям, которые имеют идеологическое родство с «Братьями-мусульманами», значительно уменьшилось, а их популярность и легитимность находятся на самом низком уровне среди арабской общественности, снизившись с 47,5% до 19,8% в период с 2011 по 2019 гг. [First Annual... 2020].

* * *

Организационно оформившись на рубеже 70-80-х гг. XX в., исламизм выступил в качестве либеральной идеологической модели, которая способна исправить социально-политические ошибки арабского национализма. Однако движение не смогло достичь поставленной цели – построить исламское государство – и постоянно встречало противодействие со стороны авторитарных режимов, что привело к идеологическому кризису и переосмыслению исламистских идей в начале 1990-х гг. В качестве выхода из сложившейся ситуации предлагалась более либеральная версия исламистских идей – постисламизм. Тем не менее, примеры постисламистских обществ в Иране и Турции оказались недолговечными из-за усиления авторитарных тенденций. К тому же, успехи ряда исламистских партий на рубеже 2000-х гг. показали сохраняющийся потенциал исламизма. События «арабской весны» ускорили либеральные демократические тенденции, которые отразились в т.ч. и на исламистской идеологии. В частности, умеренные исламисты, которые выступали за совмещение ислама и демократии, преуспели в Тунисе и Марокко, что позволило говорить о возрождении постисламистских идей. Рост либеральных тенденций усилился с появлением салафитских партий в ряде государств Арабского мира. Однако либеральные подходы исламистов терпят сложности, которые не позволяют им в полной мере достичь поставленных целей. Особую проблему на данном пути представляют радикальные исламистские группировки, которые также получили эволюционное развитие в период «арабской весны».

На фоне непрекращающейся нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке трудно удивляться тому, что падает эффективность лозунгов исламистских партий, дви-

жений и исламизма в целом, отражая определенное разочарование населения. Безусловно, данная тенденция не так ярко выражена, однако нынешние позиции направления не сравнимы с популярностью исламизма в 70-80-е гг. XX в. или в период «арабской весны». Более того, снижение популярности исламизма говорит о либерализации общественного сознания и постепенной секуляризации социального-политических отношений в ближневосточном регионе. В свою очередь, либерализация политического сознания консервативных салафитских и умеренных исламистов свидетельствует о значительной трансформации исламизма, что может привести к появлению его новых модификаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев А.М., Петров Н. (2012) Рецепты Арабской весны: русская версия. М.: Алгоритм.
- Васильев А.М., Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. (2019) Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе // *Азия и Африка сегодня*. № 10. С. 2–9. DOI: 10.31857/S032150750006519-2.
- Кепель Ж. (2004) *Джихад: экспансия и закат исламизма*. М.: Ладомир.
- Наумкин В.В. (2005) *Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов*. М.: Ком-Книга.
- Хайруллин Т.Р. (2019) *Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов?* М.: Институт Африки РАН.
- Хайруллин Т.Р. (2020) Политизация салафизма на Ближнем Востоке и в Северной Африке // *Азия и Африка сегодня*. № 12. С. 19–26. DOI: 10.31857/S032150750012794-5.
- Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. (2012) On the Dynamics of the World Demographic Transition and Financial Economic Crises Forecasts // *The European Physical Journal Special Topics*. Vol. 205. № 1. Pp. 355–373.
- Akyol M. (2019) A New Secularism Is Appearing in Islam. *The New York Times*. Dec. 23, 2019. (<https://www.nytimes.com/2019/12/23/opinion/islam-religion.html>).
- Bayat A. (1996) The Coming of a Post-Islamist Society // *Critique: Journal for Critical Studies of the Middle East*. Vol. 5. № 9. Pp. 43–52.
- Bayat A. (2007) *Making Islam Democratic. Social Movements and the Post-Islamist Turn*. Stanford: Stanford University Press.
- Cavatorta F. (2012a) The Success of ‘Renaissance’ in Tunisia and the Complexity of Tunisian Islamism. Madrid: The International Political Science Association Conference Paper.
- Cavatorta F. (2012b) The War on Terror and the Transformation of Political Islam // *Religion Compass*. Vol. 6. № 3. Pp. 185–94.
- Cavatorta F., Merone F. (2015) Post-Islamism, Ideological Evolution and ‘La Tunisianité’ of the Tunisian Islamist Party al-Nahda // *Journal of Political Ideologies*. Vol. 20. № 1. Pp. 27–42.
- First Annual TRENDS Political Islam Forum: Muslim Brotherhood’s perception changing in the West (2020) TRENDS Research & Advisory. (<https://trendsresearch.org/trends-news/first-annual-trends-political-islam-forum-muslim-brotherhoods-perception-changing-in-the-west/>).
- Ketchley N. (2017) *Egypt in a Time of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kuru A.T. (2013) *Muslim Politics without an «Islamic State»: Can Turkey’s Justice and Development Party be a Model for Arab Islamists?* Policy Briefing. Doha: Brookings Doha Center.
- Lauzière H. (2005) Post-Islamism and the Religious Discourse of ‘Abd al-Salam Yasin // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 37. № 2. Pp. 241–261.
- Roy O. (2004) *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. New York: Columbia University Press.
- Vasiliev A.M. (2020) The Wahhabis and the Muslim Brothers: From Alliance to Alienation. Regional and Global Implications // *Journal of Globalization Studies*. Vol. 11. № 2. Pp. 55–62.

Wiktorowicz Q. (2006) Anatomy of the Salafi Movement // *Studies in Conflict & Terrorism*. № 3. Pp. 207–239.

Zemni S. (2013) Moroccan Post-Islamism: Emerging Trend or Chimera // In: *Post-Islamism: The Changing Faces of Political Islam*. New York: Oxford University Press. Pp. 134–156.

REFERENCES

Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. (2012) On the Dynamics of the World Demographic Transition and Financial Economic Crises Forecasts. *The European Physical Journal Special Topics*. vol. 205, no. 1, pp. 355–373.

Akyol M. (2019) A New Secularism Is Appearing in Islam. *The New York Times*. Dec. 23, 2019. (<https://www.nytimes.com/2019/12/23/opinion/islam-religion.html>).

Bayat A. (1996) The Coming of a Post-Islamist Society. *Critique: Journal for Critical Studies of the Middle East*. vol. 5, no. 9, pp. 43–52.

Bayat A. (2007) *Making Islam Democratic. Social Movements and the Post-Islamist Turn*. Stanford: Stanford University Press.

Cavatorta F. (2012a) *The Success of 'Renaissance' in Tunisia and the Complexity of Tunisian Islamism*. Madrid: The International Political Science Association Conference Paper.

Cavatorta F. (2012b) The War on Terror and the Transformation of Political Islam. *Religion Compass*. vol. 6, no. 3, pp. 185–94.

Cavatorta F., Merone F. (2015) Post-Islamism, Ideological Evolution and 'La Tunisianité' of the Tunisian Islamist Party Al-Nahda. *Journal of Political Ideologies*. vol. 20, no. 1, pp. 27–42.

First Annual TRENDS Political Islam Forum: Muslim Brotherhood's perception changing in the West (2020) TRENDS Research & Advisory. (<https://trendsresearch.org/trends-news/first-annual-trends-political-islam-forum-muslim-brotherhoods-perception-changing-in-the-west/>).

Kepel' J. (2004) *Dzhihad: ekspansiya i zakat islamizma* [Jihad: The Expansion and Decline of Islamism]. Moscow: Ladomir.

Ketchley N. (2017) *Egypt in a Time of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Khayrullin T.R. (2019) *Bor'ba za liderstvo v arabskom regione. YEst' li shans dlya islamistov?* [The Struggle for Leadership in the Arab Region. Do Islamists Have a Chance?]. Moscow: Institut Afriki RAN.

Khayrullin T.R. (2020) Politizatsiya salafizma na Blizhnem Vostoke i v Severnoj [Afriki Politicization of Salafism in the Middle East and North Africa]. *Aziya i Afrika segodnya*. no. 12, pp. 19–26. DOI: 10.31857/S032150750012794-5.

Kuru A.T. (2013) Muslim Politics without an «Islamic State»: Can Turkey's Justice and Development Party be a Model for Arab Islamists? Policy Briefing. Doha: Brookings Doha Center.

Lauzière H. (2005) Post-Islamism and the Religious Discourse of 'Abd al-Salam Yasin. *International Journal of Middle East Studies*. vol. 37, no. 2, pp. 241–261.

Naumkin V.V. (2005) *Islamskij radikalizm v zerkale novyh koncepcij i podhodov* [Islamic Radicalism in the Mirror of New Concepts and Approaches] Moscow: KomKniga.

Roy O. (2004) *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. New York: Columbia University Press.

Vasiliev A.M. (2020) The Wahhabis and the Muslim Brothers: From Alliance to Alienation. Regional and Global Implications. *Journal of Globalization Studies*. vol. 11, no. 2, pp. 55–62.

Vasiliev A.M., Petrov N. (2012) *Recepty Arabskoj vesny: russkaya versiya* [Recipes of the Arab Spring: Russian Version]. Moscow: Algoritm.

Vasiliev A.M., Khayrullin T.R., Korotayev A.V. (2019) Novyj al'yans v bor'be za liderstvo v arabskom regione [A New Alliance in the Struggle for Leadership in the Arab Region]. *Aziya i Afrika segodnya*. no. 10, pp. 2–9. DOI: 10.31857/S032150750006519-2.

Wiktorowicz Q. (2006) Anatomy of the Salafi Movement. *Studies in Conflict & Terrorism*. no. 3, pp. 207–239.

Zemni S. (2013) Moroccan Post-Islamism: Emerging Trend or Chimera. In: *Post-Islamism: The Changing Faces of Political Islam*. New York: Oxford University Press. pp. 134–156.

Информация об авторе

Хайруллин Тимур Радикович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. Адрес: Спиридоновка ул., д. 30/1, Москва, 123001. Доцент кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов (РУДН). Адрес: Миклухо-Маклая ул., д. 6, Москва, 117198. E-mail: jumglaw16@yandex.ru

About the author

Timur R. Khayrullin, Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow, Center of Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies. Address: 30/1, Spiridonovka str., Moscow, Russian Federation, 123001. Associate Professor, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). Address: 6, Miklukho-Maklai str., Moscow, 117198. E-mail: jumglaw16@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 20.09.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.11.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 22.11.2021

DOI: 10.31857/S0869049922010099

КОНЦЕПЦИИ МОРАЛИ CONCEPTS OF MORALITY

Оригинальная статья / Original Article

Автономистское обоснование морали: реконструкция и оценка¹

© А.В. ПРОКОФЬЕВ

Прокофьев Андрей Вячеславович, Институт философии РАН (Москва, Россия), Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия), avprok2006@mail.ru

В статье проанализирована концепция обоснования морали, которая опирается на способность человека к произвольной и целесообразной деятельности («автономии» в широком смысле слова). Концепция уходит корнями в кантовскую этику, однако в современной этической мысли она отбрасывает кантовскую апелляцию к умопостигаемому миру и отчетливой проявляет свой конструктивистский характер. Для оценки концепции были использованы три критерия: 1) способность ее аргументов обеспечить достаточную силу и максимальную широту захвата воли разумных агентов 2) отсутствие искажений формы морали при ее обосновании 3) отсутствие искажений нормативного содержания морали при ее обосновании. На основании их применения сделан вывод, что при сравнении с другими концепциями обоснования морали (стратегический эгоизм, эвдемонизм, интуитивистская версия морального реализма) автономизм демонстрирует существенные преимущества. Среди автономистских концепций указанным критериям наиболее соответствует теория диалектической необходимости Гевирта-Бейлеведа.

Ключевые слова: мораль, этика, обоснование морали, автономизм, И. Кант, К. Корсгаард, А. Гевирт, Д. Бейлеведа

Цитирование: Прокофьев А.В. (2022) // Автономистское обоснование морали: реконструкция и оценка. *Общественные науки и современность*. № 1. С. 100–112. DOI: 10.31857/S0869049922010099

¹ Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00145 А «Обоснование морали как проблема современной этики (реконструкция, сравнение и оценка теоретических подходов)».

Funding. The study was funded by RFBR, project number 20–011–00145 А “Justification of Morality as a Problem of Contemporary Ethics (the Reconstruction, Comparison and Evaluation of Theoretical Approaches)”.

The Autonomist Justification of Morality: Reconstruction and Evaluation

© A. PROKOFYEV

Andrey V. Prokofyev, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia), avprok2006@mail.ru

Abstract. The paper analyzes a morality justification concept that rests upon our capacity to act in a voluntary and purposive manner (on the base of ‘autonomy’ in a wide sense of the word). The conception goes back to Immanuel Kant, but in the contemporary ethics it discards Kant’s idea of the intelligible world and takes a more vivid constructivist shape. Three criteria were used to evaluate the conception: 1) the ability to provide the universal and powerful grip on rational agents 2) the ability not to distort the form of morality 3) the ability not to distort the normative content of morality. On the basis of the comparison between strategic egoism, eudemonism, intuitionist moral realism and autonomism as approaches to justifying morality, the conclusion is drawn that the autonomists’ argumentation has considerable advantages. Applying the three criteria to different versions of the autonomist justification of morality, the author considers the theory of dialectical necessity of Alan Gewirth and Deryck Beyleveld as the most promising.

Keywords: morality, ethics, justification of morality, autonomism, I. Kant, C. Korsgaard, A. Gewirth, D. Beyleveld

Citation: Prokofyev A. (2022) The Autonomist Justification of Morality: Reconstruction and Evaluation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.1, pp. 100–112. DOI: 10.31857/S0869049922010099 (In Russ.)

Этическая теория пытается обосновать всеобщую значимость моральных ценностей и обязательность моральных требований, используя разные отправные посылки. Часть теоретиков обращаются к благу самого агента, увязывая исполнение морального долга – совершение честных и гуманных поступков – с обретением счастья или удовлетворением набора желаний и предпочтений, не суммированного в понятии «счастье». Так возникают эвдемонистические и эгоистические (точнее – стратегически эгоистические) концепции обоснования. Разум с его принудительностью играет в них роль средства, которое увязывает моральные ценности и требования со стремлением к собственному благу. Другая часть обосновывающих мораль теоретиков пытается использовать разумность человека в качестве первой посылки – архимедовой точки опоры. Среди них есть сторонники тезиса о том, что ядерное нормативное содержание морали обладает непосредственной рациональной очевидностью, то есть представляет собой истину, к которой мы приходим в результате познания особого рода объектов (ценностей и требований). Данная позиция соответствует положениям интуитивистского морального реализма. Ее критики видят рациональность исполнения морального долга не непосредственной очевидной, а производной, которая выступает как прямое и необходимое следствие способности использовать разум в практической сфере. С их точки зрения, тот, кто не признает обязательность честного и гуманного поведения, ведет себя неразумно – не в том смысле, что он пренебрегает нравственным знанием (моральными фактами), а в том, что его суждения и действия несовместимы с восприятием себя как свободно действующего агента, который обосновывает свои поступки для самого себя. Каждый нормальный человек воспринимает себя именно так. Соответственно, совершая безнравственный поступок, он впадет в противоречие. Так

как способность выбирать действия, взвешивая за и против, тождественна автономии в широком смысле этого слова, такой подход к обоснованию морали вполне правомерно можно обозначить как «автономистский». В данной статье предпринята попытка реконструировать и оценить его аргументацию.

Критерии оценки концепций обоснования морали

Для оценки предполагается использовать три критерия, применимых к любой этической теории обоснования морали. Несоответствующая данным критериям аргументация не может решать инвариантные задачи обоснования морали: 1) убедительно обосновать мораль 2) обосновать именно мораль, а не что-то иное.

Во-первых, предложенная аргументация должна обладать достаточно сильным и одновременно универсальным сцеплением с процессом выбора агентом своих действий. Она должна захватывать волю, формировать мотивацию, полноценно отвечать на известный вопрос «почему мне следует быть моральным – честным и гуманным – человеком?». В идеале ответ на него должен убеждать разумного морального скептика в необходимости исполнять моральный долг, причем такого скептика, у которого нет предрасположенности к совершению честных и гуманных поступков (нет эмпатических переживаний, рудиментарного чувства справедливости и т. д.) Чем более сильный захват обеспечивает концепция, чем меньше человеческих типов могли бы уклониться от предложенных ею аргументов, тем она лучше своих конкурентов при прочих равных условиях.

Во-вторых, обоснование не должно исказить форму морали. Честные и гуманные поступки должны оставаться результатом исполнения долга, и этот долг должен обладать приоритетом в отношении всех других долженствований. И первое, и второе – важные формальные свойства морали как явления культуры и индивидуального опыта. Данный критерий был введен в связи с обсуждением так называемой «дилеммы Причарда». В соответствии с ней, пытаюсь обосновать мораль, мы или редуцируем моральные обязанности к склонностям и личному интересу, или провозглашаем обязанности вместо того, чтобы их обосновать. Приемлемая концепция обоснования должна быть способна разрешить эту дилемму: избежать пустой риторики и тавтологий, то есть остаться подлинным обоснованием, и вместе с тем сохранить базовую для моральной саморегуляции оппозицию долга и склонности, то есть быть обоснованием именно морали.

В-третьих, обоснование не должно исказить нормативное содержание морали. Если философ выстраивает рассуждение, которое обосновывает объективные ценности и требования, но не специфицирует их содержательно, то такое рассуждение тоже не будет обоснованием морали. Ведь объективными могут считаться и требование исполнять все свои желания (так называемый «этический эгоизм»), и требование полноценно реализовывать потенциал своей уникальной личности, и требования создавать прекрасное и постигать истину. Обоснование морали будет иметь место только там, где философ доказывает объективную необходимость честного и гуманного поведения, а также невозможность замены такого поведения исполнением других объективных требований. Схожим образом обоснование морали непригодно, если на его основе ценностью, которая превращает честное и гуманное поведение в необходимое, будут обладать не все члены морального сообщества: не все люди, только люди, но не другие живые существа и т. д. В данной ситуации подобная нормативная система лишается универсальности, разрывается ее связь с неинструментальной ценностью всех людей и живых существ (в первом случае такая ценность равная и высокая, во втором – просто значительная). Именно упомянутые характеристики задают содержательные параметры феномена морали.

Кантовский прецедент

Главным историко-философским прецедентом автономистского обоснования морали можно назвать кантовскую этику. В «Основоположении к метафизике нравов» Кант по-своему формулирует вопрос «почему мне следует быть моральным?»: «Почему же я должен подчиняться этому принципу [категорическому императиву – А.П.] и притом как разумное существо вообще?» [Кант 1997а, 229]. Немецкий философ не считает данный вопрос тупиковым. По его мнению, есть возможность показать, что нравственность не «химера» (в более развернутой формулировке – «химерическая, лишенная всякой истины идея») [Кант 1997а, 219]. Кант уверен, что даже «самый отъявленный злодей», сталкиваясь с «примерами честности в намерениях, твердости в следовании добрым максима́м, участливости и всеобщего благоволения (и притом, даже когда все это связано с большими жертвами выгодой и удобствами)», с необходимостью чувствует желание быть «настроенным» так же, как и герои этих примеров, если, конечно, он «привык... к употреблению разума» [Кант 1997а, 245].

Откуда берется кантовская уверенность в том, что нравственность – это не «химера», а «истинная идея»? Она основана на определенном понимании специфики человеческой деятельности или, вернее, специфики причинности этой деятельности. Если поведение лишенных разума существ определяется «влиянием посторонних причин», то разумные существа обладают «волей», они сами – источник своих суждений и поступков. Впрочем, вернее будет сказать, что они с необходимостью воспринимают себя в качестве таких источников (по Канту, теоретического доказательства наличия у человека свободной воли в данном контексте не требуется). Такое специфическое самовосприятие Кант называет «иде́ей свободы», а людей – «существами, которые не могут действовать иначе как под иде́ей своей собственной свободы» [Кант 1997а, 227]. Однако если человек воспринимает себя как существо, которое обладает свободой, он неизбежно оказывается перед проблемой выявления оснований своей свободной деятельности. Пытаясь ее разрешить, он вынужден признать, что не может действовать иначе, кроме как в соответствии с неким законом. Однако если такой закон будет лишь гипотетическим императивом, то исполняющий его человек не будет свободен, так как его поведение исчерпывающим образом объясняется его желаниями и поиском средств для их удовлетворения. Тот же, кто воспринимает себя в качестве свободного существа, дистанцируется не только от внешних влияний, но и от собственных «чувственных вожелений». Отсюда следует, что для признания себя свободным человек должен подчиняться именно категорическому императиву (закону, который свободная воля задает сама себе). В соответствии со второй формулировкой категорического императива тот, кто действует «под иде́ей свободы», должен относиться к каждому разумному существу не только как к средству, но и как к цели – в том числе не причинять вред и оказывать помощь другим. Это и есть ядерное нормативное содержание морали.

Выстроив рассуждение, которое подтверждает обязательную силу нравственного закона на основе особенностей самовосприятия любого разумного существа, Кант обратил внимание на то, что без каких-то дополнительных пояснений данное рассуждение содержит в себе «скрытый круг». Он задается вопросом: «Не положили ли мы в основу идею свободы только ради нравственного закона для того, чтобы после опять-таки вывести этот закон из свободы?», то есть – не пришли ли мы к утверждению о собственной свободе на основе уже принятого нами (в силу нашей «благонамеренности») нравственного закона, чтобы потом пытаться доказать, что закон имеет силу именно потому, что мы свободные существа [Кант 1997а, 241]. Однако Кант считает, что данное подозрение может развеять метафизический тезис о частичной принадлежности человека к умопостигаемому миру.

«Отъявленный злодей» стремится приобрести моральное «настроение» именно потому, что он мысленно переносит себя в умопостигаемый мир и оттуда сам дает себе нравственный закон. Не переносить себя туда он не может, поскольку «привык» употреблять разум – принимая решения, рассматривать себя в качестве свободного существа, которое опирается на рассуждение об основаниях собственных действий.

В «Критике практического разума» есть пассаж, который некоторые историки философии воспринимают как отказ Канта от того, чтобы доказывать необходимость категорического императива на основе способности людей действовать «под идеей свободы». В данном пассаже Кант называет осознание нравственного закона самостоятельным «фактом разума», или «единственным фактом чистого разума, который возвещает о себе таким образом как изначально законодательный разум» [Кант 1997б, 351]. Означает ли это, что Кант переходит от процедурного или конструктивистского обоснования морали, которое опирается на идею автономии, к интуитивистскому, или что его рассуждение обращено лишь к той части человечества, которая уже обладает стандартным набором устойчивых моральных убеждений и видит в моральных требованиях очевидные нормативные факты? Многие комментаторы Канта приходят именно к такому выводу [Reath 1997; Guyer 2007; Wood 2007]. Однако Д. Бейлевелд и М. Дювелл в своей книге-отклике на данный кантовский пассаж попытались показать, что в «Критике практического разума» не пересмотрены ранние позиции. Проблема лишь в том, что Кант не считает восприятие человеком себя как свободного существа стартовой точкой обоснования категорического императива, которая имеет по отношению к нему внешний характер. В «Основоположении» философ лишь выделяет элементы неразрывного единства или «взаимного существования» идеи свободы и категорического императива. Данное выделение не только укрепляет моральные убеждения тех, кто ими уже обладает, но и демонстрирует моральному скептику противоречивость его позиции [Beyleveld, Diirwell 2020].

Какие проблемы возникают в связи с кантовским обоснованием морали? Во-первых, проблема лаконичности его рассуждения: кантовское обращение к моральному скептику содержит существенные лакуны. Во-вторых, проблема апелляции к идее умопостигаемого мира. Данная идея уязвима для критики, связанной с вопросом о ее совместимости с картиной мира современного человека (если пользоваться терминологией Дж. Мэки, Кант постулирует «странные» сущности) [Mackie 1990, 38–42]. Одновременно под вопросом находится ее способность решить поставленные перед ней задачи. А.А. Гусейнов предположил, что кантовское рассуждение об умопостигаемом мире есть лишь «скрытая ирония» по отношению к притязаниям разума в этике [Гусейнов 2009, 229]. Если Кант на самом деле лишь иронизировал, то «скрытый круг», для преодоления которого была введена идея двух миров, никакуда не исчезает.

Современные автономистские обоснования морали

В современной этике автономистская версия обоснования морали обходится без метафизических допущений об умопостигаемом мире, без постулирования «странных» сущностей. Ее отправной посылкой, как и у Канта, стали неустранимые характеристики человеческой деятельности – ее произвольность и целесообразность. Ни один человек не может не воспринимать себя в качестве агента, который выбирает между альтернативными линиями поведения. Ни один человек не может совершать этот выбор каким-либо иным методом, кроме как отвечая на вопрос «почему достижение этой цели для меня лучше, чем достижение той?». Ни один человек не может отказаться от поиска средств для достижения поставленных целей. Несоблюдение моральных требований в данном контексте следует восприни-

мать как неразумную стратегию поведения, поскольку требуемые от агента самоограничения воплощают его агентский статус. Сознательный агент, который нарушает моральные требования, парадоксальным образом ведет себя так, как будто он не сознательный агент. Моральный скептик, соответственно, утверждает и отрицает агентский, то есть произвольный и целесообразный, характер человеческой деятельности в целом.

Самой известной концепцией такого рода можно назвать концепцию американского этика А. Гевирта, которую после его смерти развивает британский философ морали Д. Бейлвелд. Гевирт, в отличие от моральных реалистов интуитивистского толка, считает моральные требования не непосредственно очевидными, а «диалектически необходимыми». «Диалектическая необходимость» присутствует, если имеет место логически непротиворечивый вывод суждения *X* из суждений, которые отражают необходимую структуру всякого действия. Другая формулировка Гевирта: диалектической необходимостью обладают положения, которые опираются на «концептуальный анализ действия» [Gewirth 1978, 43–45]. Также, в отличие от интуитивизма, концепция Гевирта утверждает не правильность моральных требований «с точки зрения Вселенной», а всего лишь их правильность для всех агентов, поскольку в качестве агентов те не могут не принять суждения, логически связанные с необходимой структурой действия.

Необходимая структура действия такова, что агент нуждается в условиях, обязательных для достижения любых поставленных им целей. Он всегда видит достижение цели как благо, в связи с чем неперемные условия достижения цели также превращаются для него в блага. Одно из таких благ, которое, по сути, представляет собой компонент успешного действия – это свобода, то есть возможность действовать без принуждения; другое – некоторые базовые аспекты индивидуального благополучия (сохранение жизни, физическая целостность, психическое равновесие и т. д.). Если агент считает свободу и базовое благополучие необходимыми благами, то он неизбежно будет (и даже должен) рассматривать их наличие как свое право. Отстаивая его, он обязывает окружающих не ограничивать и не подрывать его свободу и благополучие. Хотя такое требование имеет пруденциальную, а не моральную основу, оно – не просто рефлекторное «рычание» («не мешай!»), а полноценная нормативная претензия [Gewirth 1978, 48–128].

Дальнейшие рассуждения Гевирта опираются на тезис, что право всегда приписывается тому человеку, который строго соответствует описанию, содержащемуся в обосновании этого права (например, право на то, чтобы *X* исполнил свое обещание сделать *Y*, имеет именно тот человек, которому *X* обещал сделать *Y*). Если какое-то описание в равной мере относится к нескольким людям, то все они обладают обсуждаемым правом. Данный тезис – скорее правило логики, а не содержательный моральный принцип, который мог бы оспаривать моральный скептик. В соответствии с ним, если агентский статус представляет право на свободу и базовое благополучие, то таким правом должны быть наделены все агенты, невзирая на их различия во всех отношениях кроме самой способности к произвольной и основанной на выдвижении целей деятельности. Отсюда следует, что любой агент в интеракциях с реципиентами своих действий обязан соблюдать их права: не ограничивать их свободу, не уменьшать их благополучие, а в каких-то случаях – прямо содействовать сохранению и увеличению их свободы и благополучия, то есть помогать им. Соблюдение прав проистекает из уважения к личности реципиента – а это как раз и есть ядерное содержание морального долга, долга честности и гуманности. Значит, перед нами полноценный ответ на вопрос «почему следует быть моральным?» (в терминах Гевирта – «вопрос об авторитете») [Gewirth 1978, 129–150].

Другой вариант обоснования морали, который апеллирует к специфике человеческой деятельности, предложила К. Корсгаард. Она фиксирует, что каждый человек восприни-

мает совершаемые им поступки в перспективе первого лица, то есть того, кто более или менее успешно выбирает между альтернативными линиями поведения и подталкивающими к выбору мотивами. Данная перспектива предполагает наличие у человека критериев выбора, которые позволяют заключать: «это для меня лучше, поскольку...», «это для меня важно, поскольку...» и т. д. Критерии выбора опираются на «практическую идентичность» агента. Набор таких идентичностей неограничен, агенты постоянно меняют их на протяжении жизни. Однако процесс смены может быть опасен для того, кто рассматривает себя как автора своих поступков, а не пространства, в котором разворачиваются детерминирующие поведение психические процессы. Если все идентичности человека случайны и преходящи, то человек не имеет достаточных оснований для ответа на вопрос, почему один вариант для него лучше или важнее, чем другой. По сути, у него отсутствуют основания для продолжения жизни как череды обоснованных актов выбора. Он перестает быть самим собой, что для человека хуже смерти. Каждый из нас нуждается в такой практической идентичности, которая не будет преходящей и случайной [Korsgaard 1996, 100–130].

Такая идентичность связана с самой принадлежностью к числу людей, «рефлексирующих животных, которым необходимы основания для того, чтобы жить и действовать» [Korsgaard 1996, 121]. Соответственно, для любого агента внутренней, неинструментальной, надситуативной ценностью должен быть он сам как агент. Из данной ценности вытекают обязанности, ограничивающие прочие требования, которые агент обращает к самому себе. Источник таких обязанностей не имеет внешний характер по отношению к его воле, не устраняет его самого в качестве действующей силы, позволяя избежать как чистой импульсивности, так и механического воспроизведения поведенческих образцов. Ограничения, которые основаны на универсальной идентичности «я – человек» – это правила самосохранения личности и, одновременно, самые общие правила деятельности как таковой. Если разумный агент не может наделив ценностью себя самого, не наделив ею всех других разумных агентов, то он вынужден признать императивную силу моральных требований – свою обязанность быть честным и гуманным.

Однако данная связь по Корсгаард определяется не только самой по себе перспективой первого лица. Так возникает лишь одно из оснований императивной силы моральных требований. Да, жизнь разумного человека, который сохраняет свою разумность, невозможна без признания объективных ценностей и объективного долженствования. Однако содержание последнего может быть не тождественным моральному долгу. В данной связи Корсгаард фиксирует следующее положение: «Я считаю свою принадлежность к человеческому роду нормативной для себя и признаю, что ты можешь или должен сделать то же самое в своем отношении». Однако данная позиция не превращает «твои» цели в «мои» [Korsgaard 1996, 133]. Даже если представить, что такая метаморфоза все же произойдет, ее результат не удовлетворит философа, который пытается обосновать мораль. Разумный агент в таком случае будет иметь обязанности «в отношении другого», но не «перед другим». Он будет связан своим уважением к той ценности, которую он сам придает другому человеку, но не к внутренне присущей ему ценности [Korsgaard 1996, 134].

Корсгаард посчитала, что достаточной дополнительной посылкой обоснования морали можно считать специфику человеческой природы, которую Л. Витгенштейн зафиксировал в тезисе о невозможности приватного языка. По ее мнению, если приватный язык невозможен, то любые основания для совершения поступков изначально имеют «публичный» характер. Как существа, способные к речи, мы постоянно вторгаемся в ментальное пространство друг друга, и такие вторжения невозможно проигнорировать, как невозможно проигнорировать фразу, произнесенную на понятном нам языке. Поэтому реципиенты действий агента постоянно вмешиваются в процесс выбора им линии поведения, предъ-

являя ему многочисленные претензии. Они могут иметь форму высказывания («не делай так!»), а могут быть и молчаливыми претензиями, которые формируются самим фактом того, что агенту известны потребности или желания окружающих. Для агента каждая такая претензия превращается в основание для действия. Конечно, он может выбрать другое основание, но он не сможет уклониться от объяснения причин такого выбора самому себе. Именно в ходе объяснения агент мысленно переносит себя на место другого. Такой перенос, в свою очередь, неизбежно приводит к признанию в другом той же ценности, которую агент приписывает себе самому [Korsgaard 1996, 136–143].

Оценка автономистских концепций обоснования морали

В отношении вопроса о силе и широте захвата высокую планку ставят те концепции, которые отталкиваются от блага агента (стратегический эгоизм и эвдемонизм). Потребности в достижении счастья и в удовлетворении желаний или предпочтений обладают огромной силой. Они присутствуют у любого человека вне зависимости от его ценностных установок или от их отсутствия. Автономистские концепции исходят из того, что их основание не менее универсально. Кантовское действие «под идеей свободы», гевиртовские произвольность и целесообразность действия, выбор практических идентичностей Корсгаард также имеют место в опыте каждого индивида. Они – данность человеческого существования, часть человеческой ситуации.

Вопрос о силе захвата оказывается гораздо сложнее. В случае со счастьем и – в особенности – с желаниями и предпочтениями она подразумевается изначально: каждый из нас хочет того, что он хочет, предпочитает то, что он предпочитает. Отсюда, если исполнение моральных требований и обретение моральных установок увеличивают возможности человека в реализации желаний и предпочтений, у него есть сильный мотив для того, чтобы «быть моральным». У Корсгаард схожую роль играет потребность в устойчивой практической идентичности, без принятия которой индивид теряет подлинную субъектность и сталкивается с невозможностью осмысленной жизни. Для разумного индивида – это катастрофическая перспектива, что и обеспечивает силу захвата. Гевирт делает акцент не на катастрофичности непризнания моральных требований, а на его противоречивости. Отказ агента рассматривать свой доступ к условиям произвольной и целесообразной деятельности как собственное право (важный промежуточный шаг к признанию прав других людей) тождественен для Гевирта отказу рассматривать себя в качестве агента, сохраняя при этом агентский способ существования.

Концепция Гевирта требует дополнительного обсуждения как в отношении широты, так и в отношении силы захвата. Критики автора указывают на то, что из-под действия его аргументации выпадают те индивиды, которым безразлично, можно ли их считать полноценными агентами (словами Д. Инека – те, кто не заботится о том, чтобы быть именно агентами, а не какими-нибудь «шмагентами», которые ставят цели и подбирают под них средства, но пренебрегают диалектической необходимостью Гевирта [Enoch 2006]). По логике Инека, таким людям придется предъявить дополнительные доводы в пользу того, что возможность быть агентом имеет для них ценность, и что для ее сохранения необходимо признавать диалектически необходимые утверждения. Сложно представить человека, который не заботится о реализации своих предпочтений или желаний, однако индивид, которому безразлична утрата полноценного агентского статуса, вполне может существовать.

Однако Бейлеведд, защищая позицию Гевирта, показывает, что агентский статус можно потерять, только утратив саму по себе способность к практическому рассуждению, лишившись возможности вести человеческий образ жизни. Соответственно тот, кто ставит

цели и реализует их, но не принимает тезис о праве на доступ к условиям деятельности, не может быть загадочным «шмагентом», которому надо доказать ценность превращения в агента. Раз ему в принципе можно что-то доказывать, если он выбирает между альтернативами – значит, он всего лишь агент, который противоречиво осмысляет сам себя. Устранение данного противоречия – прямое требование разума, что и сохраняет предельную широту захвата [Beyleveld 2017, 153].

Однако как быть с силой захвата? Если пытаться рассматривать ее исключительно в категориях осязаемых потерь, которые несет лишенный моральных убеждений и нарушающий моральные требования человек, то такая сила невелика. Однако если обоснование морали Гевирта обращено именно к разумному моральному скептику, для него утрата возможности создать непротиворечивую систему оснований своих действий весьма существенна, хотя она и не отражается на его возможностях получать удовольствие, аккумулировать богатство или повышать социальное признание.

Второй критерий связан с возможностью искажения формы морали, что создает наибольшие проблемы эгоистическому и эвдемонистическому обоснованию. Если за выполнением обязанностей и самосовершенствованием в сфере мотивов и черт характера стоит стремление агента к собственному благу, то понятие долга становится условным: одни личные интересы побеждают другие в ходе рационального исследования их относительной силы. Правда, вторая из опасностей, зафиксированных в дилемме Причарда, таким концепциям не угрожает – они по определению не тавтологичны. Как в данном отношении обстоят дела с автономизмом?

Представляется, что разные его версии в разной степени уязвимы для аргумента от искажения формы морали. Концепцию Гевирта можно заподозрить в таком искажении, но у нее есть ресурсы для освобождения от подобных подозрений. В качестве первого шага Гевирт обращается к пруденциальной рациональности гипотетических императивов. Можно подумать, что агента заставляет признавать права другого человека простое желание иметь условия для успеха собственной деятельности, что могло бы быть формой подмены долга склонностью. Однако дело в том, что Гевирт использует в качестве посылки не желание агента обладать свободой и базовым благополучием, а нормативное – хотя и пруденциальное – требование: «если ты хочешь достичь цели, то непременно должен хотеть и того, чтобы получить необходимые средства ее достижения». Соответственно, происходит вывод одной формы долга из другой, морального права из права пруденциального.

Концепция Корсгаард сталкивается с более существенными трудностями. Она говорит о потребности агента в высшей, предельно общей идентичности, без которой невозможно вести осмысленную жизнь. Однако данный тезис, который существенно облегчает решение проблемы захвата, представляет собой скрытый переход от строго автономистских посылок к эвдемонизму. С этой позиции жизнь человека рассматривается как целостный проект, успех которого (счастье) возможен при соблюдении определенных условий, среди которых и выполнение моральных требований. Эвдемонизм гораздо более уязвим для обвинений в искажении формы морали. В рамках аргументации Корсгаард моральный скептик признает не то, что он обязан быть честным и гуманным, а то, что он вынужден быть таковым, чтобы сохранить возможность поставить и успешно достичь жизненные цели. Обязанность тем самым подменяется склонностью. Именно здесь концепция Корсгаард дрейфует в сторону эвдемонизма. С другой стороны, не удовлетворенная сугубо кантианскими ходами мысли Корсгаард апеллирует к тому, что претензии реципиентов по поводу причиненного им вреда или неоказанной помощи имеют изначальную значимость для агента. Данное утверждение приближается к подмене обоснования долга его простым

провозглашением и попадает под обвинение, в отношении которого автономистские концепции в большинстве своем неуязвимы.

Третий критерий связан с искажением нормативного содержания морали. Корсгаард использует его против родственной ее подходу концепции Гевирта и отчасти против избыточно лаконичного кантовского перехода от первой формулировки категорического императива ко второй. Именно неспособность обосновать движение агента от придания объективной ценности себе самому к приданию такой же ценности любому другому человеку заставляет ее обратиться к витгенштейнианской дополнительной посылке. Однако обоснование Гевирта не так уж и бессильно против данного аргумента. Философ задолго до критики Корсгаард понимал, что его диалектически необходимое рассуждение может остановиться на позиции универсального этического эгоизма. Этический эгоист может утверждать: «я должен причинить вред другому, если это в моих интересах, другой должен причинить вред мне, если это в его интересах, а кто и кому причинит вред в реальности, определяют фактические возможности». Однако, по Гевирту, данная позиция не считается диалектически необходимой, поскольку стоящему на ней человеку приходится а) отрицать, что его собственные свобода и благополучие – необходимые для него блага б) использовать слово «должен» в отношении себя и других в разных смыслах (в отношении других – без безусловного одобрения того, что они выполняют свой долг) [Gewirth 1978, 82–89].

Бейлвелд имеет дело уже не с проблемой искажения нормативного содержания морали вообще, а с конкретным критическим тезисом Корсгаард о том, что если постулирование агентом собственных базовых прав коренится в его желании иметь общие условия успешной деятельности, то перенос таких прав на других людей должен опираться на его желание, чтобы и они (другие люди) тоже обладали соответствующими условиями. В таком желании нет ничего необходимого – соответственно, нет необходимости в наделении других правами. Однако, как показывает Бейлвелд, желание иметь условия для успеха целесообразной и произвольной деятельности – не единственная посылка обоснования морали в этике Гевирта. Вторая, как было установлено ранее, состоит в том, что агент обязан обеспечивать себе такие условия – данная обязанность вытекает из агентского способа деятельности и агентского самоописания. И, если в универсализации желания нет ничего необходимого, то без универсализации обязанности не обойтись [Beyleveld 2015, 584–586]. Если я обязан обеспечивать себе условия успешной деятельности, а другие обязаны воздерживаться от причинения мне вреда (соблюдать мои права), то я также обязан воздерживаться от причинения вреда другим (обязан соблюдать их права).

Вторая линия критики строго автономистского обоснования морали со стороны Корсгаард состоит в том, что обязанности, которые вытекают из рассуждения Гевирта или из ее собственного вывода о практических идентичностях (даже если эти рассуждения имеют самостоятельную доказательную силу) – это обязанности в отношении другого, а не перед ним. Соответственно, они не до конца моральны. Однако данный контраргумент также не имеет большой силы. Да, в концепции Гевирта моральный агент уважает права реципиентов на основании того, что он находит в себе самом – способности действовать целесообразно и произвольно. Однако в таком случае агент уважает не себя, а то, что он находит в другом человеке – ту же способность действовать целесообразно и произвольно. И хотя агента и реципиента делает уникальными личностями нечто иное, вся их личностная уникальность базируется именно на этой способности. Каждый человек уникален тем, как в условиях, заданных генетикой, коммуникативным и культурным контекстом жизни, случайными поворотами индивидуальной судьбы он выбирает свои поступки, исходя из тех или иных оснований [Beyleveld 2015, 687–588, 590].

Последний аспект автономизма, требующий оценки в связи с опасностью искажения нормативного содержания морали, связан с кругом реципиентов, которые обретаю ценность или наделяются правами на основе автономистской аргументации. Способность к произвольной и целесообразной деятельности характеризует далеко не все существа, которые, с точки зрения обладателей общераспространенных моральных убеждений, находятся в данном кругу. Речь идет о детях, людях с серьезными расстройствами психики или находящихся в состоянии комы, животных. У автономистов есть набор доводов, которые распространяют логику обоснования морали на таких реципиентов. Корсгаард рассматривает жизнь как условие принятия любых практических идентичностей, что превращает все живое в моральную ценность. Боль живых существ оказывается аналогом претензии реципиента к агенту, которая создает основание для действия. Гевирт говорит о наделении существ правами в меру приближения их практики к произвольной и целесообразной деятельности. Бейлевелд, в свою очередь, добавляет принцип предосторожности: в случае неопределенности лучше отнестись к неагенту как к агенту, чем наоборот.

Заключение

Подводя итог проведенной реконструкции автономистских концепций обоснования морали и их сравнения с теоретическими конкурентами – стратегическим эгоизмом, эвдемонизмом, интуитивистским моральным реализмом, а также между собой – можно утверждать следующее. Использование первого из трех зафиксированных в начале статьи критериев показывает, что в отношении широты захвата автономистские концепции в целом не уступают эгоистическим и эвдемонистическим, но явно превосходят интуитивистские. Дело в том, что способность к постижению моральной истины нельзя считать всеобщим свойством – в отличие от способности к поиску наилучшей для себя линии поведения. Однако в вопросе силы захвата положение автономистских концепций менее благоприятно. Стратегический эгоизм и эвдемонизм опираются на более мощные поведенческие драйверы, что понимают и сами автономисты. Некоторые из них – например, К. Корсгаард, которая апеллирует к опасности утраты смысла жизни и вводит дополнительную витгенштейнианскую посылку – пытаются компенсировать данный недостаток за счет модификации аргументов. Другие – в частности А. Гевирт – считают, что он изначально компенсирован преимуществами в рамках второго и третьего критериев. Последний подход можно считать более оправданным.

Если использовать второй критерий, следует признать, что автономизм, подобно интуитивизму, в целом менее уязвим для обвинений в подмене морального долга склонностью, то есть менее предрасположен к искажению формы морали. Такие обвинения больше затрагивают стратегический эгоизм (для его сторонников выполнение морального долга выгодно и является выполнением долга лишь условно) и эвдемонизм (его сторонники также с трудом разграничивают исполнение требования и стремление прожить полноценную жизнь). Однако некоторые авторы автономистских концепций, пытаясь компенсировать недостаточную силу захвата, прибегают к таким аргументам, которые создают дрейф в сторону эвдемонистических позиций, что ведет к потере преимуществ в рамках второго критерия. Именно так выглядит концепция Корсгаард в связи с ее рассуждением о предельно общей практической идентичности, без которой жизнь теряет смысл. Тем не менее, другие образцы автономизма не имеют этой тенденции – как, например, концепция Гевирта. Его версия автономизма также сохраняет черты подлинного обоснования, не скатываясь на грань тавтологичности и декларативности. Интуитивистский моральный реализм изначально находится на этой грани, а Корсгаард начинает движение в данном направлении, приняв витгенштейнианскую посылку.

Наконец, в рамках третьего критерия – возможного искажения содержания морали – автономизм также выглядит предпочтительнее своих конкурентов. Несмотря на сомнения Корсгаард, он вполне способен довести обосновывающее рассуждение до универсальных обязанностей честности и гуманности исключительно на основе посылок, связанных с произвольным и целесообразным характером человеческой деятельности. Гевирт реализовал данную возможность в своей концепции. Именно ее и следует рассматривать как наиболее перспективный вариант обоснования морали из всех упомянутых в данной статье.

В завершение хотелось бы обратиться к вопросу о практической значимости философских концепций обоснования морали. Проблему обоснования моральных ценностей и требований традиционно рассматривают как лежащую на границе сугубо теоретического исследования феномена морали и нормативной этики. Если нормативная этика представляет собой вторжение философского анализа в практические споры о должном и не-должном, допустимом и недопустимом поведении, то обоснование морали ближе всего к практике морального воспитания. Оно по-своему отражает рациональную сторону формирования и поддержания устойчивости моральной личности. Каждая из рассмотренных выше концепций – еще и дискурсивная стратегия воспитателя. Однако в данной статье преобладает сугубо теоретическая оценка их достоинств и недостатков, связанная с допущением о том, что обоснование должно начинаться с нулевого уровня (уровня морального скептика, который является наделенным разумом психологическим эгоистом). Такая теоретическая оценка не предпринимает оценку их воспитательной эффективности. Ее анализ должен опираться на иные методологические послышки и критерии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гусейнов А.А. (2009) Великие пророки и мыслители: нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече. 469 с.
- Кант И. (1997a) Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. Т. III. М.: Московский философский фонд. С. 39–275.
- Кант И. (1997b) Критика чистого разума // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. Т. III. М.: Московский философский фонд. С. 277–733.
- Beyleveld D. (2015) Korsgaard v. Gewirth on Universalization: Why Gewirthians are Kantians and Kantians Ought to be Gewirthians // *Journal of Moral Philosophy*. Vol. 12. Pp. 573–597.
- Beyleveld D. (2017) Transcendental Arguments for a Categorical Imperative as Arguments from Agential Self-Understanding // In: *Transcendental Arguments in Moral Theory*. Brune J. P., Stern R., Werner M.H. (eds.). Berlin: De Gruyter. Pp. 141–159.
- Beyleveld D., Düwell M. (2020) The Sole Fact of Pure Reason: Kant's Quasi-Ontological Argument for the Categorical Imperative. Berlin: De Gruyter. 212 p.
- Enoch D. (2006) Agency, Shmagency: Why Normativity Won't Come from What is Constitutive of Action // *Philosophical Review*. Vol. 115. Pp. 169–198.
- Gewirth A. (1978) Reason and Morality. Chicago: The University of Chicago Press. 393 p.
- Guyer P. (2007) Naturalistic and Transcendental Moments in Kant's Moral Philosophy // *Inquiry*. Vol. 50. Pp. 444–464.
- Korsgaard C.M. (1996) Sources of Normativity. Cambridge: Cambridge University Press. 287 p.
- Mackie J.L. (1990) Ethics: Inventing Right and Wrong. L.: Penguin Books. 256 p.
- Reath A. (1997) Introduction // *Kant I. Critique of Pure Reason*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 7–31.
- Wood A.W. (2007) Kantian Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 342 p.

REFERENCES

- Beyleveld D. (2015) Korsgaard v. Gewirth on Universalization: Why Gewirthians are Kantians and Kantians Ought to be Gewirthians. *Journal of Moral Philosophy*. vol. 12, pp. 573–597.
- Beyleveld D. (2017) Transcendental Arguments for a Categorical Imperative as Arguments from Agential Self-Understanding. *Transcendental Arguments in Moral Theory*. Berlin: De Gruyter, pp. 141–159..
- Beyleveld D., Düwell M. (2020) *The Sole Fact of Pure Reason: Kant's Quasi-Ontological Argument for the Categorical Imperative*. Berlin: De Gruyter. 212 p.
- Enoch D. (2006) Agency, Shmagency: Why Normativity Won't Come from What is Constitutive of Action. *Philosophical Review*. vol. 115, pp. 169–198.
- Gewirth A. (1978) *Reason and Morality*. Chicago: The University of Chicago Press. 393 p.
- Guseynov A.A. (2009) *Velikie proroki i mysliteli: npravstvennye ucheniya ot Moiseya do nashikh dnei* [Great Prophets and Thinkers. The Moral Teachings from Moses to Our Times]. Moscow: Veche. 469 p.
- Guyer P. (2007) Naturalistic and Transcendental Moments in Kant's Moral Philosophy. *Inquiry*. vol. 50, pp. 444–464.
- Kant I. (1997a) Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. In: *Sochineniia na nemetskom i russkom iazykakh. Vol. III*. Moscow: Moskovskii filosofskii fond. pp. 277–733.
- Kant I. (1997b) Osnovopolozhenie k metafizike npravov [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. *Sochineniia na nemetskom i russkom iazykakh. Vol. III*. Moscow: Moskovskii filosofskii fond. pp. 39–275.
- Korsgaard C.M. (1996) *Sources of Normativity*. Cambridge: Cambridge University Press. 287 p.
- Mackie J.L. (1990) *Ethics: Inventing Right and Wrong*. London: Penguin Books. 256 p.
- Reath A. (1997) Introduction, Kant I. In: *Critique of Pure Reason*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 7–31.
- Wood A.W. (2007) *Kantian Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press. 342 p.

Информация об авторе

Прокофьев Андрей Вячеславович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Сектора этики Института философии РАН. Адрес: Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, 109240. Профессор Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого. Адрес: г. Тула, просп. Ленина, д. 125, 300026. E-mail: avprok2006@mail.ru

About the author

Andrey V. Prokofyev, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 127005, Moscow, Goncharnaya Street, 12-1. Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. Address: 300026, Tula, Lenina Av., 125. E-mail: avprok2006@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 25.10.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 06.02.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 14.02.2022

DOI: 10.31857/S0869049922010063

ТОЧКА ЗРЕНИЯ POINT OF VIEW

Оригинальная статья / Original Article

Системные деформации в социальных науках как следствие иррациональной бюрократизации управления

© А.В. ОБОЛОНСКИЙ

Оболонский Александр Валентинович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), aobolonsky@hse.ru

Статья посвящена классификации негативных явлений в современных общественных науках – их причинам, проявлениям и последствиям. Их общей мета причиной представляется эскалация бюрократических методов управления наукой. Рассматриваются две группы факторов такого рода – социальные и морально-психологические, а также методологические. К числу первых относятся: отсутствие заинтересованности у бизнеса и власти в поддержке фундаментальной науки; конформизм исследователей как ее следствие; феномен «ученых приказчиков» и его губительные для науки последствия; самообман ценностной нейтральности исследователя. К числу методологических факторов относятся: подмена содержательных критериев оценки научной значимости работ формальными показателями; избыточные требования к стандартизации научных текстов; условие обязательности эмпирического доказательства каждого научного утверждения, из-за которого в рассуждениях и оценках общеконцептуального характера отказывают в «научности» и сужаются границы научного поиска; завышенные ожидания, связанные с развитием «искусственного интеллекта» и цифровизацией; стремление к формальному наукообразию в ущерб содержательности, что приводит к редуccionистскому, ограниченному, интеллектуально обедненному пониманию науки и отсекает логический анализ и «абстрактные» рассуждения, которые чаще всего обеспечивают самое важное приращение знания и выводят на более высокий уровень понимания социальных процессов. Привлечение внимания ученых к систематизированному в статье деформациям социальных наук способно сыграть положительную роль.

Ключевые слова: социальные науки, методология, мораль, психология, деформации, ценности, позиция исследователя

Цитирование: Оболонский А.В. (2022) Системные деформации социальных наук как следствие иррациональной бюрократизации управления // Общественные науки и современность. № 1. С. 113–126. DOI: 10.31857/S0869049922010063

Systemic Deformations in Social Sciences as a Consequence of Irrational Managerial Bureaucratization

© A. OBOLONSKY

Alexander V. Obolonskiy, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia), aobolonsky@hse.ru

Abstract. The article discusses different negative factors in contemporary social sciences, their classification, symptoms and negative consequences. The general reason for this distortion is an escalation of bureaucratic methods of science management. Two groups of factors are considered – social and moral-psychological as well as methodological. The first group consists of: absence of businesses and authorities’ interest in supporting fundamental science; conformity of researchers as a result of their material and moral dependence; phenomenon of lackey servility among scholars and its disastrous consequences for science; self-deception of supposed value neutrality of the researcher. The second group includes: judgement of value of scientific work by formal bureaucratic indicators neglecting its quality and significance for science; excessive demands to standardization of texts; condition of obligatory empirical proof for any research suggestion that rejects general conceptual considerations and judgements as supposedly “non-scientific” and narrows room for research inquiries; excessive expectations connected with “artificial intellect” and digitalization; formal imitation of science attributes that impoverish science intellectually and cuts off logical analysis and “abstract” thoughts, regardless of the fact that the latter ones give the most important increase of knowledge and allow higher level of social processes understanding. Bringing attention of scholars to these systematized deformations in social science might lead to positive results.

Keywords: social sciences, values, morality, psychology, methodology, deformations, scholar’s position

Citation: Obolonskiy A. (2022) Systemic Deformations in Social Sciences as a Consequence of Irrational Managerial Bureaucratization. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’*, no.1, pp. 113–126. DOI: 10.31857/S0869049922010063 (In Russ.)

В статье предложена классификация негативных явлений в современных общественных науках – их причины, проявления и последствия. Автор обращается к данной теме из-за чувства беспокойства, связанного с серьезными системными деформациями в современных социальных науках и их негативными последствиями для формирования научного знания и внедрения научных результатов в практику. Поскольку подобное чувство разделяют многие исследователи, важность и актуальность данных вопросов представляется достаточно очевидной.

Проблема эта существует не только в России. За последние годы авторитет социальных наук в мире упал. Заметно снизились ожидания и надежды, связанные с научным анализом социальных явлений и основанными на нем рекомендациями и прогнозами. Для того, к сожалению, есть объективные причины и основания. Оптимистический концепт поступательного движения человечества ко всеобщему благополучию на основе научного прогресса далеко не всегда подтверждается – по крайней мере в социальной и гуманитарной сферах. Более того, возникают новые проблемы, которые адепты решения общественных неурядиц сугубо технократическими средствами не смогли предвидеть. Зачастую технократические решения такие проблемы только усугубляют.

Впрочем, в статье автор намеренно не приводит конкретные примеры ни вообще, ни в непосредственно рассматриваемой сфере – российских общественных науках – дабы никого специально не выделять, поскольку ситуация носит достаточно общий характер, а также чтобы не уйти в сторону. Статья в основном посвящена одному, но весьма важному аспекту проблемы – негативным результатам технократического редукционизма и социального конформизма в общественных науках. Тенденции, о которых пойдет речь, привели к неоправданному снижению общественного статуса ученого и уровня уважения к нему как творческой личности – не только во внешних по отношению к науке административных структурах, но в самих научных учреждениях и вузах.

Бюрократия как общая причина и проблема

На политико-государственном уровне сложившуюся ситуацию порой описывают в дискурсе провалов государства. Автор же в данном случае ограничивается уровнем исполнительной власти. На этом уровне общая «мета причина» данных проблем видится в избыточной, во многом губительной для науки, навязываемой государственными органами, порой на грани патологии, бюрократизации и формализации управления научными коллективами и учеными. Морально-психологические патологии чиновничьего сознания и дисфункции, которые возникают вследствие бюрократической экспансии в государственном управлении, подробно описаны в [Оболонский 2019]. В целом автор разделяет и точку зрения коллег, которые характеризуют сложившуюся ситуацию как «дрейфующее в сторону абсолютизации своего ведения патерналистское государство с самовозрастающей бюрократией» (см., напр. [Рубинштейн, Городецкий 2018]). Надо заметить, что стремящийся к максимизации своей роли и влияния бюрократ – не только российская беда (хотя от этого и не легче). О пороках и угроза бюрократизации общественной жизни за последние полвека написаны десятки, если не сотни книг и статей. Исследователи предупреждают, что всевластие чиновной бюрократии, ее стремление контролировать все и вся посредством бесчисленных циркуляров и мелочного администрирования, ограничивать возможности независимых от государства институтов и присущий ей контроль над всеми материальными ресурсами делают бюрократию не активным актором государственной и политической жизни, а балластом, который может потопить весь корабль. Угрозу заметили достаточно давно. Например, алармистской «классикой» темы можно считать работы американцев В. Острома [Ostrom 1973], Р. Мертон и П. Блау, во Франции проблему разрабатывал М. Крозье [Crosier 1964], и т. д. В предельной форме этот парадокс нашел выражение в ставшей популярной к концу XX в. идеологеме «постбюрократического общества», которой автор в свое время отдал дань [Оболонский 2002] и признает ее возможной альтернативой в общих рамках либертарной концепции государства. Существует немало и более современных работ, однако их обзор, как и общие вопросы данной проблематики, выходят за пределы темы статьи. Об американском опыте и попытках решения проблемы см., напр., [Оболонский 2014].

Однако вопрос о влиянии бюрократии не однозначен, а скорее амбивалентен. Рациональная бюрократия как таковая – важное и полезное социальное изобретение. Ведь современное государство трудно представить без повседневной работы многоуровневой машины бюрократического управления. Вместе с тем ни один другой общественный институт – как в России, так и за рубежом – не подвергается столь постоянной, ожесточенной и часто вполне справедливой критике, как бюрократия. В ней видят один из худших пороков цивилизации, едва ли не главную угрозу человеческой свободе и общественному прогрессу.

Отрицание полезности бюрократии на ценностном уровне имеет давнюю историю. Подобные идеи проявлялись в ранних работах К. Маркса. (см. [Макаренко 1985]). В той же парадигме находятся анархистские и отчасти либертарные концепции общественного устройства. В рамках же классической либеральной парадигмы отношение к государственной бюрократии, разумеется, не столь радикально отрицательное, но тоже весьма сдержанное и настороженное. Перефразируя одного из основоположников политического либерализма В. фон Гумбольдта, можно сказать, что бюрократия в лучшем случае – зло неизбежное, в худшем же зло нестерпимое. Тем не менее, мало кто из серьезных аналитиков в области государственной власти и управления возьмет на себя смелость отрицать ценность бюрократии для нормального функционирования современного общества. Проблема заключается не в бюрократии как социальном феномене и институте, а в ее злокачественных патологических разрастаниях, в ее непомерной и агрессивной эскалации, экспансии во все сферы общественной жизни. Широкий круг связанных с данной темой вопросов рассмотрен, например, в [Государственная служба... 2009]. Для настоящей статьи представляется достаточным обозначить общий контекст и напомнить о базовой дилемме проблематики.

Главная же задача статьи – предложить классификацию системных дефектов современных социальных наук и описать основные проблемы, которые они порождают. Данные дефекты в той или иной мере присущи большинству таких наук. Негативные последствия также имеют общий характер.

С определенной долей условности разделим негативные факторы на две группы: социальные и морально-психологические¹ факторы и методологические факторы. Оговорим также, что автор не считает нижеприведенную классификацию единственно возможной.

Социальные и морально-психологические факторы

Отсутствие у бизнеса и власти прагматического интереса к поддержке фундаментальной науки. Фундаментальные знания плохо окупаются в материальном смысле – во всяком случае, в краткосрочной перспективе. Бизнес же, как правило, заинтересован в быстрой отдаче от инвестиций, особенно в наших условиях повышенной неопределенности и рисков. Вкладываясь в науку, бизнес выбирает те исследования, которые обещают быстрый возврат средств и не связаны с риском неудачи, что не характерно для фундаментальной науки с ее высокой неопределенностью, а иногда и непредсказуемостью результатов. Как правило, такие работы носят сугубо прикладной характер или представляют собой технологические доработки уже полученного научного результата. Похожая ситуация наблюдается и в естественных науках. Выражаясь экономическим языком, вложения в фундаментальную науку плохо капитализируются.

Властные структуры также не слишком заинтересованы в поддержке фундаментальных исследований в области социальных наук, результаты которых по своей сути мало предсказуемы, а также могут привлечь внимание к так называемым «неудобным» вопросам. Политикам и чиновникам проще не замечать вероятные «неудобные» результаты, либо стигматизировать их как происки «иностранных агентов» или «успокоить душу» результатами альтернативными, более приятными, которые всегда смогут обеспечить аффилированные с ними исследователи.

Эффект ангажированности, зависимости исследователя от руководителей, власти, от заказчиков исследований из числа чиновников, от официальной точки зрения, от собственной привязки к определенной научной школе или традиции, наконец, от своих не-

¹ В данном случае автор считает целесообразным рассматривать их в качестве единого блока.

формальных отношений. Такая зависимость бывает организационной или морально-психологической, а часто у исследователей одновременно присутствуют оба ее типа. На этой почве возникает внутренняя коллизия – своего рода конфликт интересов – между поиском научной истины (стремлением к получению объективного результата) с одной стороны и личной выгодой (групповой лояльностью, персональными моральными обязательствами и т. д.) – с другой. В данной ситуации прямая материальная зависимость или служебная ангажированность – случай наиболее простой и понятный. Феномен гораздо сложнее и многограннее. Зависимость морально-психологическая – вещь тонкая, которую иногда не вполне осознает сам человек. Для ее субъективной внутренней легитимации существуют механизмы психологической защиты – рационализация, сублимация, вытеснение из сознания и т. д. Однако ущерб поиску истины от этого не становится меньше. Чувство свободы, внешней и внутренней независимости – необходимое условие полноценного научного творчества. Не случайно даже само слово «профессор» происходит от латинского *profiteri*, что означает «свободно исповедовать свои убеждения». Реальная же ситуация во многом благоприятствует распространению и процветанию другого типа научных работников, для которых пафос поиска истины и потребность свободы находятся на шкале ценностей ниже соображений конформности, которая в некоторых случаях доходит до прямой угодливости по отношению к держателям и распределителям разного рода ресурсов.

Данная тенденция также способствует распространению в научных кругах принципа «самоограничения компетентности»: исследователи теряют общенаучное интеллектуальное «любопытство», потребность заглянуть за пределы своей непосредственной темы, прямо связанной с конкретными исследованиями человека. На взгляд автора, «самоограничение компетентности» также отчасти порождено тенденцией к раннему определению узкой специализации. Она не подталкивает научного работника к расширению своего кругозора, к получению знаний и представлений за границами его исследовательского «огорода», и, тем более, к повышению уровня общей культуры. Между тем, все эти процессы жизненно необходимы для формирования и развития личности подлинного ученого в области социального и гуманитарного знания – особенно на ранних этапах научной карьеры. Представляется, что замкнутость в узко профессиональных рамках несовместима с самой сутью социальных и гуманитарных наук. В них (в отличие от точных и естественных наук) наиболее очевидно проявляется то обстоятельство, что узкая общая образованность и интеллектуальная ограниченность человека, претендующего на роль ученого, как минимум не способствует глубокому пониманию им даже частных исследовательских проблем и задач, что, в частности, мешает формировать адекватные исследовательские гипотезы, а также правильно выбирать объект и предмет исследования.

Помимо отсутствия психологической потребности в академической и более широкой общей свободе, существует и другой, еще более разрушительный для науки феномен.

Сознательное принятие статуса «ученых приказчиков» при чиновных «вельможах». В отличие от предыдущего фактора, здесь отсутствует неполная осознанность выбора или какая-либо критическая саморефлексия, а преобладает вполне сознательный, расчетливый сервиллизм – позиция, выгодная в карьерном и материальном отношениях. Она выводит плоды трудов такого субъекта, как и его самого, за пределы науки в подлинном смысле слова. Ущерб от профанации науки руками и устами подобных «псевдоученых» очень велик.

В качестве примера можно привести муссирование идеи «особого пути» России в научных работах. Не углубляясь здесь в подробное ее обсуждение, стоит отметить, что оправдание настоящего через мифологизированное приукрашивание прошлого – типичный вариант апологетики авторитарных режимов. В исторической науке существует спе-

циальный термин для ситуаций, когда прошлое оценивают по политическим и моральным критериям настоящего – презентизм. В том же контексте можно рассматривать и идеи национальной исключительности. Так, в текстах латиноамериканских исследователей, посвященных своим странам и претендовавших на статус научных работ, приходилось читать и о чилийском «особом пути», и о перуанском «народе-богоносце», об аргентинской «ментальной державности» и даже об «уругвайской «всечеловечности». Приведенные мантры открывают широкое поле для иронических интеллектуальных упражнений, однако они достаточно красноречиво говорят сами за себя и не нуждаются в особых комментариях в контексте данной статьи. В общем же плане данное явление можно считать симптомом социального неблагополучия, которое не получается объяснить (и тем самым оправдать) другими аргументами.

В силу важности вопроса следует заметить, что фаталистический взгляд на отечественную историю лишь через призму нашей «неизбывной рабской национальной политической ментальности» и обусловленной этим якобы непреодолимой зависимости от своего прошлого, невозможности смены исторической колеи как минимум не вполне неадекватен даже в фактическом, конкретно историческом плане. Многие ключевые события и «перекрестки» российской истории не вписываются в данную идеологическую конструкцию (см. [Оболонский 2002; Травин 2018; Травин 2021; Карацуба, Курукин, Соколов 2015]). В то же время в прошлом большинства стран-«эталонов» демократического развития были не только отдельные события, но даже целые исторические периоды, которые по меньшей мере не красят их народы. Не случайно серьезные историки, как правило, описывают прошлое своих стран и регионов достаточно сбалансировано и самокритично. Тут уместно привести малоизвестную цитату британского ученого, поэта и богослова ирландского происхождения К. Льюиса: «История любой страны кишит постыднейшими фактами... Когда мы узнаем об истории больше, патриотизм наш рухнет или сменится злым цинизмом или мы нарочно откажемся видеть правду. Образ прошлого может укрепить нас и при этом не обманывать. Опасен этот образ ровно в той мере, в какой он подменяет серьезное историческое исследование» [Льюис 1992, 248].

Морально-психологические сетования и ламентации по поводу исторической неудачливости и обреченности России также деморализующе влияют на наше гражданское сознание и настрой, подавляя в людях инициативность, подрывая мотивацию добиваться позитивных перемен. В своих крайних проявлениях они выглядят как своего рода комплекс национальной неполноценности, что выводит данную позицию за пределы научного обсуждения. По сути, «особый путь» в такой версии представляет собой псевдонаучное обоснование непреодолимости авторитаризма. Труды «профессионалов-особистов», извлекающих прямую выгоду из мифа об «особости», представляют интерес не в научном плане, а совсем в иных аспектах, прежде всего с точки зрения их социальной ответственности перед обществом. С другими исследователями дело обстоит несколько сложнее. О них речь пойдет в следующем пункте.

Перестраховочная трусливость: прикрываемое наукообразием стремление под разными якобы научными предлогами уйти от описания и изучения базовых социальных и политических проблем объекта изучения в мелкотемье – к научно малозначимым и вторичным частностям. Один из приемов подобной перестраховки – аргумент от лица якобы «научной строгости», когда научные журналы отвергают острые, критические по отношению к реальности тексты под предлогом их «публицистичности», эмпирической недоказанности утверждений и т. п. По наблюдениям автора, часто за данным аргументом стоят мотивы, которые далеки от подлинных интересов науки как института по производству нового знания. Напротив, данная модель поведения становится плодотворной почвой для

расцвета квазинауки. В некоторых случаях она мешает новым направлениям развиваться и формироваться в полноценные научные отрасли. Порой подобную ситуацию можно наблюдать даже в изданиях, достаточно авторитетных по формальным – ВАКовским и цитатным – критериям. Конкретных примеров немало, однако автор не будет их называть по этическим соображениям, лишь отметив, что лично сталкивался с подобным – в частности в журнале, с которым много лет сотрудничал в качестве и регулярного автора и члена редколлегии.

Самообман ценностной нейтральности. По мнению автора, так называемый внеценностный подход (value free approach) в лучшем случае можно считать добросовестным самообманом исследователя. В социальных науках, в отличие от наук естественных, ценностная позиция исследователя и связанная с ней субъективность – неустранимый элемент познавательного процесса, который влияет на выбор темы, формулирование научных гипотез и интерпретацию результатов. Другое дело, что субъективность допустима лишь на этапах выбора объекта исследования, разработки его концепции и программы, т. е. на начальных и заключительных (аналитических) его стадиях, но не на стадиях сбора и анализа материалов. Так, автор не считает, что его либерально-демократические убеждения наносят какой-либо ущерб исследовательским занятиям – а в определенных случаях они даже могут придать исследованиям дополнительную ценность в общеконцептуальном плане. Разумеется, всегда необходимо соблюдать условия максимально доступной полноты и разносторонности подлежащих анализу материалов, а также интеллектуальной честности по отношению к тем взглядам и фактам, которые не согласуются или противоречат собственной концепции исследователя. Причем это в равной мере относится и к естественным, и к социальным наукам.

Во избежание предвзятости после завершения начальных стадий работы ценности и убеждения исследователя должны быть «заперты на ключ». Например, данный принцип очень важно соблюдать в конкретной социологии, начиная от формулирования программных и анкетных вопросов и до отбора анкетеров. Условие научной достоверности, непредвзятости полученных результатов, собственно, и отличает добросовестные исследования от псевдонаучных, ангажированных штудий, которые, в частности, свойственны ряду российских политологических и социологических центров.

Влияние человеческого фактора на интеллектуальную деятельность надо не игнорировать, а принимать его во внимание, учитывать и при необходимости ограничивать или элиминировать. Автор в целом не считает идейную индифферентность, идеологическую стерильность необходимым атрибутом «научности» и объективности. Разумеется, убеждения, политические ориентации и тем более эмоции не должны влиять на объективность научного анализа, особенно на его технологическую часть и на работу с материалом. Однако полностью абстрагироваться от своих взглядов невозможно ни в политике, ни в науке, ни в других областях человеческой деятельности. Это было бы утопией. Ведь исследователи обычно принадлежат к той или иной научной школе, в которой принята определенная когнитивная парадигма, что ограничивает его видение проблемы. Определенная степень субъективности как бы изначально задана рамками конкретной области знания, научной дисциплины или личной концепции. Данные факторы нельзя устранить. Их следует учитывать как неизбежность, одновременно не закрывая на них глаза. По мнению автора, только так можно блокировать вред, который может нанести имманентная субъективность, ценностная и концептуальная ангажированность. Позиция исследователя, который заявляет о своей якобы полной ценностной и эмоциональной отстраненности от социального или гуманитарного объекта изучения, о холодном безразличии к результатам не вызывает особого доверия, а скорее представляется интеллектуальным лукавством или кокетством.

Методологические факторы

Подмена содержательных критериев оценки научной значимости работ формальными показателями. Имеется в виду абсолютизация таких критериев оценки труда ученого, как публикационная активность (количество его статей в так называемых высокорейтинговых журналах), индекс цитируемости работ, регулярность публикаций и т. п. Между тем, обстоятельные исследования данного феномена показывают их ограниченную адекватность, а отчасти и искажающий объективную картину характер [Рубинштейн 2019, 245–259; Рубинштейн, Городецкий 2018]. «Игра в цифирь» как инструмент управления наукой не слишком нужна как самим ученым, так и институту науки как таковому. Профессионалы в любой из областей науки, как правило, и так знают, «кто есть кто» в их сфере исследований. Формальные же показатели дают обманчивую картину. В основном они нужны тем, кто слабо разбирается в самой науке, но по должности или другим причинам нуждается в «простоте» и ясности – прежде всего чиновникам. Им такие «подсказки» действительно облегчают жизнь. И, наверное, не стоит этим обстоятельством полностью пренебрегать. Однако вряд ли стоит использовать их как один из основных критериев оценки ценности научных исследований и работ конкретных исследователей. Цитируемость как измеритель эффективности науки превратилась «в административную дубинку», которая не только ранжирует ученых по данному сомнительному показателю, но также искажает основания и критерии оценки научной значимости целых исследований. Неадекватность и негативные последствия данной тенденции в сфере гуманитарного знания обстоятельно проанализировал коллектив философов в [Идеи и числа 2016, 59-60]. Административное принятие концепции прямой связи между научной ценностью публикаций и их цитированием породило нарастающий поток некачественных работ, что нанесло «ущерб реальной содержательной деятельности» [Мастепанов 2020, 5; Молини, Боденхаузен 2017; Рубинштейн, Бураков 2021].

Разумеется, критика наукометрии не означает отрицание ее практической полезности. По мнению автора, она имеет вполне определенную – хоть и ограниченную – инструментальную ценность и сферу применения. Однако ее неоправданно широкое, повальное использование в качестве ведущего критерия оценки научных работ и исследователей понизило качество исследований, создало стимул (а для некоторых исследователей и необходимость) стремиться не к глубине исследования, а к количеству публикаций, продуцировало мелкотемье и увеличило количество скороспелых публикаций с малой научной ценностью.

Также встречается феномен манипуляции рейтингами журналов, чаще всего исходящий от подвизающихся на ниве науки морально нечистоплотных людей. Спрос рождает предложение – соответственно, появились журналы, которые «обслуживают» данную (якобы объективную, но на самом деле далеко не совершенную) систему. Многие исследователи регулярно получают «заманчивые» предложения от разных – в лучшем случае сомнительных – изданий. Стоит повториться: данная система оценки удобна прежде всего людям, которые далеки от науки, но стремятся или уполномочены оценивать ее эффективность, что соответствует обозначенному в статье тренду избыточной бюрократизации и формализации управления наукой.

Подобная фиксация на формальном «показателе», которую помнят люди старшего поколения, еще на примере экономики СССР продемонстрировала свою контрпродуктивность – в конечном счете она стала одной из причин кризиса советской управленческой машины. Попытки воспроизвести ее в нынешних условиях – особенно применительно к науке, которая по самой своей сути содержит высокий уровень неопределенности – негативно влияют на потенциал и перспективы ее полноценного развития. Повышение

управляемости наукой, которое якобы произошло в результате формализации критериев оценки, во многом иллюзорно, а то и просто вводит в заблуждение. Одновременно данная управленческая модель наносит ущерб социальным наукам как институту, который должен создавать знание и отвечать реальным общественным интересам, а не подстраиваться под конъюнктурные служебные нужды чиновничьего аппарата. Большинство ученых – во всяком случае в академической среде – отрицательно относятся к навязанным стандартам оценки их труда, которые порождают принципиально ущербные «правила игры».

Избыточные требования к стандартизации структуры и формата изложения научных текстов, требования формального единообразия. Вероятно, данный фактор должен воспитывать и дисциплинировать исследователей, которые находятся на ранних стадиях научной карьеры. Однако как обязательный подход такие требования скорее приносят вред, чем пользу. В таком творческом виде интеллектуальной деятельности, как наука – тем более наука социальная – любая унификация как минимум не способствует привлечению и выдвижению людей с неординарным типом мышления и способами выражения мыслей. Стремление же «построить» таких авторов, предъявляя, например, универсальные требования к форме и структуре изложения материала, «выталкивает» их за пределы научных изданий. На взгляд автора, данная тенденция отражает один из пороков бюрократического сознания, которое склонно к упрощенческому, «плоскостному» видению вопросов, что имманентно чуждо подлинной науке. Экспансия подобного **видения** на науку неприемлема и контрпродуктивна. Неуместно предъявлять одинаковые требования к текстам правового или административного характера, по своему назначению обладающим нормативной, инструктивной силой, и к текстам научным – по природе творческим, свободным и, как правило, дискуссионным.

Условие обязательности эмпирического доказательства каждого утверждения и научного суждения. Данное требование более или менее адекватно применять по отношению к естественным и техническим наукам, но в науках социальных и гуманитарных оно не представляется существенно необходимым. Социальные объекты – системы высоко сложные и многофакторные, они обладают собственной спецификой, а доступ к информации о них ограничен. Информация о них может быть принципиально неполной и потенциально недостоверной, а возможности ее интерпретации гораздо шире, чем в точных науках. Да и в целом проблемы, связанные с эмпирическими данными и отношением к ним, достаточно сложны и далеки от однозначного толкования. Неслучайно работы Нобелевских лауреатов 2021 г. по экономике посвящены, в частности, «революции достоверности» (термин введен одним из лауреатов Д. Энгристом).

«Принуждение к эмпиричности» ограничивает рамки научного поиска и суждения, наносит ущерб науке как гносеологически, так и эпистемологически. Оно ведет к серьезным содержательным потерям, так как порой на подобном ложном основании отвергаются как якобы публицистические и «ненаучные» суждения обобщающего – философского в широком смысле – характера. Иными словами, в статусе «научности» отказывают суждениям и оценкам общего характера лишь потому, что они напрямую не верифицированы эмпирикой, хотя зачастую за ними стоят глубокие размышления и опыт. В данном отношении требование эмпирических доказательств аналогично по последствиям предыдущему фактору. По мнению автора, оно влечет негативные последствия для адекватного аналитического осмысления социальных феноменов и процессов, работая на понижение общественного авторитета социальных наук, которое наблюдается в последнее время. В частности, подобные последствия могут привести к отрицанию научной корректности метода включенного личного наблюдения исследователя, который, в частности, служит одним из важнейших источников получения достоверной информации в науках об управлении.

Завышенные ожидания, связанные с перспективами развития «искусственного интеллекта», цифровизацией, big data и т. д. Данный позитивный и многообещающий тренд, как и любой сложный феномен, содержит в себе и несомненные достоинства, и определенные издержки, и даже потенциальные опасности. Практика показывает, что чрезмерно оптимистичные ожидания при избыточных надеждах могут оказаться в каком-то смысле контрпродуктивными. Такое нередко происходит, когда некое, пусть даже самое прогрессивное явление, начинают рассматривать как универсальную панацею, которую необходимо немедленно внедрить. В результате подобное «внедрение» часто происходит недостаточно квалифицированно и неполноценно, а иногда и просто превращается в профанацию, важную лишь для формального «отчета о внедрении».

В качестве аналогии можно вспомнить ажиотаж и разочарование, связанные с приходом в социальные науки кибернетики в 1960–1970-е гг. После ее политической «реабилитации» власти пытались подменить радикальное реформирование очевидно неэффективной централистской модели государственного управления повсеместным внедрением системы АСУ. В итоге это вылилось в профанацию и манипуляции (причем на всех уровнях управления) и обошлось государству примерно в 30 млрд тогдашних рублей. Можно привести и другие, более актуальные примеры в науке и за ее пределами (хотя бы тотальную вырубку виноградников под флагом «борьбы с пьянством»), однако это отвлекло бы нас от главной темы.

Автор полагает, что упования на цифровую «волшебную палочку» отчасти носят иллюзорный характер. С точки зрения автора, они в лучшем случае представляют благонамеренный самообман, на деле оказываясь технократической попыткой ухода от базовых проблем и причин неблагополучия. В худшем же варианте за данной тенденцией видится попытка возродить над обществом тоталитарный контроль на новой «прогрессивной» основе.

Думаю, было бы излишним убеждать читателя, что сказанное выше несколько не направлено против дигитализации общественных наук как таковой. Развитие адекватных математических методов анализа социальных явлений, формирование честной статистики, сетей, баз данных и т. д. несомненно работают на прогресс науки. Однако чрезмерные упования на цифровизацию, как и в других случаях поверхностного увлечения модными новыми технологиями, может привести к перекосам и опасностям, которые, по мнению автора, недооцениваются. Также в результате данной тенденции снижается интерес к другим, не менее важным компонентам научного знания и оценки научных текстов. В частности, заметна некоторая девальвация роли эвристики и научной интуиции, которая порой выводит исследователя за пределы не только «цифири», но и рационального в узком смысле слова. К тому же, само понятие рациональности, как известно, неоднозначно в гносеологическом смысле. Например, французский философ Ж. Маритен, рассуждая о рациональности применительно к получению знания в социальной и гуманитарной областях, подразделяет ее на два вида – рациональность техническую и рациональность моральную [Маритен 2000, 59].

Здесь уместно вспомнить и парадоксальную фразу Н. Бора о теории недостаточно безумной, чтобы быть истинной. По мнению автора, ее смысл – подчеркнуть важность интуитивного подхода к объекту научного исследования, который выходит за рамки подхода рационалистического.

Соблазн формального наукообразия, который возникает по совокупности названных моментов, представляет, по мнению автора, угрозу науке как институту, производящему реальное научное знание. Редукционистское, ограниченное, интеллектуально обедненное понимание науки в итоге отсекает логический анализ и «абстрактные» рассуждения, кото-

рые чаще всего и приращивают знания, выводят нас на более высокий уровень понимания социальных процессов. Вместе с тем за рамками «подлинной» науки оказываются целые области и пласты общественно значимого социального и гуманитарного знания, такие как социальная философия, теория политики, ряд гуманитарных наук.

Одновременно статус научности зачастую приобретают тексты (включая и статьи в авторитетных журналах) с малой содержательной ценностью, а то и просто пустые. Их признают наукой во многом лишь из-за наличия в них рядов «цифери» и таблиц, хотя эвристическая их ценность – не только в теоретическом, но и в прикладном, практическом отношении – часто близка к нулю. Они иногда вытесняют из научных изданий работы содержательные, но не подкрепленные математизированными доказательствами. Вопрос о том, кому это выгодно, оставим за рамками данной статьи.

Последствия деформаций

О рассмотренных тенденциях нам важно говорить и думать, поскольку они негативно влияют и на качество научных работ, и на научные судьбы конкретных исследователей. Вопреки всем официальным уверениям и формальным показателям, проблемы видны невооруженным глазом. Конечно, существование таких проблем не означает, что перестают появляться интересные – в отдельных случаях даже прорывные – исследования, а результаты таких исследований не будут публиковать. Однако появляются они скорее вопреки описанным факторам и тенденциям – благодаря таланту, энтузиазму, преданности научным ценностям отдельных ученых и коллективов. Общий же тренд и его основные элементы, по мнению автора, не благоприятствуют полноценному развитию социальных наук, а в чем-то и работает на понижение их уровня.

Представляется, что кумулятивный негативный эффект данных тенденций ведет к определенной девальвации фундаментальной науки в социальной сфере исследований, к понижению ее репутации и частичном вытеснении ее научными симулякрами. Индексы цитирования и публикационная активность даже в лучшем случае лишь косвенно свидетельствуют о состоянии той или иной области науки, а порой и камуфлируют неблагополучие. В некоторых политически чувствительных областях данная тенденция привела к неполной адекватности научного описания явлений и, как следствие, неполноценности их анализа. Более того, в некоторых случаях есть основания говорить о неполноценности научной дисциплины в целом.

Изложенные выше соображения могут быть неприятны для части коллег-исследователей, даже вызвать у них протест и возражения. Автору самому сознавать и писать это было психологически непросто и даже травматично, поскольку социальной науке он посвятил основную часть жизни. Однако именно поэтому его долг как ученого – поделиться с коллегами этими тревожными соображениями. Разумеется, они не должны задевать многих прекрасных, умных и добросовестных ученых, которые плодотворно работают в разных областях социального знания. Тем не менее, данные проблемы достаточно серьезны, и их игнорирование противоречит общим интересам исследователей. В данном – и во многих других – отношениях решающую роль может сыграть субъективный, человеческий фактор. Ситуация не изменится, пока сами ученые в полной мере не осознают свою социальную ответственность, в частности, решительно не отторгнут роль «ученых приказчиков» даже при неблагоприятных ситуативных обстоятельствах, а порой и ценой карьерных и материальных потерь. Разумеется, подобного рода решения – личный выбор каждого. Однако, по мнению автора, это – существенная часть «морального контракта», который каждый ученый заключает при вступлении на весьма непростую научную стезю.

В любом случае вряд ли получится избежать как разного рода коллизий, так и сложностей, связанных с моральным выбором. Конечно, совершать выбор «правильный», который будет максимально соответствовать принципам научной и человеческой этики, личным интересам самого исследователя и его пониманию общих интересов науки, гораздо легче и комфортней, когда существуют адекватные институты, обеспечивающие функционирование науки как особой, уникальной сферы человеческой деятельности. Независимость интеллектуальных – в частности научных – суждений необходимо защищать институционально, с чем в современной России есть проблемы. При наличии полноценных институтов корпоративная этика ученых и представителей других творческих профессий не допустит прямого вмешательства административного аппарата в профессиональные вопросы. Конечно, и в такой ситуации порой будут возникать весьма нелицеприятные дискуссии и жесткие публичные споры внутри самих интеллектуальных сообществ. Однако, уповая на перспективы совершенствования институтов, было бы не вполне морально и стратегически неверно избавлять себя от личной ответственности за поступки «здесь и сейчас». Ведь даже в условиях несовершенных институтов возможно делать достойные и полезные вещи. И, с другой стороны, даже хорошие институты не гарантируют защиты от поступков недобросовестных.

В заключение хотелось бы высказать надежду, что привлечение внимания к систематизированным в статье деформациям науки сыграет определенную положительную роль. Любые же аргументированные возражения, несогласия и дополнения в любом случае пойдут на пользу тому делу, которому ученые стремятся служить своими силами, разумом, научной совестью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Государственная служба: комплексный подход: история, политология, страноведение, оплата труда, реформы, право (2009). М.: Дело. 512 с.

Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований (2016) Коллектив авторов. М.: Прогресс-Традиция.

Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. (2015) Выбирая свою историю. Развилки на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: Corpus.

Льюис К. (1992) Любовь. Страдание. Надежда. Притчи. Трактаты. М.: Республика. 432 с.

Макаренко В.П. (1985) Критика бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Р.-н.-Д.: Изд-во Ростовского университета.

Маритен Ж. (2000) Человек и государство. М.: Идея Пресс. 196 с.

Мастепанов А.М. (2020) Публикационная активность в научных изданиях: отражение научных достижений или способ выбивать деньги // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. № 9 (189). С. 5–8.

Молини А., Боденхаузен Д. (2017) Библиометрия как оружие массового цитирования // Вестник Российской академии наук. Т. 87. № 1. С. 70–77.

Оболонский А.В. (2002) Человек и власть: перекрестки российской истории. М.: Наука.

Оболонский А.В. (2002) Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. М.: Дело.

Оболонский А.В. (2014). Кризис эффективности административно-бюрократического государства и поиски выхода: опыт США (эволюция теории и практики государственного управления в последние десятилетия) // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 145–170.

- Оболонский А.В. (2019) Чиновник как социальное зло (патологии бюрократического сознания) // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 87–98.
- Рубинштейн А.Я. (2019) Не РИНЦем единым // *Журнал Новой Экономической Ассоциации*. № 4 (44). С. 245–259.
- Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. (2018) Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // *Журнал институциональных исследований*. Т. 10. № 4.
- Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А. (2021) Экономические журналы в оптике наукометрии // *Журнал Новой Экономической Ассоциации*. № 2 (50). С. 205–216.
- Травин Д.Я. (2018) «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб.
- Травин Д.Я. (2021) Почему Россия отстала? СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб.
- Crosier M. (1964) *The Bureaucratic Phenomenon*. Chicago: University of Chicago Press. 320 P.
- Ostrom V. (1973). *The Intellectual Crisis in American Public Administration*. Tuscaloosa, London: The University of Alabama Press.

REFERENCES

- Crosier M. (1964) *The Bureaucratic Phenomenon*. Chicago: University of Chicago Press. 320 P.
- Gorudarstvennaya slushba: kompleksny podkhod* [Public Service: The Complex Approach] (2009). Moscow: Delo.
- Idei i chisla. Osnovaniya i kriterii ocenki rezul'tativnosti filosofskih i sociogumanitarnykh issledovaniy* [Ideas and Numbers. Grounds and Criterias for Evaluating the Effectiveness of Philosophical and Socio-Humanitarian Research] (2016) Team of authors. Moscow: Progress-Tradiciya.
- Karatsuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P. (2015) *Vybiraya svoju istoriyu. Razvilki na puti Rossii: ot Ryurikovichej do oligarhov* [Choosing Your Own History. Forks in the Russia Paths: From the Ruriks to the Oligarchs]. Moscow: Corpus.
- Lewis K. (1992) *Lyubov'. Stradanie. Nadezhda. Pritchi. Traktaty* [Love. Suffereing. Hope. Proverbs. Treatises]. Moscow: Respublika. 432 p.
- Makarenko V.P. (1985) *Kritika byurokratiyi klassovo antgonisticheskogo obshzhestva v rannikh rabotakh Karla Marrsa* [Critics of Bureaucracy of a Class Antagonistic Society in the Early Works of Karl Marx]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta.
- Mariten J. (2000) *Chelovek i gosudarstvo* [Man and State]. Moscow: Ideya Press. 196 p.
- Mastepanov A.M. (2020) Publikatsionnaya aktivnost' v nauchnykh izdaniyakh: otrazhenie nauchnykh dostizheniy ili sposiob vybivat' den'gi [Activity in Scientific Publications: Reflection of Research Achievements or Way for Money Knocking]. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom*. no. 9 (189), pp. 5–8.
- Molini A., Bodenhausen D. (2017) Bibliometriya kak oruzhie massovogo tsitirovaniya [Bibliometry as a Weapon of Massive Citation]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*. vol. 87, no. 1, pp. 70–77.
- Obolonsky A.V. (2002) *Chelovek I vlast': perekrestki rossiyskoy istorii* [Man and Power: Crossroads of the Russian History]. Moscow: Nauka.
- Obolonsky A.V. (2002) *Byurokratiya dlya XXI veka? Modeli gosudarstvennoy sluzhby: Rossiya, SSHA, Angliya, Avstraliya* [Bureaucracy for the 21st Century? Patterns of Public Service: Russia, USA, England, Australia]. Moscow: Delo.
- Obolonsky A.V. (2014) Krisis effektivnosti administrativno-byurokraticheskogo gosudarstva i poiski vykhoda: opyt USA [Crisis of Administrative Bureaucratic State Effectiveness and Searches for Solution: Experience of USA]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. no. 2, pp. 145–170.

Obolonsky A.V. (2019). *Chinovnik kak sotsial'noe zlo (patologii byurokraticheskogo sovnaniya)* [Public Official as a Social Evil (Pathologies of Bureaucratic Consciousness)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. no.1, pp. 87–98.

Ostrom V. (1973). *The Intellectual Crisis in American Public Administration*. Tuscaloosa, London: The University of Alabama Press.

Rubinshtein A.Ya. (2019) *Ne RINTSem edinyim* [Not by the RINTS Alone]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. no. 4 (44), pp. 245–259.

Rubinshtein A. Ya., Gorodetskiy A.E. (2018) *Gosudarstvenny paternalism i paternalistskiy provall v teorii opekaemykh blag* [State Paternalism and Paternalistic Failure in the Theory of Guardiated Goods]. *Zhurnal institutsionl'nykh issledovaniy*. vol.10, no. 4.

Rubinshtein A. Ya., Burakov N.A. (2021) *Ekonomicheskiye zhurnaly v optike naukometrii* [Economical Journals through the Optics of Science measuring]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. no. 2 (50), pp. 205–216.

Travin D.Ya. (2018) *“Osoby put” Rossii: on Dostoevskogo do Konchalovskogo* [“Special Path” of Russia: From Dostoevskiy to Konchalovskiy]. Saint-Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v SPb.

Travin D.Ya. (2021) *Pochemu Rossia otstala?* [Why is Russia Lagging Behind?]. Saint-Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v SPb.

Информация об авторе

Оболонский Александр Валентинович, доктор юридических наук, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000. E-mail: aobolonsky@hse.ru

About the author

Alexander V. Obolonskiy, Doctor of Sciences (Law), Professor, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russian Federation, 101000. E-mail: aobolonsky@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 27.11.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 25.01.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 01.02.2022

DOI: 10.31857/S0869049922010075

Трибуна молодого ученого TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Оригинальная статья / Original Article

Модель влияния цензуры на общественное мнение в социальных медиа

© К.А. ТОЛОКНЕВ

Толокнев Кирилл Александрович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), kirtoloknev@gmail.com

В настоящее время все актуальнее становятся исследования влияния цензуры на формирование общественного мнения. Значительное количество статей посвящено цензуре в социальных медиа и ее воздействию на политические коммуникации, однако большинство из них не учитывают важную черту пользователей социальных медиа – гомофилию, то есть тенденцию вступать во взаимодействие со схожими людьми. Принимая во внимание сложность исследования данного вопроса при помощи эмпирических методов, в данной статье рассматривается вычислительная модель, которая симулирует формирование общественного мнения в социальных медиа при различных уровнях гомофилии. Предложенная модель показывает, что эффективность цензуры в значительной мере зависит от уровня гомофилии. При низком ее показателе даже крайне слабая цензура эффективна: общественное мнение стабильно сдвигается в сторону не подвергаемых цензуре мнений. Однако при росте гомофилии ситуация меняется. Недостаточное цензурирование либо неэффективно, либо ведет к противоположному эффекту: общественное мнение сдвигается в сторону цензурируемых мнений. В условиях средней и высокой гомофилии только обширная цензура позволяет достичь желательных для цензоров результатов.

Ключевые слова: цензура, социальные медиа, агентно-ориентированная модель, вычислительное моделирование, общественное мнение, динамика мнений, политические коммуникации

Цитирование: Толокнев К.А. (2022) Модель влияния цензуры на общественное мнение в социальных медиа // Общественные науки и современность. № 1. С. 127–144. DOI: 10.31857/S0869049922010075

Model of Censorship Influence on Public Opinion Formation in Social Media

© K. TOLOKNEV

Kirill A. Toloknev, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia), kirtoloknev@gmail.com

Abstract. Importance of research on how censorship influences the formation of public opinion in social media has grown significantly in recent years. However, existing research neglects potential effects of homophily, which is a tendency to create links with like-minded individuals. Considering difficulties conducting such research with empirical methods, the author proposes a computational model. It simulates public opinion formation under different levels of homophily. Modelling shows two main outcomes. If the homophily level is low, even limited censorship effectively pushes public opinion away from censored opinions. Increasing level of homophily makes limited censorship ineffective and, under certain conditions, pushes public opinion towards censored opinions. Only extensive censorship remains effective under this condition.

Keywords: censorship, social media, agent-based model, computational modelling, public opinion, opinion dynamics, political communication

Citation: Toloknev K. (2022) Model of Censorship Influence on Public Opinion Formation in Social Media. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no.1, pp. 127–144. DOI: 10.31857/S0869049922010075 (In Russ.)

Вскоре после того, как сторонники Д. Трампа захватили здание Капитолия в январе 2021 г., крупнейшие социальные медиа заблокировали аккаунты на тот момент действующего президента США и ряда его сторонников. Наблюдатели, в зависимости от их политической позиции, рассматривали произошедшее либо как акт политической цензуры, либо как закономерный результат беспорядков или даже попытки государственного переворота. Блокирование (бан) обычных пользователей или уголовное преследование за публичное выражение нежелательных мнений в социальных медиа уже давно не считается чем-то необычным. Ряд авторитарных государств также стараются усилить контроль над высказываниями в социальных медиа. В любом случае, в последнее время значительно актуализировался вопрос о том, как подобного рода «вмешательство» в политическую коммуникацию влияет на климат мнений в социальных медиа. Эффективно ли оно – и если эффективно, то при каких условиях?

Цензура – ограничение доступа к определенной информации, которую цензурирующие органы считают «нежелательной». Следует отметить, что данное определение включает в себя цензуру не только со стороны государства, но и самих социальных медиа¹. Значительный объем литературы посвящен цензурированию социальных медиа авторитарными режимами. Исследователям удалось выделить его три основных механизма: «страх», «трение» и «затопление» [Roberts 2020]. Несмотря на рост интереса к исследованиям цензуры (как онлайн, так и офлайн), вопрос об ее эффективности остается открытым. Некоторые работы демонстрируют, что в определенных условиях она не только эффективно подавляет распространение нежелательных мнений, но и сдвигает общественное мнение в пользу «желатель-

¹ К примеру, до недавнего времени в Facebook посты в поддержку К. Риттенхауса компания удаляла, а поиск по имени блокировала [Clayton 2021].

ных». Другие показывают, что цензура неэффективна, и при ее применении цензурируемый контент становится интересен большему количеству пользователей. Однако данные исследования упускают важнейший аспект коммуникации в социальных медиа – гомофилию.

Гомофилия – тенденция к созданию социальных связей с людьми, которые обладают схожим социальным положением, возрастом, уровнем образования и, что самое важное, политическими предпочтениями [McPherson, Smith-Lovin, Cook 2001; Huber, Malhotra 2017]. Гомофилия значительно влияет на онлайн-коммуникации, способствуя формированию сообществ единомышленников – своего рода информационных «пузырей» [Cinelli, De Francisci Morales, Galeazzi, Quattrociocchi, Starnini 2021]. Однако ее воздействие на эффективность цензуры пока мало изучено как при помощи эмпирических методов, так и при использовании вычислительного моделирования. Отсутствие эмпирических работ в целом не вызывает удивления, так как перед исследователями встают как минимум две сложные задачи: измерение уровня гомофилии [Colleoni, Rozza, Arvidsson 2014] и определение эффективности цензуры. В то же время недостаток работ с использованием вычислительного моделирования представляется крупной «лакуной», учитывая то, насколько данный метод распространен в моделировании при формировании общественного мнения (динамики мнений). Если принимать во внимание, что вычислительные модели, в которых поведение системы симулируется в контролируемой модельной среде, позволяют создавать потенциально проверяемые на эмпирическом материале гипотезы, недостаточное количество вычислительных моделей вредит и эмпирическим исследованиям в данной сфере.

В настоящий момент существует две работы, посвященные моделированию цензуры в социальных медиа, обе написаны в 2021 г. [Wang 2021; Lane, McCaffree, Shults 2021]. Ни одна из них не учитывала потенциальное влияние гомофилии. Обе статьи скорее оценивают цензуру как неэффективный инструмент. С. Ванг в своей работе продемонстрировал, что в зависимости от количества не подверженных социальному влиянию агентов цензура может быть как эффективной, так и неэффективной. Дж. Лейн и его коллеги показали, что и централизованное, и децентрализованное цензурирование радикальных мнений ведет к большей радикализации, чего цензоры явно не желают. Эмпирические исследования также демонстрируют, что цензура может быть как эффективна, так и неэффективна.

Цель данного исследования – рассмотреть, как цензура в условиях различных уровней гомофилии влияет на формирование общественного мнения в социальных медиа. Предстоит установить, при каких уровнях гомофилии цензура эффективна и приводит к сдвигу общественного мнения в сторону не подвергаемых цензуре мнений, а при каких уровнях гомофилии она неэффективна – либо никак не влияет на формирование общественного мнения, либо ведет к обратному эффекту, сдвигая общественное мнение в сторону цензурируемых мнений.

Цензура в социальных медиа: эмпирические свидетельства

В своей статье от 2020 г. М. Робертс [Roberts 2020] выделила три основных механизма цензурирования онлайн-коммуникаций: «страх», «трение» и «затопление».

«Страх» – наиболее простой механизм действия цензуры, который предполагает наказание распространителя «нежелательной информации». Таким образом повышается цена доступа к «нежелательной информации» и ее распространения. Стандартный процесс модерации в социальных медиа основан на данном механизме. Такая цензура может быть эффективной и изменить поведение подвергнутых наказанию. Однако она оказывает обратный эффект на социальное окружение ее жертв, повышая их интерес к «нежелатель-

ной информации» [Pan, Siegel 2020]. Как отдельную формы цензуры «страхом» можно выделить так называемый «деплатформинг»² – относительно новую форму цензуры, которую проводят сами социальные медиа [Rogers 2020]. Дискуссии о его эффективности пока только начинаются, но можно предположить, что его эффект будет схож с результатом «обычной» цензуры при помощи страха: успешное «подавление» коммуникации репрессированного актора при временном всплеске активности его сторонников.

«Трение» – более продвинутый метод цензуры. В данном случае она представляет собой усложнение доступа к «нежелательной информации» простой блокировкой сайтов и селективным удалением информации (к примеру постов, призывающих к коллективным действиям [King, Pan, Roberts 2013]), а также с помощью манипуляции алгоритмами поисковых систем [Epstein, Robertson 2015] – потенциально наиболее мощной формы цензуры через «трение». Р. Эпштейн и Р. Робертсон продемонстрировали в серии экспериментов, что данный метод способен изменить электоральные предпочтения до 20% неопределившихся избирателей. Цензура через «трение», особенно с помощью манипуляции поисковыми выдачами, менее заметна (если о подобной манипуляции не объявляли публично [Калюков, Чебакова 2021]) и может проводиться как контролирующими социальные медиа государствами, так и самими социальными медиа. При цензурировании с помощью «трения» цена доступа к «нежелательной информации» и ее распространения повышается не за счет запугивания пользователей, а через увеличение необходимых для доступа к «нежелательной информации» времени и навыков (пользователям приходится использовать VPN-сервисы или открывать вторую страницу поисковой выдачи).

«Затопление» значительно отличается от прочих механизмов тем, что его нельзя назвать цензурой в строгом смысле. Он предполагает массированную целенаправленную генерацию контента – дезинформации, проправительственных материалов или развлекательного контента, которые «затапливают» социальные медиа и отвлекают внимание пользователя от поиска «нежелательной информации». Как особую форму «затопления» можно выделить так называемый «цифровой джерримендеринг»: гипотетическую форму манипуляции контентом [Zittrain 2013], когда социальное медиа нацеливает на определенный сегмент аудитории сообщения, которые поощряют или подавляют политическое участие (например, участие в выборах). Потенциальная эффективность такой формы манипулирования подтверждена проведенным в 2012 г. экспериментом [Bond, Fariss, Jones, Kramer, Marlow, Settle, Fowler 2012].

Для всех трех механизмов онлайн-цензуры характерна черта, которая отличает онлайн-цензуру от традиционной. В ее рамках практически не используют предварительное цензурирование: в основном ограничивают уже опубликованный контент. Конечно, есть пример использования списков «запрещенных слов» в китайском сегменте интернета – однако пользователи обходят такие фильтры, используя похожие в звучании или произношении слова³. Цензурирование написанных постов требует времени, что позволило Г. Кингу и его коллегам исследовать различия между цензурируемыми и нецензурируемыми сообщениями [King, Pan, Roberts 2014; King, Pan, Roberts 2013].

Цензура может оказывать двойное воздействие на общественное мнение. С одной стороны, иногда она вызывает обратный эффект и повышает интерес общества к цензуриру-

² Удаление нежелательных пользователей с интернет-платформ. В отличие от обычной модерации, деплатформинг предусматривает перманентную блокировку либо крупных интернет-знаменитостей, либо целых групп пользователей.

³ Примечательно, что к использованию слов-эвфемизмов перешли так же и группы «антипрививочников» в Facebook [Collins, Zadrozny 2021].

емой теме. Дж. Пан и А. Сигел показали, что после репрессий против твиттер-активистов в Саудовской Аравии количество критических постов со стороны их последователей временно увеличилось [Pan, Siegel 2020]. З. Наби в своем исследовании продемонстрировал, что попытки цензурировать Youtube в Турции и Пакистане привели к росту интереса к подвергаемому цензуре контенту [Nabi 2014]. С. Вонг и Дж. Лианг показали, что цензурированный контент могут воспринимать как заслуживающий большего доверия, чем не подвергнутый цензуре [Wong, Liang 2021]. Следует отметить, что данный эффект проявлялся только тогда, когда цензуру замечали пользователи. На данный момент исследователи не смогли выявить его при использовании более незаметных форм цензуры, к примеру в ситуациях, когда через манипуляции поисковой выдачей создается «трение» или сеть «затапливают» отвлекающим контентом. Весьма вероятно, что именно «заметность» цензуры делает ее неэффективной. Конечно, нельзя утверждать, что очень заметная китайская система онлайн-цензуры не работает, однако вероятно, что на потенциальную эффективность «заметной» цензуры влияет такой фактор, как низкий спрос на не подвергнутую цензуре информацию [Chen, Yang 2019].

С другой стороны, цензура может успешно подавить распространение нежелательной информации и сдвинуть общественное мнение в предпочтительную для цензора сторону. Можно выделить два механизма подобного воздействия, которые используют и в онлайн-, и в офлайн-цензуре:

1. Ограничение доступа к «нежелательной информации», которое способствует возникновению «спирали молчания» [Noelle-Neumann 1974]. Даже если цензурирование ведется не при помощи механизма «страха», который прямо увеличивает риски для сторонников «нежелательных мнений», оно способствует искусственному занижению количества активных сторонников «нежелательной» точки зрения. В результате наблюдаемое общественное мнение может не соответствовать истинному распределению позиций в обществе. «Спираль молчания» может возникать в социальных медиа и без влияния цензуры [Kim 2016], но цензура способствует усилению эффекта [Zhu, Fu 2020].

2. «Сдвиг» общественного мнения в «противоположную» от цензурируемой к более приемлемой для цензора точки зрения, который происходит из-за ограничения доступа к определенному спектру мнений. Цензура не только ограничивает распространение «нежелательной» информации, но и облегчает распространение «желательной». Данный эффект при цензурировании или государственном контроле традиционных медиа выявили М. Адена и ее соавторы в своем исследовании о радиопропаганде Веймарской республики и нацистской Германии [Adena, Enikolopov, Petrova, Santarosa, Zhuravskaya 2015]. Когда по радио агитировали в поддержку правительства и «про-демократических» партий⁴ (1930–1932 гг.), а НСДАП не допускали к эфиру, в районах с радиовещанием поддержка НСДАП снижалась, а в 1933 г., когда уже нацисты не допускали своих соперников к вещанию – увеличивалась. Наличие данного эффекта в онлайн-цензуре показали уже вышеупомянутые Эпштейн и Робертсон [Epstein, Robertson 2015].

Таким образом, можно выдвинуть первую гипотезу:

H1: использование цензуры сдвигает общественное мнение в сторону нецензурируемого мнения.

Стоит подвести промежуточный итог. Использовать цензуру в социальных медиа может как государство, так и негосударственные акторы: сами социальные медиа или – через апелляцию к ним – группы активистов. Цензуру в социальных медиа проводят с целью

⁴ Всех крупных партий, кроме НСДАП и КПГ.

ограничить доступ к «нежелательной информации», причем необязательно навсегда – зачастую функционал учетной записи, подвергнутой цензуре, ограничивают на время.

Теперь следует обратиться к литературе, посвященной эффективности репрессий, так как цензура – не более чем их форма. В работе 2011 г. Д. Зигель продемонстрировал, что эффективность репрессий зависит от структуры социальной сети, которая связывает людей. Точечные репрессии более эффективны в условиях, когда количество влиятельных акторов в сети ограничено, но не в том случае, если все они обладают высоким уровнем мотивации. Случайные репрессии в таком случае не оказывают желаемого действия [Siegel 2011]. Поскольку цензура (в особенности цензура страхом) сама по себе лишь форма репрессий, следует выдвинуть предположение о том, что эффективность цензуры так же будет зависеть от характеристик связывающей людей сети. Наиболее важны следующие особенности социальных медиа.

Во-первых, влияние в них распределяется неравномерно. В социальных медиа выделяется «цифровая элита», которая обладает диспропорционально большим количеством «друзей» или «подписчиков» по сравнению с рядовыми участниками. Некоторые исследования показывают, что «цифровая элита» диспропорционально сильнее влияет на распространение информации в социальных медиа [González-Bailón, Wang 2016], в то время как другие работы демонстрируют, что влияние «цифровой элиты» и «цифровой периферии» (обычных пользователей) на распространение информации зависит от характера материалов. Обычные мемы и политические сообщения – в особенности призывы к протестному поведению – распространяются по-разному [Guilbeault, Becker, Centola 2018; Romero, Meeder, Kleinberg 2011]. Если в распространении первых высоко влияние «цифровой элиты» [Romero, Meeder, Kleinberg 2011], то для вторых, наоборот, более важную роль играет периферия [Steinert-Threlkeld 2017].

Во-вторых, для социальных медиа характерна гомофилия: схожие люди с большей вероятностью формируют связи друг с другом [McPherson, Smith-Lovin, Cook 2001]. Сходство касается как социально-экономического положения и этнического происхождения, так и политических предпочтений [Huber, Malhotra 2017]. Похожие люди не только скорее окажутся связаны друг с другом, но и с большей вероятностью получают информацию, которая подтверждает их точки зрения [Del Vicario, Bessi, Zollo, Petroni, Caldarelli, Stanley, Quattrociocchi 2016]. В результате формируются относительно гомогенные группы [Cinelli, De Francisci Morales, Galeazzi, Quattrociocchi, Starnini 2021], что может способствовать росту политической поляризации в обществе [Du, Gregory 2016]. Тем не менее, пока в научном сообществе не сформировался консенсус по вопросу о том, насколько гомофилия в социальных медиа влияет на рост политической поляризации. Некоторые исследования показывают, что коммуникации в социальных медиа могут и снижать ее [Barberá 2014]. Весьма вероятно, что противоположные результаты исследований вызваны различием степени гомофилии в зависимости от страны или предмета обсуждения [Barberá, Jost, Nagler, Tucker, Bonneau 2015].

Таким образом, можно выдвинуть вторую гипотезу:

H2: эффективность цензуры зависит от уровня гомофилии в сети, которая связывает подвергаемых цензуре агентов.

Проверить подобные исследовательские гипотезы – в особенности вторую – на наборе эмпирических данных невозможно. В первую очередь потому, что уровнями цензуры⁵ и гомофилии нельзя манипулировать. Проведение экспериментов также представляется ма-

⁵ Конечно, манипуляция возможна на уровне определенных акторов, но они не заинтересованы в проведении научных исследований.

лореальным. Поэтому следует обратиться к агентно-ориентированному моделированию – активно развивающемуся методу, который позволяет симулировать поведение интересующих исследователя систем [Ахременко, Петров, Жеглов 2021]. Агентно-ориентированное моделирование обладает важным преимуществом для решения задач данной статьи в связи с тем, что оно позволяет симулировать возникновение эффектов на макроуровне (в данном случае – изменений «общественного мнения») как результат взаимодействий на микроуровне (в данном случае – обмена мнениями между агентами и цензурирования отдельных агентов). В следующей части статьи будет дано описание предлагаемой агентно-ориентированной модели.

Модель

Прежде чем приступить к описанию модели, необходимо сказать несколько слов о применяемом методе.

Агентно-ориентированное моделирование – один из методов вычислительного моделирования. Он предполагает создание модели, которая состоит из конечного количества агентов – автономных объектов, которые взаимодействуют с ограниченным количеством других агентов по заранее определенным правилам. Агенты могут представлять собой как отдельных индивидов [Lane, McCaffree, Shults 2021], так и целые государства [Cederman 1994]. Они обладают определенными характеристиками (параметрами), часть из которых не меняется, а часть трансформируется при взаимодействии. Характеристики обоих типов могут как константными (их задает исследователь до начала симуляции) и извлекаемыми из определенного распределения. Внутри одной модели действуют агенты разных типов – к примеру, в модели возникновения спирали молчания в социальных медиа, разработанной Б. Россом и его коллегами, использовались и агенты-люди, и агенты-боты⁶ [Ross, Pilz, Cabrera, Brachten, Neubaum, Stieglitz 2019]. Правила взаимодействия могут отличаться у агентов разных типов. Так, в модели Росса агенты-люди демонстрировали или скрывали свою позицию в зависимости от того, находились они в большинстве или меньшинстве, а агенты-боты раскрывали ее в любом случае. Следует отметить еще одну черту агентно-ориентированных моделей. Агенты взаимодействуют друг с другом локально: либо с соседями в некотором симулируемом пространстве, либо с соседями по социальной сети.

Как верно отметил Д. Зигель, наиболее известный вид моделирования поведения агентов – теоретико-игровое моделирование, в котором агенты взаимодействуют по правилу максимизации собственного выигрыша [Siegel 2018]. Для таких моделей возможен поиск аналитического решения. Однако для агентно-ориентированных моделей, в которых агенты контактируют по другим правилам, поиск аналитического решения невозможен. Анализировать их возможно с помощью «вычислительных экспериментов».

«Вычислительный эксперимент» – множество симуляций с изменяемыми значениями параметров модели. Каждая отдельная симуляция состоит из этапа инициализации, когда устанавливаются значения параметров агентов, и определенного исследователем количества «шагов» – повторяющихся взаимодействий по установленным правилам. Параметры, значение которых устанавливает исследователь до начала симуляций, считаются «входными», «откликом» модели становится один или несколько изменяемых параметров (в предложенной ниже модели – изменения на пространстве мнений). Так как некоторые значения параметров извлекаются из случайных распределений, для каждой

⁶ Автоматизированные аккаунты социальных медиа.

комбинации параметров проводится множество симуляций, после чего анализируются агрегированные данные.

Модель состоит из 2,6 тыс. агентов, которые объединены в безмасштабную сеть. Архитектура сети похожа на реальные социальные медиа. Относительно небольшое количество агентов связано с диспропорционально большим количеством других агентов, что симулирует существование «цифровой элиты». Параметр H , который принимает значение от 0 до 1, определяет, насколько сильно различаются мнения агентов, связанных друг с другом в сети. Чем он выше, тем ниже уровень гомофилии.

Эмпирика показывает, что социальное влияние происходит в том случае, если мнения людей уже достаточно схожи [Nickerson 1998; Sarup, Suchner, Gaylord 1991]. До начала симуляции задается параметр α – «интервал доверия». Он определяет, как сильно могут различаться мнения агентов для того, чтобы при взаимодействии они повлияли друг на друга. Чем выше значение α , тем более агенты открыты для влияния со стороны своих соседей по социальной сети.

У каждого агента присутствуют следующие индивидуальные параметры: «мнение» O (принимающее значения между 0 и 1, извлекаемое из равномерного распределения), «внутренняя мотивация» m , которая определяет готовность агента участвовать в коммуникации вне зависимости от социального контекста (участие в коммуникации агентов-соседей). Вслед за Д. Зигелем предположим, что для каждого агента значение m извлекается из нормального распределения, ограниченного максимальным значением 1 и минимальным 0 с заранее заданным средним и стандартным отклонением⁷[Siegel 2011].

Мнение O отражает отношение агента к какой-либо политической проблеме – допустим, при значении $O = 0$ агент не поддерживает определенную политическую позицию, при значении $O = 1$ – полностью поддерживает. Общественным мнением в модели представляется распределение всех мнений всех агентов.

При инициализации активируются две группы агентов: все агенты с исходными мнениями в диапазонах от 0 до 0,1 и 0,9 до 1. Таким образом моделируется эффект воздействия алгоритмов социального медиа, сортирующих контент так, чтобы пользователи получили информацию, которая с наибольшей вероятностью вызовет у них отклик [Pariser 2011]. Для подобных агентов предполагается более высокое значение внутренней мотивации m , устанавливаемое как 0,99⁸ – наиболее активные участники социальных медиа отличаются крайне высокой уверенностью в своей позиции. Все последующие шаги симуляции модели проходят в следующем порядке.

Активизация агентов происходит в условиях, когда среднее значение суммы «внутренней мотивации агента» и доли активных соседей с мнением в пределах «интервала доверия» агента ниже извлекаемого из равномерного распределения с минимальным значением 0 и максимальным значением 1 случайного числа. Чем выше «общая мотивация» агента, тем больше вероятность того, что он вступит в коммуникацию.

Если количество активных агентов с близкой позицией обозначить как n_s , а общее количество агентов-соседей как n , формально данный процесс можно записать как:

$$\frac{(m + \frac{n_s}{n})}{2} \leq U[0,1]. \quad (1)$$

⁷ При использовании равномерного распределения значимых изменений поведения модель не выявила.

⁸ Без использования данного параметра результаты симуляций не отличаются от демонстрируемых ниже.

Далее происходит обмен мнениями между активными агентами. Здесь используется модель динамики мнений «ограниченного доверия»⁹. Также предполагается, что влияние оказывается только на тех агентов, чье мнение на момент взаимодействия не изменилось относительно исходного мнения более чем на значение α со стороны его соседей по сети, чьи мнения попадают в диапазон α .

Взаимодействия с соседями (обмен мнениями) происходит так:

$$\Delta o_i = \begin{cases} \text{Для агента } i \text{ если } [O_{it0} - O_t] < \alpha \text{ и } |O_{it} - O_{jt}| < \alpha \\ (1 - m_i) \cdot \mu \cdot \omega \cdot (O_{jt} - O_{it}) \\ \text{иначе} \\ 0 \end{cases},$$

где μ – сила воздействия, ω – доля активных соседей, способных оказывать ассимилятивное влияние относительно количества всех активных соседей, O_{jt} и O_{it} – мнения взаимодействующих агентов, O_{it0} – мнение агента i на начало симуляции.

Соответственно, мнение агента i после обмена мнениями:

$$O_{t+1} = O_t + \Delta o_i. \quad (3)$$

Для симуляций без моделирования цензуры на данном этапе каждый конкретный шаг модели заканчивается, повторяясь, пока не возникнет стабильное финальное распределение мнений среди агентов.

Тем не менее, просто симуляция динамики мнений автора интересует мало: подобных работ существует великое множество. Основной объект интереса в данной работе – эффективность цензуры, то есть ее способность «сдвинуть» общественное мнение в сторону нецензурируемого мнения, поэтому следует перейти к описанию механизма моделирования цензуры в симуляции.

Цензура понимается как временное отключение активного агента от коммуникации. Применяется самый широкий подход, который позволяет включить в модель как «офлайн» цензуру со стороны государственных акторов (заключение обладателя неудобного мнения под стражу или его физическое устранение), так и более «мягкие» формы онлайн-цензуры (временное ограничение доступа к аккаунту в социальном медиа или его функциональности, манипуляции алгоритмами социального медиа и т. д.). Цензура, как и репрессии, может быть нацелена как на случайных обладателей «нежелательных» мнений, так на наиболее влиятельных из них (обладающих наибольшим количеством соседей в сети). Как и реальная цензура в социальных медиа, она не должна происходить мгновенно.

Следовательно, симулируемая цензура должна отражать три основных аспекта реальной онлайн-цензуры. Ей должны подвергаться активные агенты, чьи мнения находятся в определенном промежутке; из промежутка могут выбираться как случайные агенты, так и агенты с наибольшим количеством соседей (наиболее влиятельные агенты); цензура не должна происходить на каждом шаге модели. Чтобы учесть последнюю характеристику, цензурирование происходит на первом и далее на каждом десятом шаге модели. Подвергнутые цензуре агенты временно (на срок до десяти шагов модели) отключаются от коммуникации.

Так же следует отметить, что в модель не встроено отдельный механизм обратной реакции на цензуру: сдвиг «общественного мнения» в сторону цензурируемого мнения. Подобное может произойти в процессе симуляций лишь вследствие определенного уровня гомофилии в симулируемой сети.

⁹ Большое семейство моделей «динамики мнений», которые учитывают, что мнения меняются только при взаимодействии с достаточно схожими соседями.

Результаты вычислительных экспериментов

Моделирование выполнено в программе Netlogo версии 6.2.0. [Wilensky 1999]. Следующие параметры при симуляции варьировались: уровень гомофилии H (0,2; 0,3; 0,4; 0,5; 0,6; 0,7; 0,8; 0,9; 1), «интервал доверия» α (0,1; 0,15; 0,2; 0,25; 0,3), «внутренняя мотивация» m (N (0,2; 0,15), N (0,5; 0,15), N (0,8; 0,15))¹⁰. Максимальное количество цензурируемых агентов устанавливалось на уровне 1%, 10% и 20% от количества агентов с «мнениями» в промежутке от 0,9 до 1. Такая цензура направлена на наиболее радикальных агентов, большая часть общества может не замечать ее или поддерживать, как, например, борьбу с «риторикой ненависти»¹¹. Отдельно рассматривались ситуации, когда выбор агентов для цензурирования происходит случайно и когда цензуре подвергаются агенты с наибольшим количеством соседей.

Чтобы избежать случайных отклонений, которые возникают при создании сети и распределении параметра «мнение» O по агентам с различным количеством «соседей», для каждого сочетания параметров H , α и m проводилось по 50 симуляций длительностью в 500 шагов, потом анализировались агрегированные результаты по множеству симуляций.

Распределение мнений, которое формировалось в симуляциях без цензурирования и крайне низким уровнем гомофилии (от $H = 1$ до $H = 0,7$), соответствовало традиционным для моделей «динамики мнений» результатам: при низких значениях α (0,1) изменений на пространстве мнений не происходило. При увеличении значения α количество групп уменьшилось до трех: две из них можно условно назвать «радикальными» – они формировались в промежутке от 0,05 до 0,15 и 0,85 до 0,95, третья группа, «центристская», формировалась в промежутке от 0,4 до 0,6. При увеличении значения α количество агентов в первых двух группах снижалось, в третьей – увеличивалось. При $\alpha = 0,3$ количество агентов в «центристской» группе было столь высоко, что можно говорить о формировании «консенсуса». Медианное «мнение» в системе стабильно оставалось равным 0,5.

При увеличении уровня гомофилии ($H = 0,4$; $H = 0,3$; $H = 0,2$) и низких значениях α ($\alpha = 0,1$; $\alpha = 0,15$) формировалось 4-5 кластеров со схожими мнениями, однако при дальнейшем увеличении α картина менялась. Формировалось всего две группы. В центре, где при отсутствии гомофилии появлялась самая крупная группа, возникала «пустота»: симулируемое общество поляризовалось. Что наиболее интересно, для такого эффекта не потребовалось очень высокого уровня гомофилии: при значении $H = 0,6$ условный агент i с мнением на уровне 0,4 мог быть связан с любым другим агентом в системе.

Когда в модель добавляется цензура, результаты становятся еще неожиданнее. Основной вывод данной работы – при средней или высокой гомофилии цензура, нацеленная на наиболее радикальные мнения, не только не эффективна (не способна сдвинуть общественное мнение ближе к нецензурируемой области), но и – при значениях α ($\alpha = 0,2$; $\alpha = 0,25$) – общественное мнение сдвигается в сторону цензурируемого мнения. Впрочем, в условиях отсутствия гомофилии цензура показала свою эффективность.

При высоком значении «интервала доверия» α ($\alpha = 0,3$) случайное цензурирование даже 1% от количества агентов в группе с мнениями в промежутке от 0,9 до 1 приводило к стабильному сдвигу медианного мнения «влево» (0,44 против 0,5 в условиях отсутствия цензуры). Увеличение количества цензурируемых агентов позволяло добиться такого результата

¹⁰ Ограничено максимальным значением 1 и минимальным 0. Изменения параметра не показали значительных изменений в поведении модели.

¹¹ Допустим, с призывами к насильственным действиям по отношению к этническим меньшинствам.

Таблица 1.

Формирование групп в пространстве мнений без влияния цензуры

Table 1.

Formation of groups in the opinion space (no influence of censorship)

	H = 0,2	H = 0,3	H = 0,4	H = 0,5	H = 0,6	H = 0,7	H = 0,8	H = 0,9	H = 1
$\alpha = 0,1$	Фрагментация	Фрагментация	Три группы	Нет изменений	Нет изменений	Нет изменений	Нет изменений	Нет изменений	Нет изменений
$\alpha = 0,15$	Три группы	Три группы	Три группы	Три группы	Три группы	Три группы	Три группы	Три группы	Три группы
$\alpha = 0,2$	Поляризация	Поляризация	Поляризация	Поляризация	Три группы				
$\alpha = 0,25$	Поляризация	Поляризация	Поляризация	Поляризация	Поляризация	Поляризация	Три группы	Три группы	Три группы
$\alpha = 0,3$	Поляризация	Поляризация	Поляризация	Поляризация	Поляризация	Три группы	Консенсус	Консенсус	Консенсус

Таблица 2.

Влияние цензуры (цензурюются 10% от количества агентов в группе с мнением $O > 0,9$)

Table 2.

Influence of censorship (10% of agents with opinion $O > 0,9$ are censored)

	H = 0,2	H = 0,3	H = 0,4	H = 0,5	H = 0,6	H = 0,7	H = 0,8	H = 0,9	H = 1
$\alpha = 0,1$	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Нет изменений	Нет изменений	Нет изменений	Нет изменений	Нет изменений	Нет изменений
$\alpha = 0,15$	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна
$\alpha = 0,2$	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна
$\alpha = 0,25$	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна	Неэффективна
$\alpha = 0,3$	Неэффективна	Эффективна	Эффективна	Неэффективна	Неэффективна	Эффективна	Эффективна	Эффективна	Эффективна

и при более низких значениях «интервала доверия» α . Впрочем, при крайне низких значениях α ($\alpha = 0,1$) эффекта у цензуры не было.

По мере увеличения гомофилии картина менялась. Теперь, как и в условиях отсутствия цензуры, при высоких значениях α ($\alpha > 0,15$) формируются две группы, при низких – три и более. Даже при условии, что цензуре подвергается 10% или 20% агентов с мнениями в промежутке от 0,9 до 1, которые обладают наибольшим количеством соседей, цензура не способна помешать образованию группы с мнениями, близкими к цензурируемому. При средних значениях параметра α (0,2 и 0,25) медианное мнение стабильно сдвигается «вправо» – в сторону группы, подвергаемой цензуре. Лишь при значении $\alpha = 0,3$ и высокой гомофилии цензура оказывается эффективна.

Эффективно цензурировать сеть с высоким уровнем гомофилии при большей части возможных значений α возможно только тогда, когда значительно увеличивается промежуток на пространстве мнений, в котором агенты подвергаются цензуре (до состояния от 0,6 до 1) и увеличивается время отключения от коммуникации (до как минимум 30 шагов модели). Данный результат объясняет, почему некоторые авторитарные страны вкладывают столь большие ресурсы в цензурирование социальных медиа и репрессии против, на первый взгляд, безвредных обладателей «нежелательных» мнений.

Таким образом, первая гипотеза подтверждается только частично: использование цензуры действительно может сдвигать общественное мнение в сторону цензурируемых мнений, но лишь при определенных условиях. Либо в сети должен быть очень низкий уровень гомофилии, либо цензурироваться должна значительная часть сети. Вторая гипотеза подтверждается полностью: эффект цензуры в значительной степени зависит от уровня гомофилии в сети. Цензурирование радикальных мнений эффективно только в случае низкой гомофилии. Что примечательно, цензура «цифровых элит» – агентов с наибольшими количеством соседей в цензурируемой группе – оказалась неэффективна в условиях высокой гомофилии.

Выводы

Проведенные симуляции показали достаточно интересный результат. Модель продемонстрировала, что эффективность цензуры в значительной мере зависит от степени гомофилии в социальном медиа. При низкой гомофилии даже крайне слабое вмешательство эффективно: общественное мнение стабильно сдвигается в сторону не подвергаемых цензуре мнений. Однако при росте уровня гомофилии ситуация меняется: цензурирование только радикальных мнений оказывается недостаточным и ведет к противоположному эффекту – общественное мнение сдвигается в сторону цензурируемых мнений. В данном случае только обширная цензура, которая захватывает значительную часть пространства мнений, способна достичь желаемых результатов.

Конечно, следует отметить, что вычислительные модели показывают исключительно упрощенные представления реальности. В используемую модель не включен механизм, который делает цензурируемые «мнения» более интересными для пользователей социальных медиа¹². Впрочем, как показали симуляции, и без него цензура может быть неэффективной.

Почему в условиях гомофилии цензура становится менее действенной? Модель подсказывает два потенциальных механизма. Во-первых, цензура не приводит к изменению мнений подвергнутых ей агентов: вернувшись в коммуникацию, они продолжают транслировать его на соседей. Во-вторых, в условиях гомофилии близость мнений влияет на

¹² Допустим, как продемонстрировали Вонг и Лианг, подвергнутые цензуре сообщения воспринимались как более достоверные [Wong, Liang 2021].

вероятность образования связи между двумя агентами. Блокирование наиболее радикальных мнений не мешает носителям чуть менее радикальных мнений высказывать их и влиять на свое окружение.

Из данных выводов следует, что, во-первых, цензурирование исключительно радикальных мнений неэффективно в социальных медиа в условиях гомофилии. Во-вторых демонстрируется, что эффективная цензура требует значительных ресурсов (как, например, во внутрикитайских социальных медиа). С одной стороны, можно предположить, что попытки использовать цензуру для борьбы с нежелательными мнениями обречены на провал: сторонники теорий заговоров, бывшего президента США Д. Трампа и «антипрививочных» движений продолжают действовать в социальных медиа и рекрутировать новых сторонников. С другой стороны, неэффективность «ограниченной» цензуры в отношении только самых радикальных мнений со временем станет заметной и для цензоров. В результате они будут вынуждены расширять масштаб своих действий, что рано или поздно сделает цензуру заметной и для пользователей. Между тем о неэффективности такой цензуры позволяет говорить значительный объем накопленных знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахременко А.С., Петров А.П., Жеглов С.А. (2021) Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу // Политическая наука. № 1. С. 12–45. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.01>.

Калюков Е., Чебакова Д. (2021) «Яндекс» объяснил удаление сайта «Умного голосования» из поиска // РБК. 9 сентября. (<https://www.rbc.ru/politics/07/09/2021/613709739a79476fd52e153a>).

Козицин И.В., Щербинина А.А., Бабкина Т.С., Гильмутдинов Б.Н., Гойко В.Л., Сайфулин Э.Р. (2020) Эволюция социальных связей пользователей вконтакте и информационные пузыри // УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ КРУПНОМАСШТАБНЫХ СИСТЕМ MLSД'2020. С. 1865–1873.

Суслов С.И. (2016) Кластеры петербургских политических онлайн-сообществ в «ВКонтакте» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. №. 4. С. 69–87. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.405>.

Шерстобитов А.С., Бряннов К.А. (2013) Технологии политической мобилизации в социальной сети «ВКонтакте»: сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №. 10-1. С. 196–202.

Шишкина А.Р., Исаев Л.М. (2015) Интернет-цензура в арабских странах // Азия и Африка сегодня. №. 2. С. 40–45.

Adena M., Enikolopov R., Petrova M., Santarosa V., Zhuravskaya, E. (2015) Radio and the Rise of the Nazis in Prewar Germany // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 130. № 4. Pp. 1885–1939. DOI: <https://doi.org/10.1093/qje/qjv030>.

Barberá P. (2014) How Social Media Reduces Mass Political Polarization. Evidence from Germany, Spain, and the US // Job Market Paper, New York University. Vol. 46. (http://pablobarbera.com/static/barbera_polarization_APSA.pdf).

Barberá P., Jost T.J., Nagler J., Tucker J.A., Bonneau R. (2015) Tweeting from Left to Right: Is Online Political Communication More than an Echo Chamber? // Psychological Science. Vol. 26. № 10. Pp. 1531–1542. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797615594620>.

Barberá P., Wang N., Bonneau R., Jost T.J., Nagler J., Tucker J., González-Bailón S. (2015) The Critical Periphery in the Growth of Social Protests // PloS one. Vol. 10. № 11. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0143611>.

Bond R.M., Fariss C.J., Jones J.J., Kramer A.D., Marlow C., Settle J.E., Fowler J.H. (2012) A 61-Million-Person Experiment in Social Influence and Political Mobilization // *Nature*. Vol. 489. № 7415. Pp. 295–298. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature11421>.

Cederman L. E. (1994) Emergent Polarity: Analyzing State-Formation and Power Politics // *International Studies Quarterly*. Vol. 38. № 4. Pp. 501–533. DOI: <https://doi.org/10.2307/2600863>.

Chen Y., Yang D. Y. (2019) The Impact of Media Censorship: 1984 or Brave New World? // *American Economic Review*. Vol. 109. № 6. Pp. 2294–2332. DOI: [10.1257/aer.20171765](https://doi.org/10.1257/aer.20171765).

Cinelli M., Morales G.D.F., Galeazzi A., Quattrociochi W., Starnini M. (2021) The Echo Chamber Effect on Social Media // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 118. № 9. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2023301118>.

Clayton J. (2021) Facebook Reverses Kyle Rittenhouse Policy // *BBC*. 1 December 2021. (<https://www.bbc.com/news/technology-59486397>).

Colleoni E., Rozza A., Arvidsson A. (2014) Echo Chamber or Public Sphere? Predicting Political Orientation and Measuring Political Homophily in Twitter Using Big Data // *Journal of Communication*. Vol. 64. № 2. Pp. 317–332. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcom.12084>.

Collins B., Zadrozny B. (2021) Anti-Vaccine Groups Changing into ‘Dance Parties’ on Facebook to Avoid Detection // *NBC*. July 22. (<https://www.nbcnews.com/tech/tech-news/anti-vaccination-groups-turn-coded-language-facebook-pledges-crackdown-rcna1480>).

Del Vicario M., Bessi A., Zollo F., Petroni F., Scala A., Caldarelli G., Stanley H.E., Quattrociochi, W. (2016) The Spreading of Misinformation Online // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 113. № 3. Pp. 554–559. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1517441113>.

Du S., Gregory S. (2016) The Echo Chamber Effect in Twitter: Does Community Polarization Increase? // In: *International Workshop on Complex Networks and Their applications*. H. Cherifi., S. Gaito., W. Quattrociochi., A. Sala (eds.). Cham: Springer. Pp. 373–378. https://doi.org/10.1007/978-3-319-50901-3_30.

Epstein R., Robertson R. E. (2015) The Search Engine Manipulation Effect (SEME) and Its Possible Impact on the Outcomes of Elections // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 112. № 33. Pp. 4512–4521. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1419828112>.

González-Bailón S., Wang N. (2016) Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media // *Social Networks*. Vol. 44. Pp. 95–104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2015.07.003>.

Guilbeault D., Becker J., Centola D. (2018) Complex Contagions: A Decade in Review // In: S. Lehmann, Y.Y. Ahn (eds). *Complex Spreading Phenomena in Social Systems*. Cham: Springer. Pp. 3–25. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-77332-2_1.

Kim M. (2016) Facebook’s Spiral of Silence and Participation: The Role of Political Expression on Facebook and Partisan Strength in Political Participation // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 19. № 12. Pp. 696–702. DOI: <https://doi.org/10.1177/20563051211044239>.

King G., Pan J., Roberts M. E. (2013) How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression // *American Political Science Review*. Vol. 107. № 2. Pp. 326–343. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055413000014>.

King G., Pan J., Roberts M. E. (2014) Reverse-Engineering Censorship in China: Randomized Experimentation and Participant Observation // *Science*. Vol. 345. № 6199. Pp. 891–903. DOI: [10.1126/science.1251722](https://doi.org/10.1126/science.1251722).

Lane J. E., McCaffree K., Shults F. L. R. (2021) Is Radicalization Reinforced by Social Media Censorship? // *arXiv*. (<https://arxiv.org/abs/2103.12842>),

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. (2001) Birds of a Feather: Homophily in Social Networks // *Annual Review of Sociology*. Vol. 27. № 1. Pp. 415–444. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>.

Nabi Z. (2014) Resistance-Censorship is Futile // *First Monday*. Vol. 19. № 11. (<https://firstmonday.org/article/view/5525/4155>).

- Nickerson R. S. (1998) Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises // *Review of General Psychology*. Vol. 2. № 2. Pp. 175–220. DOI: <https://doi.org/10.1037/1089-2680.2.2.175>.
- Pan J., Siegel A. A. (2020) How Saudi Crackdowns Fail to Silence Online dissent // *American Political Science Review*. Vol. 114. № 1. Pp. 109–125. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055419000650>.
- Pariser E. (2011) *The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You*. London: Penguin UK.
- Roberts M. E. (2020) Resilience to Online Censorship // *Annual Review of Political Science*. Vol. 23. Pp. 401–419. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050718-032837>.
- Rogers R. (2020) Deplatforming: Following Extreme Internet Celebrities to Telegram and Alternative Social Media // *European Journal of Communication*. Vol. 35. № 3. Pp. 213–229. DOI: <https://doi.org/10.1177/0267323120922066>.
- Romero D.M., Meeder B., Kleinberg J. (2011) Differences in the Mechanics of Information Diffusion across Topics: Idioms, Political Hashtags, and Complex Contagion on Twitter // *Proceedings of the 20th International Conference on World Wide Web*. Pp. 695–704. DOI: <https://doi.org/10.1145/1963405.1963503>.
- Ross B., Pilz L., Cabrera B., Brachten F., Neubaum G., Stieglitz, S. (2019) Are Social Bots a Real Threat? An Agent-Based Model of the Spiral of Silence to Analyse the Impact of Manipulative Actors in Social Networks // *European Journal of Information Systems*. Vol. 28. № 4. Pp. 394–412. DOI: <https://doi.org/10.1080/0960085X.2018.1560920>.
- Sarup G., Suchner R. W., Gaylord G. (1991) Contrast Effects and Attitude Change: A Test of the Two-Stage Hypothesis of Social Judgment Theory // *Social Psychology Quarterly*. Vol. 54. № 4. Pp. 364–372. DOI: <https://doi.org/10.2307/2786848>.
- Siegel D. A. (2011) When Does Repression Work? Collective Action in Social Networks // *The Journal of Politics*. Vol. 73. № 4. Pp. 993–1010. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022381611000727>.
- Siegel D. A. (2018) Analyzing Computational Models // *American Journal of Political Science*. Vol. 62. № 3. Pp. 745–759. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12364>.
- Steinert-Threlkeld Z. C. (2017) Spontaneous Collective Action: Peripheral Mobilization During the Arab Spring // *American Political Science Review*. Vol. 111. № 2. Pp. 379–403. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055416000769>.
- Wang C. (2021) Opinion Dynamics with Bilateral Propaganda and Unilateral Information Blockade // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. Vol. 566. DOI: [10.1016/j.physa.2020.125646](https://doi.org/10.1016/j.physa.2020.125646).
- Wilensky U. (1999) *NetLogo* // Netlogo, Center for Connected Learning and Computer-Based Modeling, Northwestern University, Evanston, IL. (<https://ccl.northwestern.edu/netlogo/>)
- Wong, S. H. W., Liang, J. (2021) Dubious Until Officially Censored: Effects of Online Censorship Exposure on Viewers' Attitudes in Authoritarian Regimes // *Journal of Information Technology & Politics*. Vol. 18. № 3. Pp. 310–323. DOI: <https://doi.org/10.1080/19331681.2021.1879343>.
- Zhu Y., Fu K. (2020) Speaking Up or Staying Silent? Examining the Influences of Censorship and Behavioral Contagion on Opinion (Non-) Expression in China // *New Media & Society*. Vol. 23. № 12. Pp. 3634–3655. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444820959016>.
- Zittrain J. (2013) Engineering an Election // *Harvard Law Review Forum*. Vol. 127. Pp. 335–341. (http://cdn.harvardlawreview.org/wp-content/uploads/2014/06/vol127_Symposium_Zittrain.pdf).

REFERENCES

- Adena M., Enikolopov R., Petrova M., Santarosa V., Zhuravskaya, E. (2015) Radio and the Rise of the Nazis in Prewar Germany. *The Quarterly Journal of Economics*. vol. 130, no. 4, pp. 1885–1939. DOI: <https://doi.org/10.1093/qje/qjv030>.
- Akhremenko A.S., Petrov A.P., Zheglov S.A. (2021) Kak informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii menyayut trendy v modelirovanii politicheskikh protsessov: k agentnomu podkhodu [How Information and Communication Technologies Change Trends in Modeling Political Processes: to Agent-Based Approach]

mation and Communication Technologies Change Trends in Modelling Political Processes: Towards an Agent-Based Approach]. *Politicheskaya nauka*. no. 1, pp. 12–45.

Barberá P. (2014) How Social Media Reduces Mass Political Polarization. Evidence from Germany, Spain, and the US. *Job Market Paper, New York University*. vol. 46. (http://pablobarbera.com/static/barbera_polarization_APSA.pdf).

Barberá P., Jost T.J., Nagler J., Tucker J.A., Bonneau R. (2015) Tweeting from Left to Right: Is Online Political Communication More than an Echo Chamber? *Psychological Science*. vol. 26, no. 10, pp. 1531–1542. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797615594620>.

Barberá P., Wang N., Bonneau R., Jost T.J., Nagler J., Tucker J., González-Bailón S. (2015) The Critical Periphery in the Growth of Social Protests. *PloS one*. vol. 10, no. 11. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0143611>.

Bond R.M., Fariss C.J., Jones J.J., Kramer A.D., Marlow C., Settle J.E., Fowler J.H. (2012) A 61-Million-Person Experiment in Social Influence and Political Mobilization. *Nature*. vol. 489, no. 7415, pp. 295–298. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature11421>.

Cederman L. E. (1994) Emergent Polarity: Analyzing State-Formation and Power Politics. *International Studies Quarterly*. vol. 38, no. 4, pp. 501–533. DOI: <https://doi.org/10.2307/2600863>.

Chen Y., Yang D. Y. (2019) The Impact of Media Censorship: 1984 or Brave New World? *American Economic Review*. vol. 109, no. 6, pp. 2294–2332. DOI: [10.1257/aer.20171765](https://doi.org/10.1257/aer.20171765).

Cinelli M., Morales G.D.F., Galeazzi A., Quattrociochi W., Starnini M. (2021) The Echo Chamber Effect on Social Media. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. vol. 118, no. 9. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2023301118>.

Clayton J. (2021) Facebook Reverses Kyle Rittenhouse Policy. *BBC*. 1st December 2021. (<https://www.bbc.com/news/technology-59486397>).

Colleoni E., Rozza A., Arvidsson A. (2014) Echo Chamber or Public Sphere? Predicting Political Orientation and Measuring Political Homophily in Twitter Using Big Data. *Journal of Communication*. vol. 64, no. 2, pp. 317–332. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcom.12084>.

Collins B., Zadrozny B. (2021) Anti-Vaccine Groups Changing into ‘Dance Parties’ on Facebook to Avoid Detection. *NBC*. July 22. (<https://www.nbcnews.com/tech/tech-news/anti-vaccination-groups-turn-coded-language-facebook-pledges-crackdown-rcna1480>).

Del Vicario M., Bessi A., Zollo F., Petroni F., Scala A., Caldarelli G., Stanley H.E., Quattrociochi, W. (2016) The Spreading of Misinformation Online. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. vol. 113, no. 3. pp. 554–559. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1517441113>.

Du S., Gregory S. (2016) The Echo Chamber Effect in Twitter: Does Community Polarization Increase? In: H. Cherifi., S. Gaito., W. Quattrociochi., A. Sala (eds.). *International Workshop on Complex Networks and Their Applications*. Cham: Springer. pp. 373–378. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-50901-3_30.

Epstein R., Robertson R. E. (2015) The Search Engine Manipulation Effect (SEME) and Its Possible Impact on the Outcomes of Elections. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. vol. 112, no. 33, pp. 4512–4521. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1419828112>.

González-Bailón S., Wang N. (2016) Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media. *Social Networks*. vol. 44, pp. 95–104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2015.07.003>.

Guilbeault D., Becker J., Centola D. (2018) Complex Contagions: A Decade in Review. In: S. Lehmann, Y.Y. Ahn (eds). *Complex Spreading Phenomena in Social Systems*. Cham: Springer. pp. 3–25. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-77332-2_1.

Kalyukov E., Chebakova D. (2021) «Yandeks» ob’yasnil udalenie sajta «Umnogo golosovaniya» iz poiska [“Yandex” Explained Removal of “Smart Vote” Site from Search]. *RBK*, September 9th. (<https://www.rbc.ru/politics/07/09/2021/613709739a79476fd52e153a>).

Kim M. (2016) Facebook's Spiral of Silence and Participation: The Role of Political Expression on Facebook and Partisan Strength in Political Participation. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. vol. 19, no. 12, pp. 696–702. DOI: <https://doi.org/10.1177/20563051211044239>.

King G., Pan J., Roberts M. E. (2013) How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression. *American Political Science Review*. vol. 107, no. 2, pp. 326–343. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055413000014>.

King G., Pan J., Roberts M. E. (2014) Reverse-Engineering Censorship in China: Randomized Experimentation and Participant Observation. *Science*. vol. 345, no. 6199, pp. 891–903. DOI: 10.1126/science.1251722.

Kozitsin I.V., Scherbinina A.A., Babkina T.S., Gil'mutdinov B.N., Gojko V.L., Sajfulin Eh.R. (2020) Ehvolyutsiya sotsial'nykh svyazey pol'zovatelej v kontakte i informatsionnye puzryi [Evolution of social ties of Vkontakte users and information bubbles]. *UPRAVLENIE RAZVITIEM KRUPNOMASSHTABNYKH SISTEM MLS D'2020*. pp. 1865–1873.

Lane J. E., McCaffree K., Shults F. L. R. (2021) Is Radicalization Reinforced by Social Media Censorship? *arXiv*. (<https://arxiv.org/abs/2103.12842>),

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. (2001) Birds of a Feather: Homophily in Social Networks. *Annual Review of Sociology*. vol. 27, no. 1, pp. 415–444. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>.

Nabi Z. (2014) Resistance-Censorship is Futile. *First Monday*. vol. 19, no. 11. (<https://firstmonday.org/article/view/5525/4155>).

Nickerson R. S. (1998) Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises. *Review of General Psychology*. vol. 2, no. 2, pp. 175–220. DOI: <https://doi.org/10.1037/1089-2680.2.2.175>.

Pan J., Siegel A. A. (2020) How Saudi Crackdowns Fail to Silence Online Dissent. *American Political Science Review*. vol. 114, no. 1, pp. 109–125. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055419000650>.

Pariser E. (2011) *The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You*. London: Penguin UK.

Roberts M. E. (2020) Resilience to Online Censorship. *Annual Review of Political Science*. vol. 23, pp. 401–419. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050718-032837>.

Rogers R. (2020) Deplatforming: Following Extreme Internet Celebrities to Telegram and Alternative Social Media. *European Journal of Communication*. vol. 35, no. 3, pp. 213–229. DOI: <https://doi.org/10.1177/0267323120922066>.

Romero D.M., Meeder B., Kleinberg J. (2011) Differences in the Mechanics of Information Diffusion across Topics: Idioms, Political Hashtags, and Complex Contagion on Twitter. *Proceedings of the 20th International Conference on World Wide Web*. pp. 695–704. DOI: <https://doi.org/10.1145/1963405.1963503>.

Ross B., Pilz L., Cabrera B., Brachten F., Neubaum G., Stieglitz, S. (2019) Are Social Bots a Real Threat? An Agent-Based Model of the Spiral of Silence to Analyse the Impact of Manipulative Actors in Social Networks. *European Journal of Information Systems*. vol. 28, no. 4, pp. 394–412. DOI: <https://doi.org/10.1080/0960085X.2018.1560920>.

Sarup G., Suchner R. W., Gaylord G. (1991) Contrast Effects and Attitude Change: A Test of the Two-Stage Hypothesis of Social Judgment Theory. *Social Psychology Quarterly*. vol. 54, no. 4, pp. 364–372. DOI: <https://doi.org/10.2307/2786848>.

Sherstobitov A.S., Bryanov K.A. (2013) Tekhnologii politicheskoy mobilizatsii v sotsial'noj seti» VKontakte»: setevoy analiz protestnogo i provlastnogo segmentov [Political Mobilization Technologies in Social Network «VKontakte»: Network Analysis of Protest and Pro-Regime Segments]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. no. 10-1, pp. 196–202.

Shishkina A.R., Isaev L.M. (2015) Internet-tsenzura v arabskikh stranakh [Internet Censorship in Arab Countries]. *Aziya i Afrika segodnya*. no. 2, pp. 40–45.

Siegel D. A. (2011) When Does Repression Work? Collective Action in Social Networks. *The Journal of Politics*. vol. 73, no. 4, pp. 993–1010. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022381611000727>.

Siegel D. A. (2018) Analyzing Computational Models. *American Journal of Political Science*. vol. 62, no. 3, pp. 745–759. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12364>.

Steinert-Threlkeld Z. C. (2017) Spontaneous Collective Action: Peripheral Mobilization During the Arab Spring. *American Political Science Review*. vol. 111, no. 2, pp. 379–403. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055416000769>.

Suslov S.I. (2016) Klastery peterburgskikh politicheskikh onlajn-soobschestv v «VKontakte» [Saint-Petersburg's Political Online Communities Clusters in “Vkontakte”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. no. 4, pp. 69–87. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.405>.

Wang C. (2021) Opinion Dynamics with Bilateral Propaganda and Unilateral Information Blockade. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. vol. 566. DOI: 10.1016/j.physa.2020.125646.

Wilensky U., (1999) NetLogo. Netlogo, Center for Connected Learning and Computer-Based Modeling, Northwestern University, Evanston, IL. (<https://ccl.northwestern.edu/netlogo/>).

Wong, S. H. W., Liang, J. (2021) Dubious Until Officially Censored: Effects of Online Censorship Exposure on Viewers' Attitudes in Authoritarian Regimes. *Journal of Information Technology & Politics*. vol. 18, no. 3, pp. 310–323. DOI: <https://doi.org/10.1080/19331681.2021.1879343>.

Zhu Y., Fu K. (2020) Speaking Up or Staying Silent? Examining the Influences of Censorship and Behavioral Contagion on Opinion (Non-) Expression in China. *New Media & Society*. vol. 23, no. 12, pp. 3634–3655. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444820959016>.

Zittrain J. (2013) Engineering an Election. *Harvard Law Review Forum*. vol. 127, pp. 335–341. (http://cdn.harvardlawreview.org/wp-content/uploads/2014/06/vol127_Symposium_Zittrain.pdf).

Информация об авторе

Толокнев Кирилл Александрович, аспирант аспирантской школы по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: Мясницкая улица, 20, 101000, Москва. E-mail: kirtoloknev@gmail.com

About the author

Kirill A. Toloknev, Postgraduate Student, Doctoral School of Political Science, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 101000, Moscow, Myasnitckaya Ulitsa, 20. E-mail: kirtoloknev@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 28.09.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.12.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 22.12.2021